

М. Н.
Волконский

«TERRA» - «TERRA»

Волконский М.Н. Сочинения: В 3 т. Т. 3: Мальтийская цепь; Ищите и найдете; Гамлет XVIII века: Романы. Твердый переплет, 592 стр. //Терра, Москва, 1995
ISBN: 5-300-00178-3, 5-300-00251-8
FB2: "CascadeMT", 07 December 2009, version 1.0
UUID: E9B7B972-D00E-4244-BA8C-F15209E1D1DD
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Михаил Николаевич Волконский

Ищите и найдете

"Ищите и найдете" — роман о тайной борьбе масонов и иезуитов при дворе Павла I.

Для романа "Ищите и найдете" (1904) М.Н. Волконский выбирает тему весьма значимую — тайную борьбу мистического, масонского общества перфектибиллистов (их пароль — "ищите и найдете") с агентами ордена иезуитов, проникшими в Россию по поручению Наполеона Бонапарта: рассорить Павла I с королем-изгнанником Людовиком XVIII, нашедшим приют в Митаве благодаря гостеприимству российского императора. Но в развитии этот сложной политической интриги у Волконского участвуют не крупные исторические фигуры, а два молодых приятеля — художник Варгин и доктор Герье. Именно с их помощью, по писательской версии, как раз и удалось расстроить козни иезуитов.

История России восемнадцатого столетия, взятая в ее неофициальном, личностном аспекте, словно бы оживает на страницах романов Волконского, оказывается несравнимо более впечатляющей и значительной, по сравнению с той, что запечатлена в документальных

сводах и исследована в монографиях ученых мужей. Что, кстати, и требовалось доказать, ибо, как и все исторические романисты, Волконский, сочиняя свою беллетризованную, приключенческую историю века, преследовал цели важные, возвышенно-просветительские: увлечь читателей далеким прошлым своего отечества, зажечь в них живой пламень патриотических чувств, а также показать, что и в те давно минувшие времена превыше всего ценились в людях мужество и благородство, доброта и милосердие, умение постоять за свою честь и достоинство.

Содержание

I	0009
II	0013
III	0018
IV	0024
V	0030
VI	0035
VII	0040
VIII	0045
IX	0051
X	0056
XI	0061
XII	0065
XIII	0070
XIV	0076
XV	0081
XVI	0086
XVII	0090
XVIII	0094
XIX	0098
XX	0104
XXI	0113
XXII	0118
XXIII	0123
XXIV	0128
XXV	0133

XXVI	0138
XXVII	0143
XXVIII	0149
XXIX	0156
XXX	0163
XXXI	0169
XXXII	0175
XXXIII	0181
XXXIV	0187
XXXV	0193
XXXVI	0198
XXXVII	0206
XXXVIII	0212
XXXIX	0219
XL	0223
XLI	0230
XLII	0235
XLIII	0241
XLIV	0247
XLV	0252
XLVI	0257
XLVII	0262
XLVIII	0268
XLIX	0273
L	0278
LI	0284
LII	0290
LIII	0295

LIV	0301
LV	0307
LVI	0313
LVII	0320
LVIII	0325
LIX	0332
LX	0338
LXI	0344
LXII	0349
LXIII	0356
LXIV	0362
LXV	0368
LXVI	0375
LXVII	0381
LXVIII	0386
LXIX	0391
LXX	0397
LXXI	0402
LXXII	0407
LXXIII	0413
LXXIV	0420
LXXV	0430
LXXVI	0436
LXXVII	0442
LXXVIII	0448
LXXIX	0456
LXXX	0464
LXXXI	0472

LXXXII	0478
LXXXIII	0485
LXXXIV	0492
LXXXV	0498
LXXXVI	0504
LXXXVII	0508
LXXXVIII	0514

М.Н. Волконский
Ищите и найдете

Художнику Варгину была поручена часть росписи стен в строящемся новом дворце императора Павла Петровича.

Собственно говоря, это сам он, Варгин, называл так свою работу, как будто порученная ему роспись была его оригиналом, а на самом деле ему приходилось довольствоваться более скромным трудом, то есть расписывать стены и плафоны по чужим картонам, так что имени его, как придворного художника, история не сохранила.

Делом этим, однако, Варгин занимался с большим рвением, как будто истинное вдохновение осеняло его.

С самого утра, чтобы не терять времени, когда на короткий промежуток показывается в Петербурге солнце зимой, он забирался на прилаженные к потолку подмости, ложился на них на спину и в таком не совсем, правда, удобном положении отдавался работе.

Стены расписывать было легче.

Раз он лежал так на помосте и старательно выписывал ногу богине, мчавшейся по обла-

кам на колеснице из цветов. Внизу в комнату вошли. Он слышал это, но видеть не мог. Вошедшим тоже не было возможности увидеть его, лежавшего на помосте, под которым они остановились. Он слышал их разговор и узнал волей-неволей то, о чем говорили они: это была одна из тайн будущего дворца, и дело касалось секретного хода, дверь в который была тут, в этой комнате...

Варгин хотел было сначала дать знать о себе кашлем, но все равно было уже поздно. Он оробел и притих. Оробел же он потому, что узнал по голосу в одном из говоривших главного архитектора, а другой был, вероятно, очень важным лицом, судя по той почтительности, с которой обращался к нему главный архитектор.

У Варгина сжалось дыхание, и он не проронил ни звука, услышав весь разговор и все объяснение подземного хода. Он узнал, как отворяется потайная дверь, куда направляется ход, словом, все подробно.

Разговаривавшие прошли.

Варгин не сомневался, что если б заметили его на помосте и увидели, что теперь ему ста-

ла доступна таким образом тайна секретного хода, — ему несдобровать бы.

Очевидно, тайный ход делался не для того, чтоб все его подробности были известны какому-то художнику, и с этим «каким-то» художником не поцеремонились бы.

Разговаривавшие прошли, Варгин вздохнул было свободнее, но сейчас же сообразил, что опасность для него не миновала еще во все.

Архитектор, проводив важного посетителя, мог вспомнить, нет ли кого-нибудь на помосте в комнате, где дверь хода, и вернуться, застать Варгина, и тогда он погиб. Так, по крайней мере, рассуждал Варгин.

В жизни его были уже обстоятельства, вовлекшие его в большие опасности и доставившие ему немало тревог и волнений.

С тех пор он дал себе слово жить тихо, скромно, незаметно делать свое маленькое дело и никуда не соваться. Он боялся теперь всяких романтических тайн и необыкновенных происшествий.

Так он и жил, стараясь оставаться в тени, и вдруг — такой совершенно непредвиденный

случай!

Он лежал на помосте, откинув в сторону кисть и палитру. Сердце у него билось. Ему казалось уже, что слышатся шаги архитектора...

Тут его осенила мысль, что можно воспользоваться тем же потайным ходом, о котором только что он узнал, чтобы скрыться и отстранить всякие подозрения.

Почти не рассуждая, повинувшись единственно этой мысли, только и дававшей, по его мнению, спасение, он накинул на себя плащ, схватил шапку, спустился с помоста, легко отыскал дверь, отворил ее и юркнул в узкое, темное, сырое пространство.

Он сделал это как раз вовремя. Едва затворилась за ним дверь, в комнату вошел архитектор и стал кликать его. Не получая ответа, архитектор влез по лестнице и внимательно осмотрел помост.

Убедившись, что на нем никого не было, он успокоился.

Выбравшись благополучно по секретному входу из строившегося замка, Варгин без оглядки кинулся домой, чтоб и след его простыл поскорее.

Жил он поблизости от замка, где ему приходилось работать теперь. Он переехал сюда, чтоб, ради экономии, ходить на работу пешком.

Варгин нанимал комнату от хозяйки, Августы Карловны, которая снимала маленький одноэтажный домик, служивший надворным строением большого барского дома, выходявшего фасадом на улицу близ Литейного двора. Домика за этим большим домом вовсе не было видно, да и ход к нему лежал не через главные ворота, а из переулка.

У Августы Карловны, кроме Варгина, жил еще молодой женевец, доктор Герье, явившийся в Россию искать счастья, состояния и богатства — словом, всех благ земных.

Тогда Россия еще представлялась иностранцам обетованной землею, где каждому, кто отважится приехать в нее из чужих кра-

ев, легко достичь всего, что ему хочется...

Однако расчеты молодого женева не оправдывались. Вместо богатства и роскоши, о которых он мечтал, отправляясь в Россию, ему пришлось довольствоваться в Петербурге более чем скромной комнатой в маленьком домике Августы Карловны с ходом из переул-ка.

Правда, в этом переулке часто можно было видеть барские кареты, останавливавшиеся у калитки, которая вела к маленькому домику. Еще чаще к этой калитке подъезжали извозчи-чьи дрожки, или сани, или ямские кареты, и из них выходили закутанные дамы, скры-вавшие лицо вуалями, и мужчины с подняты-ми воротниками плащей.

Они скрывались в калитку и через некото-рое, иногда довольно продолжительное, вре-мя выходили: иные — с радостными лицами, иные — с опечаленными, грустными...

Но все эти господа в каретах и на извозчи-ках являлись в маленький домик отнюдь не к доктору Герье и, конечно, не к художнику Варгину.

Дело было в том, что Августа Карловна су-

ществовала не только сдачей внаймы комнат двум своим жильцам.

Платы, которую она брала с них за помещение, стол и "все готовое", даже за стирку белья, едва хватало на покрытие ее расходов на жильцов, так что никаких барышей ей не очищалось.

И комнаты-то она сдавала художнику Варгину и доктору Герье только потому, что они были тихими, спокойными, верными людьми, ради чего она и старалась всеми силами угодить им.

Хотя домик стоял не в глуши, а в хорошей части города, но все-таки Августа Карловна боялась жить в нем одна и ей было важно знать, что под одной крышей с ней — двое вполне хороших, надежных людей, которые не дадут ее в обиду.

Бояться же за себя она имела некоторое основание. Августу Карловну знали не только в околотке, но и во всем городе, и, может быть, не без основания ходила молва о том, что у нее водятся деньги.

Это было весьма правдоподобно, потому что богатые посетители маленького домика

приезжали именно к ней и, уходя, конечно, оставляли за свой визит плату, иногда очень порядочную.

Августа Карловна была известна в Петербурге как опытная, чрезвычайно искусная гадалка, говорившая за рубль не только будущее, которое сейчас проверить нельзя, но и прошлое; за два рубля рассказывала она любопытным всю их подноготную, вспоминая им подчас даже о таких происшествиях их жизни, о которых они сами забыли давно.

Жены гадали у нее о неверности мужей, мужья о том, какие жизненные блага или горести предстоят им; даже барышни, робея и дрожа всем телом, потихоньку являлись к ней со старыми няньками или под надзором какой-нибудь тетки, дальней родственницы, а то и просто родительской приживалки.

Августу Карловну приглашали и на дом, за что она брала особую плату.

Дела у нее шли отлично, посетителей было много, и собирала она с них обильную дань.

Художник Варгин часто говорил не без некоторого раздражения доктору Герье, с ко-

торым состоял в приятельских отношениях:

— Вот рассудите, доктор! Мы с вами мужчины: вы — ученый, а я — все-таки художник, и не имеем такого успеха, как наша хозяйка.

Женевец вздыхал, пожимал плечами и философски отвечал:

— *Suum cuique!* — причем всегда неизменно переводил по-русски: — Каждому свое!..

Молодой женевец, доктор Герье, был по облику человек не совсем заурядный. Варгин прозвал его белокурый брюнетом, и, действительно, это название как нельзя более подходило к нему. Волосы у него были темные, не совсем черные, как вороново крыло, а все-таки темные, глаза карие — такие, что у иных людей кажутся почти агатовыми. Взгляд этих глаз был удивительно скромный, мечтательный, ласковый — такой, какой бывает только у блондинов, потому и карие глаза доктора казались светлыми. Волосы у Герье были мягкими — поистине шелковые кудри, они вились, и он носил их закинутыми назад.

В манерах Герье, во всех движениях и в разговоре, словах и поступках виднелся человек добрый, незлобный; говорил он, всегда склонив голову несколько набок, тихим, как шелест листьев, голосом, и в тоне его всегда чувствовалась грусть.

Улыбался он всегда тоже какой-то скорбной улыбкой, и то не в тех случаях, когда бы-

ло что-нибудь смешное, а когда он видел что-нибудь трогательное или слышал о чем-нибудь трогательном и задушевном.

По своему, скорее, робкому характеру он совсем не был похож на хотя утомонившегося, правда, но все-таки энергичного Варгина.

Потому, вероятно, они и сошлись.

Доктор Герье приехал в Россию искать счастья после смерти своей матери, которую он потерял в Женеве и о которой не говорил иначе, как поднимая глаза к небу, причем на длинной пушистой бархатной реснице его искрилась слеза.

Других близких родных у него не было.

Герье продал оставшийся ему в наследство домик в Женеве и на вырученную таким образом сумму, приложив к ней сбережения, какие накопились у них с матерью, отправился в Россию.

В Петербурге он жил уже около двух лет, проживал свои деньги и с ужасом думал о том, какая судьба ожидает его в будущем.

Деньги таяли, уходили, их оставалось уже так мало, что Герье не на что было вернуться на родину, здесь же, в Петербурге, он реши-

тельно не знал, что будет с ним, когда он истратит свою последнюю копейку.

Он прибыл в Петербург со слишком легкомысленною надеждой, что здесь для иностранцев уготованы несметные сокровища, не ленись лишь брать их.

Никакими рекомендациями, ни знакомствами не заручился он, да и негде ему было сделать это, и явился в русскую столицу перелетной птицей, только с одними мечтами на лучшее будущее.

Во все два года у него не было ни одного настоящего пациента, то есть такого, который заплатил бы ему за совет.

Бывало, что приходили к нему бедняки, с которых он не брал денег, да и не мог бы брать, потому что денег у них не было.

Бедняки относились как-то подозрительно к даровому лечению иностранного доктора и, Бог их знает, вероятно, вовсе не принимали его лекарств.

Герье ничего не сделал для того, чтобы дать знать о себе, и было совершенно неизвестно, на что он рассчитывал и как воображал, что получит известность и практику.

Объяснить это он не мог. Единственно, на что он мог надеяться, — это на случай, но этот случай до сих пор не приходил.

Герье выставил у калитки надпись о том, что тут живет доктор-женевец; надпись была сделана на русском и на французском языках, но делу нисколько не помогала.

У единственного приятеля Герье в Петербурге таких знакомств, куда тот мог бы рекомендовать его как врача, не было; Августа же Карловна была очень мила и внимательна к молодому женевицу, но от своих посетителей держала его в стороне и не только не говорила им о докторе, помещавшемся у нее, но и с ним, с Герье, так же, как и с Варгиным, избегала всяких разговоров о своей профессии и о бывавших у нее людях.

Жизнь молодого женевица сложилась сама собой: утром он гулял, потом занимался чтением. Приходил Варгин с работы, они ужинали, и потом Герье опять шел гулять с Варгиным, если погода была хорошая, или сидел с ним вечером дома, если погода была дурная.

Казалось, не то он примирился со своею участью, не то как-то уныло, безразлично от-

носился к ней, но никогда ни одной жалобы не слышал от него Варгин; напротив, даже когда сам художник выказывал некоторую нетерпеливую горячность относительно своей судьбы, женевец говорил успокоительно, как будто и не испытывал в душе того ужаса перед неизвестностью в дальнейшем, которая на самом деле сжимала ему сердце.

Чтение его, главным образом, составляли привезенные им с собою медицинские книги, за которые он брался для того, чтобы не забыть, что знал, но удовлетвориться ими одним он не мог, другого же занятия, кроме чтения, у него не было, и он покупал себе книги, тратя на них большинство своих и без того таявших денег.

Когда Варгин вернулся домой после случившегося с ним в замке происшествия, он застал Герье сильно взволнованным, бледным, почти дрожавшим.

Женевец сидел у себя в комнате, вытянув вперед ноги и облокотившись на руку, все пять пальцев которой запустил в свои волосы.

Взгляд его глаз, ставших как будто боль-

шими, был неподвижен.

Возле него на столе стоял графин с водой, стакан и пузырек с какими-то каплями.

Варгин, увидев его в таком положении, остановился в дверях и невольно воскликнул:

— Что такое случилось?

Герье вздрогнул, словно не заметил появления Варгина, и испугался, услышав его голос.

Вздрогнув, он обернулся, узнал Варгина и как-то неопределенно протянул:

— Первый пациент!..

По-русски он говорил довольно хорошо; знание русского языка было единственным приобретением, которое он сделал в два года жизни в России.

IV

— Ну, что же? Ура, — проговорил Варгин. Он именно только проговорил это восклицание, и даже довольно кисло, потому что сам себя чувствовал не совсем в своей тарелке после только что случившегося с ним в замке.

Герье, видимо ожидавший от него, почти всегда веселого и жизнерадостного, поддержи себе, болезненно-участливо глянул на него и спросил:

— А что, разве и у вас тоже случилась какая-нибудь неприятность?..

Должно быть, вид у Варгина был тоже довольно сумрачный—иначе нечем было объяснить вопрос доктора.

Варгин шагнул в комнату, подошел к доктору, взял стул и сел против него.

— Однако, доктор, — заговорил он, — погодите! Тут выходит что-то вроде загадки! Вы говорите, у вас явился пациент, тот первый пациент, которого вы два года ждали с таким нетерпением, и вдруг вы меня спрашиваете, случилось ли тоже со мной неприятность?

Вот это «тоже» мне кажется странным! Как же это, первый пациент и неприятность?

— К сожалению, да! — ответил доктор.

— Каким же образом это вышло? Неужели лечение было неудачно?

Герье отвернулся и молчал.

— Умер он, что ли, ваш первый пациент? — опять спросил Варгин.

— Теперь, вероятно, уж умер! — как-то беззвучно произнес доктор.

Варгин забеспокоился. Ему невольно пришло в голову, что молодой и, вероятно, неопытный в медицине женевец, к тому же не практиковавший в течение двух лет, сделал какую-нибудь ошибку, последствием которой могла быть смерть его пациента.

И в самом деле было похоже на то, что Герье испытывает теперь раскаяние человека, совершившего профессиональный промах, непоправимый и ужасный.

— Неужели ошибка? — заговорил Варгин.

Доктор глянул на него, как бы не понимая.

— Ошибка... — пояснил Варгин. — Ошибка с вашей стороны как врача!

— Нет! — улыбнулся Герье. — Ошибки с

моей стороны не было, да и не могло быть; могу вас уверить, что я слишком хорошо знаю свое дело!

Он произнес это с уверенностью, и эта уверенность не была в нем следствием излишней самонадеянности; он имел право сказать, что знает хорошо свое дело, потому что окончил курс с наградой, лучше всех своих товарищей, и в Женеве у него было много случаев, чтоб проверить свои знания; там он практиковал очень успешно.

Этот успех, сразу давшийся ему, и соблазнил его главным образом на поездку в Россию.

Кроме того, что он знал свое дело, он уважал и любил его настолько, что не хотел прибегать к шарлатанным способам искусственно составленной известности и предпочитал лучше бедствовать...

— В чем же дело? — спросил Варгин. — Вы расскажите по порядку!

— Да вот, — начал Герье, — только что вы ушли утром на работу и я стал собираться на свою ежедневную прогулку, как вдруг сама Августа Карловна постучала ко мне в дверь и

говорит, что меня спрашивают. Я очень удивился. Она сказала, что требуется доктор и что пришел ливрейный лакей, по-видимому, из очень богатого дома. Можете себе представить, как я обрадовался?

— Ну, еще бы! — согласился Варгин.

— Я накинул шубу, схватил шапку и совсем одетый и готовый вышел к лакею. Разумеется, я спросил, от кого он прислан, но они в какие объяснения не пустился, а потребовал лишь, чтобы я скорее следовал за ним. Я подумал, что необходима скорая помощь и что разговаривать некогда, и поспешил исполнить, что от меня было нужно.

У калитки на улице стояла карета. Лакей отворил дверцу, посадил меня, сам сел со мною и опустил на всех окнах кареты шторы. Он сказал, что это необходимо и что если я не хочу подчиниться такой таинственной обстановке, то он сейчас же даст мне полную свободу и отпустит на все четыре стороны, а сам поедет за другим доктором.

В моем положении капризничать не приходилось. Да и против таинственности я ничего не имею.

"Будь что будет!" — подумал я и поехал.

Путешествие было не особенно долго. Карета сделала несколько поворотов и остановилась. Когда меня выпустили, я увидел, что она остановилась во дворе какого-то большого дома, у заднего крыльца. Меня повели по черной лестнице во второй этаж, лакей, который привел меня, показывал мне дорогу. С лестницы мы попали в официантскую, совершенно пустую, а оттуда, через коридор, в столовую.

Я никогда не видал такой столовой: все стены и потолок обшиты резным темным дубом и на огромном буфете столько серебряной и золотой посуды, что комната казалась, несмотря на темный дуб, светлую и блестящую. Из столовой вела дверь в кабинет, огромный, в пять окон, точно зал, сплошь покрытый коврами; тут огромные шкафы были полны книгами в сафьянных переплетах и повсюду кругом были дорогие вещи. Признаюсь, я оробел...

— Ну, что же? — перебил Варгин. — Пока все отлично: богатый дом, а для молодого врача без практики попасть в богатый дом весь-

ма лестно!

— Так думал и я, — ответил Герье, — но теперь, после того, что было потом, я предпочел бы, чтобы меня не звали в этот дом!

— В кабинете меня встретил приземистый старик, в пудреном парике, по-старинному, и в красной бархатной шубке на лисьем меху; фигурка у него была маленькая, бритое, худое лицо покрыто морщинами, большой нос и большой неприятный рот, с тонкими ввалившимися губами. Он стоял у стола, прямо против двери, в которую я вошел, и костлявыми руками отсчитывал ассигнации. Он как бы не заметил моего прихода, не кивнул, даже не взглянул на меня и продолжал не торопясь свое занятие, словно нарочно рассчитывая на впечатление, какое должны были, вероятно, по его мнению, произвести на меня деньги...

— Тут тысяча рублей! — сказал он, наконец, тряхнув пачкой ассигнаций и бросив ее на стол.

Потом он глянул на меня; глаза его мне показались зелеными, и этими зелеными глазами он как будто хотел прочесть все, что делалось у меня в душе. Мне казалось, что скверная лягушка смотрит на меня.

— Вы иностранец? — отрывисто спросил он по-французски.

Я ответил, что около двух лет тому назад приехал из Женевы.

Старик поморщился.

— Но практики у вас нет?..

Я ответил, что никакой практики у меня нет, и этим он остался доволен.

— Ну, так вот! — показал он на брошенные им на столе деньги. — Тут тысяча рублей, и она будет ваша, если вы сделаете то, что от вас требуется.

Я поспешил уверить его, что исполню свой долг.

— Тут дело идет о вашей выгоде! — резко перебил он и добавил: — Пойдемте!

Мы миновали с ним несколько комнат и в последней из них, в маленькой, сплошь обитой несколькими слоями войлока, как это делают для буйных сумасшедших, лежал больной. Кроме простой деревянной кровати, на которой он лежал, другой мебели не было в комнате. Отвратительный удушливый запах стоял в ней, я чуть не задохнулся, когда вошел.

Старик остановился в дверях, сделал гримасу и зажал нос.

Кровать больного была грязна до полной невозможности; за ним совсем не ходили и не убирали его: это был молодой человек с довольно тонкими, красивыми чертами лица; он лежал без движения и не был в силах не только двинуть рукой или ногой, но даже говорить.

Больной глянул на меня мутными, ничего не выражавшими глазами, попытался пошевелить губами, но не мог произнести ни слова.

Я осторожно стал осматривать его, говоря, что я — доктор, что зла не сделаю ему, а, напротив, принесу облегчение.

После осмотра мне стало ясно, что положение больного является следствием крайнего истощения.

Прежде всего нужно было очистить воздух в комнате, положить больного в чистую постель и попытаться дать ему укрепляющее средство. На меня, здорового, воздух комнаты действовал так, что голова кружилась и я сам близок был к обмороку. Старик тоже не мог

выдержать и отошел от двери.

Я направился к нему.

— Ну, что, осмотрели, видели? — И он быстрыми шагами пошел назад в кабинет.

Тут он повернулся ко мне и, взмахивая кверху руками, начал раздраженно спрашивать:

— Ведь жить ему не осталось нисколько? Умрет, все равно умрет!

— Может быть, — возразил я, — можно еще помочь, если постараться усилить питание и, главное, немедленно изменить условия, в которых находится больной!

— Какие условия? — сердито переспросил старик.

Я объяснил, что надо перевести его в другую, свободную комнату, положить на чистую постель.

— Пустяки! Нежности, глупости! — закричал старик. — Я вас спрашиваю, может ли жить он или нет?

— Надо постараться, чтобы он жил! — сказал я. Вы можете себе представить, как я желал вылечить этого больного? Правда, это было бы чудо, но чудо не невозможное! Мне

пришлось убедиться, однако, что именно этого-то, то есть излечения, вовсе и не желал старик.

Он раздраженно затряс сжатыми кулаками и затопал на меня ногами.

— Об излечении, — опять закричал он, — не может быть и речи! Были посерьезнее вас люди, старались, да ничего не могли сделать; если бы я имел надежду на выздоровление, я продолжал бы пользоваться советами серьезных, опытных врачей, пригласить которых имею, слава Богу, возможность! Я вам говорю — ему не жить! — кивнул он в сторону, где была комната больного. — И вы не говорите мне глупостей...

Герье, рассказывая, сильно взволновался; он давно уже встал со своего места и ходил по комнате, сильно жестикулируя и изредка останавливаясь перед Варгиным.

— Признаюсь, — говорил он, — я был в полном недоумении и напрасно хотел разгадать, кто был этот больной, почему его держали в этой ужасной комнате, в условиях, в которых было жаль оставить собаку, и кто был этот старик, так настойчиво желавший уверить меня, что всякая попытка к излечению больного будет напрасна. Я даже не мог понять цели, с которой этот старик призвал меня к себе в закрытой карете, окружив мое появление странною таинственностью. Вы не можете представить себе, однако, зачем, собственно, был призван я, доктор, учившийся лечить людей и спасать их от болезни и смерти!..

— За чем же иным, — переспросил Варгин, — как не для того, чтобы именно спасти от болезни и смерти?

— Представьте себе, что нет! Старик потре-

бывал от меня, чтобы я дал ему средство, которое сразу покончит страдания больного: больному, дескать, все равно не жить, так лучше поскорее прекратить его мученья и ускорить конец, который все равно должен наступить неизбежно.

— Что ж он, яда у вас требовал, что ли? — удивился Варгин.

— Он требовал средства прекратить страдания «навсегда», как говорил он, а таким средством мог явиться только яд, и старик именно его желал получить от меня!

— Ну, и что же вы? — как-то испуганно спросил Варгин, словно боясь за приятеля, что тот исполнил требование старика и раскаивается теперь в этом.

Герье не понял вопроса.

— Что я? — переспросил он.

— Дали это средство?

— Ну, разумеется, нет! Я сказал, что, по моему убеждению, врач не имеет права ни в каком случае сокращать жизнь своего пациента, но, напротив, должен бороться до последней минуты, отстаивая эту жизнь. Данный случай я признал тяжелым, но вовсе не незна-

дежным, и поэтому более чем когда-нибудь считал своим долгом приложить к делу все мои знания.

Старик снова стал возражать мне, что знаний моих не требуется, что у него найдутся и без меня знающие люди; он подошел к столу, на котором лежали деньги, взял их и протянул ко мне.

— Вот тут тысяча рублей, — заговорил он, — и эту тысячу я вам дам с тем, чтобы вы исполнили мое желание и немедленно уехали из России на родину.

Я не сразу нашелся, что ответить, потому что боялся, как бы негодование, охватившее меня, не проявилось в слишком уж резкой форме. Должно быть, старик принял это за колебание с моей стороны.

— Я удваиваю сумму, если вам мало! — заявил он. — Вы получите две тысячи!

Я пожал плечами и ответил, что и за две тысячи не продам себя.

Нужно было видеть, что сделалось с ним! Глаза его положительно заискрились, как светляки, он затопал, задрожал весь и, вытянув шею, заговорил:

— Вам мало? Я даю три, четыре, пять тысяч... Ведь это — целое состояние для вас...

Но, чем больше предлагал он мне денег, тем яснее становилось для меня, что тут дело не чисто. По-видимому, старик никак не ожидал отказа с моей стороны, и, когда я решительно заявил, что не возьму с него никаких денег, он призвал лакея. Явилось трое огромных гайдуков, они схватили меня, завязали глаза, почти на руках вынесли вон.

Я отбивался и кричал, они заткнули мне рот платком и отвезли в карете к Таврическому саду, и там, пока я стаскивал с глаз повязку и вынимал платок изо рта, карета успела укатить, так что я мог видеть только ее кузов. Я было побежал за каретой, но она удалялась слишком быстро, чтобы догнать ее пешком. Я не сразу узнал, где я, мне показалось сначала, что меня завезли на острова, и пошел наугад. Кругом не было ни души. Наконец мне попался встречный; я, должно быть, очень удивил его просьбой о том, чтобы он сказал мне, где я. Узнав, что я у Таврического сада, я легко нашел дорогу домой.

Вот каков был мой первый пациент!.. Глав-

ное то, что, несомненно, здесь скрывается какое-то преступление и действующим лицом в нем является не какой-нибудь несчастный, а богатый, злой старик, в руках которого самое страшное орудие зла — деньги! Единственный человек, который может сделать что-нибудь, — я, но мне не известно ни кто этот старик, ни где живет он, ни какое отношение имеет он к больному, запертому в отвратительной комнате; я имею возможность только заявить об этом полиции и именно хотел вас спросить, куда мне отправиться, чтобы заявить о случившемся?

Варгин, до сих пор молча слушавший рассказ доктора, вдруг прервал его восклицанием:

— Ах, не делайте этого!

VII

Восклицание Варгина очень удивило доктора Герье.

— Как не делать этого? — стал спрашивать он. — Разве можно оставить это дело так и не сообщить полиции о явном преступлении, на которое натолкнул меня случай?

Варгин пожал плечами.

— К сожалению, — сказал он, — из этого выйдет только то, что вас будут таскать по участкам и никакого толку вы не добьетесь!

— Неужели? — опять удивился Герье.

— К сожалению, это так! — опять повторил Варгин. — Ну, денек! — добавил он и покачал головой.

— А у вас тоже случилось что-то? — спросил доктор.

— И не говорите! — протянул Варгин. — Дело в том, что я раз в своей жизни был уже замешан в романтическую историю[1], так что едва вышел цел из нее, и с тех пор дал себе слово ни во что не впутываться, и вдруг сегодня случайно узнал тайну строящегося замка, где я расписываю стены.

Герье, несмотря на свое волнение, улыбнулся.

— И только-то? — проговорил он. — Что ж тут для вас неприятного? Ну, узнали тайну и забудьте о ней, вот и все!

— Тайна эта, — возразил Варгин, — касается подземного хода, а я терпеть не могу подземных ходов. А теперь еще происшествие, случившееся с вами.

— Конечно, — согласился Герье, — это происшествие очень похоже на романтическое, но ведь никто же не требует от вас, чтобы вы принимали тут какое-нибудь участие, тем более что, по вашим словам, даже заявление полиции едва ли поможет!

— Да как же, — заволновался Варгин, — оставаться безучастным, если знаешь, что человек гибнет; ведь этот больной, несомненно, не по своей воле гибнет у старика?

— Несомненно! — подтвердил Герье.

— Ну, вот, видите! Значит, равнодушие с нашей стороны было бы непростительно.

— Но если вы по опыту дали себе слово не впутываться ни в какие приключения?

— Я дал слово не впутываться самому, но

тут судьба впутывает меня, а с нею, видно, ничего не поделаешь!

— Но что же предпринять в таком случае?

— Почему я знаю! Надо обдумать, обсудить.

Вы внешность дома, в котором были, не смогли бы узнать?

— Нет! — ответил Герье. — Меня подвезли со двора, а с улицы я не видел дома.

— Далеко везли вас отсюда?

— Точно не знаю! Карета ехала очень быстро, делала повороты; и потом, меня могли нарочно кружить, чтобы обмануть относительно расстояния.

Пока они разговаривали так, явилась чухонка, служанка Августы Карловны, и, просунув голову в дверь, доложила:

— Вас спрашивают!

— Что еще? Кто спрашивает? Кого? — в один голос воскликнули Варгин и Герье.

Чухонка объяснила, что пришел важный господин с лакеем и спрашивает художника Варгина.

— Ну, началось! Теперь пойдут! — досадливо протянул он. — Еще что-нибудь новое!

И действительно, оказалось новое, совер-

шенно неожиданное и опять из ряда вон выходящее.

Важный господин с лакеем был проживавший в Петербурге тамбовский помещик Иван Иванович Силин, как отрекомендовался он Варгину.

Силин этот, по его словам, жил в Петербурге ради молодого человека, которому он хотел доставить образование.

Сын был у него единственный, и он не жалел для него ничего, и вдруг, два дня тому назад, сын у него пропал, ушел и не вернулся.

Иван Иванович потерял голову, обратился к полицейской власти, но она ничего не сделала, и он решился сам отправиться на поиски.

Варгин выслушал не совсем связный рассказ Силина, весьма естественно, очень встревоженного и потому не могшего говорить спокойно.

— Но почему же вы пришли именно ко мне? — также весьма естественно спросил Варгин.

— Да, видите ли, — пояснил Силин, — сын мой два дня тому назад пошел к вам!

— Ко мне? К Варгину?

— Да, к художнику Варгину!

— Но, простите, уверяю вас, что я не был знаком с вашим сыном и он не имел решительно никаких оснований идти ко мне.

Варгину пришло в голову, не сошел ли просто с ума тамбовский помещик; то же самое невольно подумал и Герье, присутствовавший при разговоре.

Однако им пришлось сейчас же убедиться, что Силин был вполне в здравом уме и твердой памяти.

VIII

— **В**ы, может быть, думаете, — заговорил Силин, — что я рехнулся; да и есть с чего, впрочем! Ведь Александр у меня один!.. Это сына моего зовут Александр, я его всегда полным именем звал и никогда не давал никаких уменьшительных! Александр — христианское имя и никаких прозвищ и кличек христианину получать не подобает. Так вот сын мой, Александр, возымел склонность, и большую, к рисованию. У него это с детства было; так все натурально изображал: цветок там и все прочее!

Силин рассказывал, нюхал табак, часто сморкался и вытирал платком глаза, то и дело наполнявшиеся слезами.

Он, видимо, бодрился и ради этого отклонялся в сторону, чтобы не разрыдаться при чужих людях.

— Я для Александра, — продолжал он, — ничего не жалею, и все-таки мы с ним решили взять учителя рисования, но недорого; состояние, слава Богу, у меня есть, но деньги зря швырять нечего. Вот и указали мне на вас, —

обратился он к Варгину, — как на художника очень хорошего, который всему научит и недорого. Разузнали ваш адрес, два дня тому назад Александр пошел к вам и с тех пор не возвращался!

— Вот оно что! — сообразил наконец Варгин, какое он имел отношение к сыну совершенно неизвестного ему тамбовского помещика Силина. — Так ко мне ваш сын не приходил, — заявил он, — и я его не видел!

— Так ли это? — вырвалось у Ивана Ивановича.

— Если я вам говорю... — начал было Варгин.

Но Силин сейчас же перебил его:

— Да вы не сердитесь! Я не хочу обидное говорить, я только хочу сказать, что, может, он без вас приходил: вы-то его не видали, я вам верю, а он приходил!

Сейчас же была призвана чухонка; явилась даже сама Августа Карловна, и все в один голос, вместе с доктором Герье, подтвердили, что ни два дня тому назад, ни потом никто не приходил и художника Варгина не спрашивал.

Это произвело на Силина заметное удручающее впечатление безнадежности; он, бедный, совсем растерялся, опустил голову и, всхлипывая, стал как-то бессильно разводить руками.

— Что же, что же... что же мне делать? — выговорил он наконец.

Но ни Варгин, ни Герье не могли дать ему совета. Августа Карловна, узнавшая, в чем дело, соболезнующе глянула на Силина и вдруг сказала ему:

— Пройдемте ко мне!

Силин, чувствуя ласку в ее голосе и участие, поднялся со своего места и послушно пошел, с трудом передвигая ноги, — так он опустился вдруг и из бодрого сорокалетнего мужчины стал стариком.

— Куда это она его повела? — спросил Герье, когда они ушли.

— Верно, гадать ему на картах хочет! — догадался Варгин. — Пожалуй, это единственное средство! — улыбнулся он насмешливо.

— И самое действительное! — сказал совершенно серьезно Герье.

— Как? Вы верите гаданью на картах? —

удивленно произнес Варгин. — Для доктора это как будто и неприлично даже!

— То есть, как вам сказать, — раздумчиво произнес женевец, — если вы говорите о том, что можно по фигурам, изображенным на отдельных картонах, которые мы называем картами, узнать прошлое, настоящее и будущее, то, разумеется, нет, не верю! Сами по себе карты, как их ни раскладывают, конечно, ничего сказать не могут и ничего не способны открыть. Но я верю в нечто другое; то есть не только верю, но даже знаю и видел несомненные опыты, что это так. По картам была предсказана участь несчастной Дюбарри, никак не предполагавшей, что она умрет на эшафоте, да и самому Людовику XVI по картам же была предсказана его ужасная судьба; известны мне и более мелкие факты, с которыми я не могу не считаться. Конечно, повторяю, тут действовали не карты, а другое!

— Что же это другое?

— Вдохновение, просветление, ясновидение, высшее развитие догадки — назовите как хотите, дело не в названии; важны не карты, а субъект, то есть то лицо, которое рас-

кладывает их. Бывают люди, удивительно способные настраивать себя, раскладывая карты, так настраивать, что на них как бы сходит вдохновение и они начинают почти бессознательно говорить то, что видят не в картах, а в своем чувстве, и тогда доходят до транса ясновиденья и, действительно, читают и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. В человеке скрыты чудесные, неизведанные силы, и кто способен даже бессознательно применять их, тот легко может показаться чародеем, хотя, в сущности, ничего необыкновенного и не делает. Карты при гадании играют чисто служебную роль для того только, чтобы настроить. На Востоке заменяют их какими-нибудь блестящими предметами, осколками стекла, например, а то и бриллиантами; у вас, в России, гадают на бобах или на кофейной гуще, выложенной на белую глянецвитую тарелку, отчего тарелка ярче блестит по контрасту с черной гущей. Блестящие предметы, если пристально смотреть на них, действуют еще быстрее карточных фигур, но суть везде одна и та же, то есть не средство для гадания, а вдохновение самого

гадающего, полученное благодаря этим средствам.

— Да вы — мистик! — заключил Варгин.

— Нет, я — доктор! — сказал Герье.

IX

Не известно, долго ли был у Августы Карловны Силин, но прошло, по крайней мере, не меньше часа, что Варгин с Герье сидели и разговаривали.

Вдруг с половины хозяйки дома раздался крик, призывавший на помощь Герье.

— Доктор! Господин Герье! — звала Августа Карловна, и женевец, быстро вскочив, побежал к ней.

За ним последовал Варгин — им обоим показалось, что приключилось что-нибудь с тамбовским помещиком... Но Силин уже давно ушел и дело не касалось его!

Случилось еще новое и на этот раз такое неожиданное, что Варгину и, в особенности, доктору Герье оставалось только развести руками и удивляться.

У Августы Карловны были две комнаты: первая — приемная, в которой посетители ждали очереди, и ее спальня, где она занималась своим ремеслом, сидя за маленьким столиком у единственного окна.

Была у нее еще маленькая конурка, куда

она выходила со своими картами к особенно важным гостям, желавшим получить отдельную аудиенцию так, чтобы не показываться другим посетителям.

В приемной, когда вошли туда Герье и Варгин на зов Августы Карловны, сидел, скромно поджав под стул ноги, незаметный человек, по-видимому, в ожидании своей очереди; в спальне, по которой отчаянно металась перебежавшая Августа Карловна, у ее столика у окна в кресле билась в судорогах молодая девушка в хорошем шелковом платье.

— Доктор! Ради Бога! — суетилась Августа Карловна. — Она ко мне пришла, я ей начала говорить судьбу, а она вдруг забилась... Ради Бога, у нее, вероятно, падучая болезнь!

На самом деле с девушкой был нервный припадок, вероятно, от волнения, которое пережила она, являсь одна, без провожатой, к гадалке.

Она билась в кресле, всхлипывала и смеялась в несомненной истерике.

Августа Карловна совала ей стакан воды, руки у нее дрожали, вода расплескивалась.

Герье вытащил носовой платок, намочил

его, велел положить на голову больной, а сам побежал к себе за лекарствами.

Ни вода, однако, ни платок, ни принесенное молодым доктором лекарство не помогли!

Девушка билась и кричала все больше и больше. Судороги, сначала выражавшиеся у нее дрожью, перешли в кольцеобразное стягивание всего тела.

С кресла отнесли ее на кровать Августы Карловны. Девушка конвульсивно выгибалась дугою, упираясь только затылком и пятками...

— Господи, да что же это с нею, что с нею? — воскликнула в ужасе Августа Карловна.

Варгин вместе с Герье, по его указанию, пытался было удержать выгибание больной физической силой, но они вдвоем не могли справиться с девушкой: ее подбрасывало на кровати, и они ничего не были в состоянии сделать — их отталкивало.

— Такой силы припадка я не видывал никогда! — удивлялся Герье.

Варгин, не выдавший ничего подобного в

жизни, с каким-то суеверным страхом отошел в сторону, убедившись, что его физическая сила непригодна тут.

Однако слова Герье, что тот не видал только "такой силы" припадка, но вообще подобные припадки видал, занимаясь врачебной практикой, успокоительно подействовали на Варгина.

— Ради Бога, ради Бога, что будет со мною, если с ней случится что-нибудь! — убивалась Августа Карловна.

— Особенно страшного ничего, — успокаивал ее Герье, — вероятно, за этими корчами последует полный упадок сил. Конечно, не безопасно доводить до этого, но что же делать?

— За этими корчами последует смерть! — раздался в дверях голос тихий, уверенный и ясный.

Все обернулись.

В дверях стоял тот самый незаметный человек, который сидел в приемной, поджав под стул ноги.

— Неужели, — продолжал он, — доктор Герье не видит, что конвульсии слишком мучи-

тельны, чтобы кончиться только упадком сил! Нужно остановить их!

— Но я испробовал все. Ничего не помогает! — растерянно воскликнул женевец.

Тогда на глазах у всех произошло нечто невиданное, почти чудо.

Незаметный человек подошел к постели, положил руку на грудь молодой девушки, и не успел он коснуться ее, как она затихла, вытянулась и задышала ровно, точно мягкий, сладкий сон по волшебству охватил ее...

Х

Августа Карловна, видевшая, как только что бившаяся в припадке девушка затихла от одного лишь прикосновения, воскликнула "ах!" и застыла в немой позе удивления.

Варгин раскрыл рот и не знал, на кого ему глядеть: на девушку или на ее удивительного исцелителя.

Для Герье ничего не было удивительного в том, что произошло сейчас.

Он был знаком с теорией Месмера о магнетизме и знал, что сила, проявленная внезапно явившимся человеком и заставившая больную немедленно погрузиться в сон, была не что иное, как магнетизм. Но он должен был сознаться, что магнитный ток у этого человека был поразительный.

— Не знаю, кто вы, — проговорил он незнакомцу, — но преклоняюсь перед вами...

— Я очень рад, что заслужил похвалу доктора Герье, — ответил незнакомец, второй раз называя женевца по имени.

— Вам известно, как меня зовут? — спросил тот, невольно отступив шаг назад.

— Мне многое известно про вас! — ответил незаметный человек. — Пойдемте в вашу комнату, мне нужно поговорить с вами.

— Но если вы знаете меня, — возразил доктор Герье, — то позвольте и мне узнать, с кем я имею честь говорить?

Незнакомец как-то странно улыбнулся и спокойно и просто проговорил:

— Настоящего моего имени я вам не скажу, а зовут меня здесь, в Петербурге, Степан Гаврилович Трофимов!

— Неужели только Трофимов? — невольно вырвалось у Герье.

— Почему же нет? — ответил Степан Гаврилович. — Трофимов — имя не хуже других!

Он подошел к кровати, где лежала погруженная в сон молодая девушка, и протянул над ней руку.

— Через пять минут, — сказал он властным, внушительным голосом, — ты проснешься и будешь чувствовать себя вполне спокойной! Через пять минут, — обратился он к Августе Карловне, — она проснется и никаких вам хлопот не причинит, будьте уверены в этом! Мы пойдем с доктором к нему, пе-

реговорим, а потом я вернусь к вам, чтобы сделать то, зачем я пришел!

— То есть что же именно? — не поняла Августа Карловна.

— Я пришел к вам, — пояснил Трофимов, — чтобы вы мне погадали!

— Неужели, — застыдилась Августа Карловна, — такой человек, как вы, может интересоваться моим гаданием? — И она, присев, сделала реверанс по-старинному.

— Как видите! — проговорил Степан Гаврилович и увел Герье из комнаты.

Варгин направился за ними.

— Вот тут моя комната! — показал Герье, когда они, миновав коридор, подошли к двери его скромного апартаamenta.

— Вы войдите с нами, — пригласил Трофимов Варгина, — может быть, наш разговор и для вас будет не без пользы!

— Ну, денек! — вздохнул только Варгин, но в комнату к доктору все-таки вошел.

Движения Трофимова, его походка и манера говорить были размеренны и медленны; от него веяло истовостью, уверенностью и спокойствием, и, по-видимому, в его обще-

стве эта истовость, уверенность и спокойствие передавались и всем остальным, так что в его присутствии и Герье, и Варгин почувствовали себя необыкновенно хорошо и приятно.

На вид скромный, незаметный, Степан Гаврилович внушал к себе необыкновенное и безотчетное уважение.

Казалось, этот человек не способен совершить промах, и все, что он делал, было именно необходимо и нужно сделать в данную минуту и при данных обстоятельствах.

Они вошли в комнату доктора и сели.

Очевидно, речь должна была принадлежать странному посетителю, и потому Герье и Варгин молчали, ожидая, что скажет он.

И он начал говорить.

— Не думайте, — обратился он к доктору, — что ваши труды, которые вы потратили в Женеве на приобретение познаний, пропали даром. Два года вы провели в Петербурге без практики, но не увлеклись праздностью, не совратились также с честного пути и, несмотря на то, что ваши средства подходят к концу, сегодня вы выдержали серьезное ис-

пытание и доказали, что деньгами нельзя вас принудить к нарушению вашего долга.

— Но, позвольте, — перебил пораженный Герье, — откуда вы знаете все это, знаете так, как только может быть известно мне, да вот разве единственному моему приятелю, Варгину?

— Ничто не пропадает в человеческой жизни! — ответил Степан Гаврилович. — И оценка наших дурных и хороших дел бывает не только на том свете, но и на этом! Не удивляйтесь, что я знаю, как это говорится, всю вашу подноготную, и не думайте, что тут действует что-нибудь сверхъестественное! Просто вас имели в виду и следили за вами довольно искусно, так что вы и не подозревали этого!

— Неужели и за мной следили тоже? — беспокойно и испуганно спросил Варгин.

Трофимов только прищурился в его сторону и протянул неопределенно:

— Может быть!

XI

Искреннее удивление Варгина тому, что, может быть, и за ним следили, должно было сразу убедить Герье, что, во всяком случае, не Варгин следил за ним.

И оба они поняли деликатность Степана Гавриловича, который заставил и Варгина присутствовать при разговоре и, таким образом, предупредил всякую возможность подозрения в молодом докторе, что его единственный приятель был приставлен к нему шпионом. Да и не успел бы Варгин рассказать никому о том, что случилось с доктором сегодня, потому что сам узнал только что и после того, как узнал, не расставался с Герье.

Очевидно, у Трофимова были другие источники, откуда он имел такие подробные сведения о жизни доктора.

— Хорошо! — согласился Герье. — Положим, за мной следили, и нет ничего удивительного, что вам все известно обо мне. Но скажите, пожалуйста, с какой целью следили и кому интересен бедный женевец, доктор, явившийся искать счастья в Петербурге и не

нашедший его тут? Я согласен также, что ничего бесчестного не сделал, и могу говорить это открыто, но разве мало таких же честных людей, как я, и разве следят за всеми, чтобы прийти к ним для одобрения, когда им становится тяжело?

— Нет, к сожалению, конечно, за всеми уследить нельзя! — заговорил опять Степан Гаврилович. — Но вы, по направлению вашего ума и по своим познаниям, которые прямо редки в ваши годы, составляете до некоторой степени исключение! Такие люди, как вы, нужны нам!

— Кому же это? — снова задал вопрос доктор.

— Это вы узнаете в скором времени, если, конечно, захотите!

— Как же не захотеть? — воскликнул Герье. — Конечно, мне это очень занятно.

— А я ничего этого не хотел бы знать! — покачал головой Варгин. — Довольно с меня и одной переделки!

Степан Гаврилович ухмыльнулся и покопился на него.

— Да ведь, что поделаешь, приходится! —

как-то весело сказал он.

Варгин махнул рукой.

— Да уж я вижу, что-то опять начинается!

— Н-да... именно начинается! — подтвердил Трофимов.

— Но, позвольте, — сообразил вдруг Герье, — если вы знаете подробности о деньгах при сегодняшнем моем визите к больному, то, очевидно, должны иметь сведения и об этом больном; ведь ему же помочь нужно!

— Об этом не беспокойтесь! — ответил Степан Гаврилович. — Все, что нужно, будет сделано!

— А вы знаете, — обратился Герье к Варгину, — что мне пришло сейчас в голову: нет ли какой-нибудь связи между этим больным и исчезновением сына тамбовского помещика?

— Силина? — спокойно подсказал Степан Гаврилович. — Отчасти ваша догадка справедлива, но только отчасти! Больной, которого вы видели, не сын являвшегося сюда тамбовского помещика!

— Вы и это знаете? Вы все знаете? — не выдержал Варгин, которого словно начинало бесить всеведение Бог знает откуда взявшегося

Степана Гавриловича.

— А вы все такой же, как и прежде, скорый и нетерпеливый! — сказал тот ему.

"Значит, он меня знал раньше!" — подумал Варгин и внимательно и пристально поглядел на гостя.

— Напрасно! — остановил его Трофимов, как бы сейчас же прочтя его мысли. — Вы в меня не вглядывайтесь, думая, что узнаете во мне кого-нибудь, с кем встречались прежде; мы с вами никогда не видались!

И действительно, Варгин, взглядевшись, должен был убедиться, что никогда ни лица Степана Гавриловича не видел, ни голоса его не слышал.

— Ну, а теперь, — продолжал Трофимов, — если вы пожелаете, мы будем встречаться с вами; вот тут у меня под печатью записка, из которой вы увидите, где мы можем встретиться с вами сегодня же вечером. Приходите, увидите интересные вещи! А пока до свидания, господа!

Он вынул из кармана сложенную и запечатанную записку без адреса, положил ее на стол, простился и ушел.

XII

Степан Гаврилович ушел к Августе Карловне, которая успела уже успокоиться, потому что молодая девушка, точь-в-точь как сказал Трофимов, очнулась от своего сна и встала совершенно спокойною и здоровою.

Она уехала.

Герье с Варгиным распечатали оставленную на столе Степаном Гавриловичем записку; в ней было сказано только "Сегодня вечером у меня", и затем следовал точный адрес Трофимова. Жил он на Морской.

— Что же мы, пойдем или нет? — спросил Варгин доктора.

— Ну, разумеется, пойдем! — воскликнул Герье. — Разве можно об этом спрашивать?

Варгин поморщился.

— А мне не хотелось бы!

— Ну, вот вздор! — стал уговаривать Герье. — Если не для себя, так для меня пойдемте! Во всем этом много таинственного и интересного; разве можно не идти?

— Впрочем, — согласился Варгин, — этот господин Трофимов производит отличное

впечатление, и отчего, в самом деле, не пойти к нему?

И они пошли вечером к Степану Гавриловичу.

Он занимал квартиру с парадным крыльцом, и Варгин удивился в особенности этому обстоятельству.

Судя по виду скромного, незаметного Трофимова, Варгин ожидал найти его где-нибудь в двух-трех комнатах на дворе, во флигеле, и поэтому, когда они подошли к указанному в адресе дому, художник, прежде чем направиться в парадный подъезд, разыскал дворника и стал спрашивать у него, где тут живет Степан Гаврилович, по фамилии Трофимов.

Варгин просто не хотел верить, когда дворник указал ему на подъезд.

— Как? Сюда прямо и идти? — переспросил он.

Дворник сказал, что сюда именно.

Герье и Варгин вошли.

Лестница была широкая, дубовая, освещенная красивыми масляными лампами; темно-красный ковер лежал на ступенях.

— Пожалуйте! Вас ждут! — заявил лакей,

снимая с Герье и Варгина верхнее платье.

Он их ввел в просторный зал с простыми белыми стенами, увешанными какими-то портретами.

Тут стояли клавесины; в простенках были зеркала; бронзовая люстра со стеклянными подвесками свешивалась с потолка.

Мебель, состоявшая исключительно из стульев, была золоченая.

— Ого! Да он живет совсем барином! — заметил Варгин.

— Да, недурно! — одобрил и Герье.

Приятеля миновали гостиную, затянутую ковром со штофною софой и креслами, и вошли в просторную библиотеку со шкапами по стенам, где в чинном порядке стояли книги в красивых сафьяновых переплетах.

Судя по этой обстановке, Герье и Варгин невольно сомневались, туда ли попали они.

"Неужели Степан Гаврилович живет именно в этой квартире и эта положительно роскошная обстановка принадлежит ему?" — овладела ими одна и та же мысль.

Но к ним в библиотеку вышел Степан Гаврилович.

Одет он был несколько наряднее, чем утром, и богаче. Но все-таки черный шелковый кафтан его, белый камзол, черные чулки были на первый взгляд скромны, и только опытный взгляд мог различить, что кафтан, и чулки, и кружево на жабо были дорогие.

— Пришли? Я очень рад! — встретил Степан Гаврилович гостей. — Хорошо, что не опоздали! Еще бы немного, и было бы поздно, а теперь как раз пора. Ну, едемте!

Для Варгина и Герье явилось это новой неожиданностью.

Они думали, что Степан Гаврилович позвал их вечером к себе, а тут выходило, что они должны были еще ехать куда-то с ним.

Куда — они не спросили, однако, решив уже отдать себя в распоряжение на сегодняшней вечер Трофимову, подчинились ему.

Он, впрочем, как бы и не ждал вовсе их согласия, словно и не сомневался, что они последуют за ним.

Поздоровавшись, Трофимов направился к выходу, сделав знак гостям следовать за ним.

Они опять очутились на лестнице, лакей подал Трофимову и им верхнее платье и вру-

чил каждому по черной бархатной полумаске.

— Это так нужно! Берите! — сказал Степан Гаврилович, предупреждая их расспросы.

Они вышли на крыльцо. Четырехместная карета подкатила, лакей отворил дверцу, откинул подножку, они сели, и карета покати-лась.

XIII

Доктору Герье пришлось второй раз сегодня ехать в карете, а до сих пор он в течение двух лет своего пребывания в Петербурге ходил только пешком из экономии и не ездил даже на извозчиках.

Варгин тоже успел отвыкнуть от кареты и забыть, когда он катался в этом экипаже.

Качка мягких рессор и темнота вечера произвели на них убаюкивающее впечатление, и оба они под равномерный стук колес погрузились в дремоту, так что ни одному не пришлось в голову заметить дорогу, по которой они ехали.

Путь был не особенно долог, они остановились у небольшого темного дома, в окнах которого не было видно признаков света.

Фонари их кареты освещали входную дверь; это была самая обыкновенная дверь, с привешенным к ней по-старинному, как это делали лет пятьдесят тому назад, молотком на цепочке.

Они вышли, и, как только Степан Гаврилович взялся за молоток и ударил им в дверь,

карета отъехала и исчезла в темноте, а освещавшие ее фонари немедленно погасли.

Дверь отворилась, но отворилась сама собой, потому что они никого не нашли за ней.

Свет, шедший откуда-то сверху, темный и слабый настолько, что нельзя было различить его источника, скупо освещал винтовую лестницу, которая подымалась в верхний этаж и спускалась вниз.

Трофимов повел своих спутников вниз по лестнице.

Варгин подумал, что хотя, в сущности, это было все равно, но он предпочел бы подыматься вверх.

Он посмотрел на Герье, но тот шел, следуя за Степаном Гавриловичем со средоточенным, серьезным лицом, видимо готовый на все что угодно.

Они спустились и попали в длинный коридор со сводами, и здесь был таинственный свет откуда-то сверху.

Было тепло и пахло курениями... "Где же мы верхнее платье снимем?" — опять подумал Варгин, заранее решивший скептически относиться ко всему, что будет.

Коридор загибался полукругом и по правой стене его шел ряд дверей.

— Наденьте вашу маску, войдите и снимите плащ! — сказал Трофимов доктору Герье, отворяя дверь.

Герье послушался и очутился в маленькой конурке, как театральная ложа.

Действительно, это было что-то вроде театральной ложи, потому что вместо стены противоположной двери был невысокий барьер, а пространство от барьера до потолка было затянуто занавесью.

Герье снял верхнее платье, повесил его на прибитую к стене вешалку, надел полумаску и, весьма естественно, попробовал отстранить занавеску над барьером, чтобы посмотреть, что было за нею.

Но занавеска оказалась натянутой вплотную, так что волей-неволей приходилось ждать, пока она будет отдернута кем-нибудь другим.

Ложа освещалась сверху через небольшое круглое отверстие, закрытое матовым стеклом.

Стены ее были окрашены в темно-корич-

невую краску.

На полу лежал войлочный ковер; из мебели стоял один только стул.

Герье сел.

"Что бы ни было, — решил он, — но, во всяком случае, это очень интересно".

Ему пришлось недолго ждать.

Минут через пять, не больше, отверстие наверху, откуда освещалась ложа, как бы задвинулось или свет в нем потух, и доктор Герье оказался в полной тьме, но почти в тот же миг взвилась кверху занавесь над барьером, и доктор увидел довольно просторный полукруглый зал, ярко освещенный, в котором по полукругу шли такие же ложи, как и его, и где сидели замаскированные, как и он, люди.

Свободная прямая стена была затянута черным сукном с огромными серебряными не то буквами, не то знаками на нем, в виде падающих капель слез или вздымающихся кверху языков пламени.

Таким же сукном, с такими же знаками была обтянута выходившая в зал сторона барьера, верх над ложами и потолок.

К потолку было подвешено семь люстр, по двенадцати восковых свечей каждая.

Спиною к прямой стене, на возвышении, в кресле, как будто из слоновой кости, сидел человек с открытым лицом, большими черными глазами и черной вьющейся бородой, которая придавала ему совсем особенный характер, потому что тогда только простолудины носили бороды, все же остальные брили их.

Но лицо этого человека, по-видимому, главного тут, отличалось мужественной красотой и благородством.

Черные волосы шли по плечам, он был одет в ослепительно белую хламиду, на голове у него был золотой обруч, охватывавший его высокий лоб.

Ниже его сидели трое на синих креслах, лица их были скрыты синими бархатными полумасками и одежды их составляли синие сутаны с перелинкой и капюшонами.

Еще ниже их сидело четверо в красных сутанах, с поднятыми капюшонами и со спущенными на лицо языками, в которых были прорезаны отверстия для глаз.

Эти четверо были похожи на судей инквизиции.

Посредине зала стоял мраморный стол на четырех тонких белых металлических ножках.

XIV

Прошло ровно столько времени, сколько нужно было, чтобы зрители, сидевшие в ложах, освоились с открывшимся перед их глазами зрелищем, и главный, с золотым обручем на голове, поднялся со своего места.

— Сегодня, — сказал он, — присутствующие увидят проявление трех сил, и в проявлении этих трех сил три раза перед глазами присутствующих мертвое станет живым. Все тройственно в этом мире: везде тело, разум и дух...

Герье ничего не понял из этих слов и ждал, что он найдет объяснение их в том, что произойдет дальше.

Главный сел. В руках у него очутился высокий золотой жезл, и он им стукнул три раза.

Тогда поднялись двое средних из четырех красных и подняли руки кверху.

Откуда-то послышалась грустная, заунывная похоронная музыка, тихая и такая печальная, что Герье в жизни не слыхал ничего подобного, и под эту музыку в зал из-за раздвинувшегося сукна на прямой стене четверо

одетых с ног до головы в черное людей, с закрытыми лицами, внесли маленький дубовый гроб, в котором лежала девочка, на вид лет семи, в белом атласном платице, в увядшем венке из белых цветов на голове. Глаза ее были закрыты, личико мертвенно бледно.

Гроб поставили на стол.

— Среди присутствующих, — сказал главный, — находятся медики, пусть они выйдут из своих лож и удостоверятся, что в гробу действительно лежит мертвое тело девочки. Если кто-нибудь из остальных хочет убедиться, пусть пожалует!

Герье тут только заметил, что барьер ложи состоит из двух створок, замкнутых на крючок.

Он откинул его и вышел в зал.

Трупный запах уже донесся до него, но он желал найти еще более убедительные признаки смерти так, чтобы не оставалось никакого сомнения.

Вместе с ним вышли из лож еще только двое, очевидно, тоже доктора, прочие все оставались на своих местах.

Докторов, привыкших к трупам в анатомии-

ческом театре, не мог смутить вид мертвой девочки; для Герье, чтобы убедиться, мертва ли она в самом деле, важно было увидеть только ее глаз, потому что глаза у покойников резко и определенно меняются и изменение глазного яблока служит одним из существенных признаков смерти.

Герье, приблизившись к трупу, приподнял веко мертвой и, взглянув, сразу заметил несомненно посмертное положение глазного яблока с искаженным смертью зрачком.

Для него этого в соединении с трупным запахом было совершенно достаточно, он отошел и, сам удивляясь своему голосу, ясно проговорил:

— Я ручаюсь, что эта девочка мертва!

Другие двое кивнули головами в знак подтверждения, но ничего сказать не решились.

Когда доктора вернулись в свои ложи, двое красных приблизились к столу и протянули один правую, другой — левую руку над маленьким гробом.

Музыка звучала уныло и печально, люди в красном стояли неподвижно с вытянутыми руками, изредка осторожно и плавно при-

подымая их и снова опуская.

С каждым разом, как подымались их руки, музыка становилась немного оживленнее, похоронная тоска исчезала в ней, и мертвенно бледное лицо девочки как будто оживлялось.

Герье смотрел, видел и не мог поверить своим глазам.

Невидимая музыка звучала веселее, а у мертвой, лежащей в гробу девочки играл уже румянец на щеках, из сине-бледных — губы розовели; вот у нее дрогнул мускул на щеке, она шевельнула рукой и открыла глаза.

Музыка играла совсем уже веселый радостный мотив, девочка улыбалась; стоявшие над нею люди в красном помогли ей сойти вниз.

Она резко соскочила, сделала реверанс и убежала за сукно, откуда вынесли ее в гробу.

Все это было сделано ею с той уверенностью, какую выказывают перед публикою дети, приученные к представлениям.

С одной стороны, и правда, все происшедшее было как будто похоже на представление, но с другой — доктор Герье был готов

дать голову на отсечение, что девочка была трупом и что он был свидетелем того, как именно эта девочка, бывшая трупом, ожила на его глазах.

XV

По ложам пробежал сдержанный гул удивления. Видимо, на большинство театральная обстановка «представления» произвела совсем иное впечатление, чем на доктора Герье.

Когда возвращенная к жизни девочка убежала, зал в одно мгновение погрузился во мрак, затем огни снова зажглись, и обстановка была значительно изменена.

Черное сукно с серебряными фигурами исчезло; на месте его стена, барьер и верхи лож были увешаны коврами с вытканными на них зелеными деревьями.

Эта перемена, происшедшая в темноте, сделалась точно по волшебству.

В самом деле, быстрота, с которой погрузившийся во мрак и вновь осветившийся зал принял иной, более приятный для глаз вид, могла быть принята за сверхъестественную.

На столе вместо гроба стоял огромный стеклянный поднос на четырех металлических ножках, так что между ними и крышкой стола было пространство, довольно значи-

тельное.

Вошли двое служителей, одетых в восточное платье; один из них нес корзину с черною жирною землей, другой — небольшой холщовый мешок.

Корзинка с землей была обнесена вокруг лож и показана всем, мешок — тоже.

Он был полон семенами различных цветов; семена были смешаны.

Доктор Герье взял горсточку, поглядел и нашел, что это были самые обыкновенные семена, вполне сухие.

Двое красных взяли у служителей мешок и корзинку, один высыпал землю на стеклянный поднос, разровнял ее, другой бросил в землю семена.

Они отошли на свои места.

Тогда приблизился к столу один из одетых в синие сутаны и вытянул руку над подносом с землею.

Опять зазвучала музыка.

Доктор Герье сидел и внимательно следил за тем, что из этого выйдет.

Сначала он думал, что это ему только показалось, что как будто земля на подносе за-

шевелилась, словно оживившись.

Но мало-помалу он заметил, как из земли то там, то тут стали показываться маленькие ростки, и вскоре весь поднос, как щетиной, покрылся ими.

Синий, стоявший с вытянутой рукой у стола, обернулся назад, и сейчас же другой встал и сменил его, протянув так же, как и он, руку над подносом.

Ростки начали подниматься и зеленеть, как будто повинуюсь звукам музыки или неизъяснимой силе, исходявшей от протянутой над ними руки.

Доктор Герье видел собственными глазами, как на ростках появились листья.

Расскажи ему об этом кто-нибудь — он не поверил бы, но тут он видел собственными глазами.

Довольно было и появления ростков и листьев из только что брошенных семян, чтобы поразить всех присутствующих, но это было еще не все.

За листьями явились почки.

Третий синий сменил второго. И, словно под влиянием его свежей силы, почки стали

раскрываться, и поднос, как ковер, запестрел цветами.

Это было непонятно, чудесно и очень красиво.

Доктору Герье невольно захотелось аплодировать, но он одумался, не зная, будет ли это уместно.

Синий, вызвавший цветы, исполнив свое дело, вернулся к своему креслу, а явившиеся служители сорвали цветы и раздали их присутствующим.

Доктору Герье достались гвоздика и левкой.

Цветы были очень нежны и тонки, правда, нежнее и тоньше обыкновенных, но это были настоящие цветы, разливавшие приятный аромат.

Доктор трогал их, нюхал и не мог найти объяснение чудесному появлению этих цветов.

Он не знал, чему больше удивляться — этому ли появлению или оживлению мертвой девочки?..

Мертвой девочке была возвращена угасшая в ней жизнь, а тут сухие семена были вы-

Званы к жизни!

XVI

Главный, спокойно и величественно сидевший на своем кресле, должен был видеть, какое было произведено впечатление на зал.

Когда цветы были розданы, он поднялся и заговорил:

— Вы видели проявление силы над материей, оживление мертвого тела, и действие человеческого разума. Могу уверить вас, что только что виденное вами прораствание семян и быстрое образование цветов есть исключительно последствие разумных наблюдений и выводов человеческого разума. В этом чудесном нет ничего сверхъестественного; напротив, вся суть здесь в том, что естественные силы — простые, самые обыкновенные, естественные силы — разумно направлены, и только... Итак, мы имели дело с материей, теперь вы увидите явление духа!

Он опустился в кресло и ударил жезлом в пол.

Доктор Герье, несмотря на его уверения, так сразу не хотел признать естественность того, что случилось перед его глазами: это бы-

ло слишком необыкновенно.

Теперь, впрочем, некогда было раздумывать, потому что обещали еще что-то новое и, может быть, еще более интересное.

На стук жезла служители внесли в зал носилки, на которых лежало что-то, или, вернее, лежал кто-то, окутанный белой пеленой, потому что под этой пеленой как будто очерчивался абрис человеческого тела.

В пелене было одно только отверстие, приходившееся к левому боку тела.

Носилки внесли и поставили за столом, на пол, перед сидевшими магами — так доктор Герье мысленно называл одетых в синее и красное людей, производивших такие невероятные опыты.

Главный опять стукнул жезлом — и свет в зале померк до полной темноты.

Вместе с этой темнотой наступила полная тишина.

Что делалось в этой темноте и тишине — Герье не мог ни увидеть, ни догадаться. Но только через некоторый промежуток времени приблизительно в том месте, где стояли носилки, блеснуло что-то и стал обозначаться

неясный, странный и неопределенный белый туман, как будто в темноту упала откуда-то капля света и стала, расползаясь, расплываться по ней.

Сначала туман светился тускло, но затем поле его становилось шире и свет делался яснее. Сквозь его проясненную прозрачность виднелись освещенные его отблеском неподвижные фигуры магов, виднелись носилки, над которыми клубился этот туман, и вырисовывался темный профиль большого стола.

Туман начал стучаться, то есть, собственно, не туман, а свет, сосредоточенный в нем, и из бесформенного, расплывчатого стал, колеблясь, как дым, принимать более определенные очертания.

Сначала эти очертания клубились, как облако, потом, вытягиваясь кверху, приняли контуры человеческого тела, и вскоре доктор Герье увидел прозрачную, светящуюся молодую девушку; он чуть не крикнул от охватившего его чувства восторженного смятения, которое является у человека, потрясенного чем-нибудь неожиданно прекрасным. Лицо сквозной, светящейся молодой девушки было

необыкновенно красиво, но этого было мало. Доктор Герье узнал в ней ту, которую видел сегодня у Августы Карловны в истерическом припадке.

— Да не может быть! — почти вслух вырвалось у него.

И он ощутил, как быстро забилося его сердце и как вся кровь прилила к голове.

Голова у него закружилась, он, сам себе не отдавая отчета, поднял руки и закрыл ими лицо.

Состояние его было близко к обмороку.

XVII

Что было потом — доктор Герье не помнил. Когда он очнулся, перед ним стоял Степан Гаврилович.

Занавес над барьером ложи был спущен, ложа опять освещалась из маленького отверстия наверху; в дверях был широко и весело улыбающийся Варгин.

Очевидно было, что или он не видел всего происходившего, или оно произвело на него совершенно другое действие, чем на доктора Герье.

— Ну, очнулись наконец! — проговорил Трофимов, тормоша доктора. — Ну, одевайтесь и поедем!

Доктор Герье, еще не отдавая себе хорошенько отчета, послушно и безвольно сделал то, что ему сказали, то есть оделся.

Они вышли в коридор.

Он был по-прежнему пуст, так же, как и когда входили они сюда, так же винтовая лестница, по которой они поднялись теперь, была освещена неизвестно откуда сверху и так же сама собой отворилась перед ними на-

ружная дверь.

Когда они сели в карету, Варгин, до сих пор улыбавшийся только, но тихонький, вдруг стал напевать веселую песенку.

— А я видел раз, — заговорил он, оборвав свое пение, — как заезжий немец в балагане вверх ногами на голове стоял и в таком положении вино пил за здоровье всей компании.

— Что вы хотите сказать этим? — спросил Степан Гаврилович.

— А то, — усмехнулся Варгин, — что все это фокусы и если показывать их за деньги, то большое состояние приобрести можно.

— А вы присутствовали, — остановил его вопросом Герье, — при всех трех опытах? Видели девочку, цветы и... последнее?

Он не договорил и не назвал, что было "последнее".

— Видел! — весело подтвердил Варгин. — Все видел! И признаюсь, взирал с удовольствием! Ловко было проделано! Чистая работа, надо отдать справедливость!

Герье немножко испугался: легкомысленные слова его приятеля могли показаться неприятными Степану Гавриловичу; но тот

добродушно рассмеялся веселости Варгина и только сказал ему:

— А знаете, молодой человек, отчего вы говорите так?

— Ну, отчего? — несколько даже вызывающе переспросил Варгин.

— Оттого, — пояснил Трофимов, — что виденное взволновало вас и вы хотите излишней бодростью заглушить это волнение!

Должно быть, он попал, что называется, в точку, потому что Варгин сейчас же замолчал и больше не проронил ни слова.

Но, когда они приехали к Трофимову и тот сказал им, что сейчас будет готов ужин, без которого он их от себя не отпустит, Варгина опять прорвало, и он почти с детской шаловливостью попросил бумаги и карандаш и вопросительно глянул на Степана Гавриловича:

— Можно?

Трофимов пожал плечами, улыбнулся и спросил:

— Что можно?

Но Варгин уже не ждал ответа на свой вопрос и быстро стал водить карандашом по бумаге.

Несколькими штрихами изобразил он в карикатуре и главного, с бородой и обручем на голове, и трех синих, и четырех красных в их поднятых капюшонах, и даже девочку, делающую реверанс; все это было необыкновенно похоже и вместе с тем смешно, так что даже доктор Герье не мог не усмехнуться, увидев карикатуру.

Ужин был накрыт в столовой, убранство которой оказалось проще остальных комнат.

Стены были просто выбелены, и единственным их украшением служила большая картина масляными красками, изображавшая прием царем Соломоном царицы Савской.

В простенке стояли часы в длинном деревянном футляре с огромным, как тарелка, блестящим маятником. Стулья были простые, с соломенными сиденьями, такие, какие изображаются обыкновенно на гравюрах в избах французских крестьян.

Посредине комнаты был накрыт круглый стол, и его роскошь как бы была оттенена скромностью обстановки столовой.

XVIII

Стол был накрыт дорогою белоснежною голландскою скатертью, фарфоровые тарелки были французские, с широким голубым бортом, с толстою каемкой и венком из роз вместо вензеля.

Такой же венок был вырезан и на хрустале, блестящим, отражая огни семисвечного серебряного канделябра, возвышавшегося посредине стола.

В хрустальных графинах искрилось красное и белое вино, свежий ананас стоял в вазе. Сыры, английские и французские, лежали на тарелках, страсбургский пирог, паштет из дичи, розовая пухлая семга, зернистая икра — все эти вкусные вещи так и манили к себе, в особенности Варгина, который любил поесть и, кроме того, чувствовал голод, потому что сегодня плохо обедал с доктором: им не до того было!

Сели за стол.

Степан Гаврилович как радушный хозяин стал потчевать гостей, но ел, собственно, один только Варгин. Глаза у него разбежа-

лись, он давно не пробовал таких вкусных вещей и, не зная, с чего начать, начал с первого, что попало ему под руку, и затем, не стесняясь, отдал должную честь остальному.

Оказалось, Герье не только никогда не пробовал свежей икры, но и не видал ее. Он из учтивости отведал, но еще не попросил и ограничился куском швейцарского сыра, которого не ел с самой Женевы. По всему было видно, что ему не до еды и что даже стоявшие на столе отборные кушанья не могут соблазнить его.

Степан Гаврилович налил ему вина, он прикоснулся к рюмке губами и поставил ее на место.

Сам Степан Гаврилович тоже не ел ничего, кроме ухи, которую подали в чашках.

Он объяснил, что никогда не ест много и что стол его состоит всего лишь из нескольких кушаний, на которые он смотрит как на необходимость для утоления голода.

Варгин уплетал за обе щеки и с полным ртом один же главным образом поддерживал разговор, должно быть, продолжая подбадривать себя своей же веселостью, которая, впро-

чем, и на самом деле могла теперь явиться у него благодаря вкусному ужину и отличному вину.

Говорил он о посторонних вещах, не относившихся к сегодняшнему вечеру.

Степан Гаврилович усердно подливал ему вина, и под конец оно подействовало-таки, и Варгин, что называется, отяжелел.

Он плотно наелся, много выпил и, когда кончился ужин, грузно поднялся из-за стола.

Трофимов не отпустил своих гостей сейчас же после ужина, а провел в гостиную и попросил сесть.

Герье начал было прощаться, но Степан Гаврилович ласково удержал его за руку и сказал:

— Погодите немного, поговорим!

Они сели у стола с лампой под абажуром, а Варгина Степан Гаврилович устроил на софе в отдаленном темном углу комнаты, и, едва он опустился на мягкую софу, веки его закрылись сами собой, и он погрузился в сладкую дрему, которая охватывает человека, сытно упитавшегося после долгого недоедания.

— Я нарочно, — обратился Трофимов к док-

тору, — задержал вас, несмотря на поздний час, потому что, насколько могу судить, вы настолько взволнованы, что, если б я отпустил вас без объяснения, вы бы провели бессонную, тревожную ночь, стараясь найти объяснение виденным вами чудесам.

— Неужели вы хотите дать мне эти объяснения? — спросил Герье, сейчас же оживляясь.

— Я вам объясню все, что могу, — ответил Степан Гаврилович. — Спрашивайте!

XIX

Доктор Герье, получивший позволение спрашивать, не знал, с чего начать, и так и выразил это Степану Гавриловичу, сказав, что до сих пор совсем не верил в сверхъестественное, но теперь, после всего виденного, должен признаться, что сверхъестественное действительно существует.

Степан Гаврилович улыбнулся.

— Зачем, — проговорил он, — употреблять слово «сверхъестественное» там, где, в сущности, нет и помину понятия, которое оно выражает!

— Но сознайтесь, — перебил Герье, — что мы видели феномены или чудеса, которые не встречаются каждый день!

— Но и солнечные затмения не встречаются каждый день, между тем вы отлично знаете, что в них нет ничего волшебного!

— Солнечные затмения — явление физическое, известное нам!

— В том-то и дело, что известное! Когда же не знали, в чем оно состоит, то и его считали сверхъестественным.

— Значит, все явления сегодняшнего вечера могут быть объяснены?

— Ну, разумеется! Но для этого надобно немножко доброй воли, надо уметь слушать и уметь видеть.

— Но я, — воскликнул доктор Герье, — слушал, смотрел и при всем моем желании и доброй воле ничего не мог понять и не понимаю теперь.

— Это оттого, — пояснил Степан Гаврилович, — что вы не принадлежите к числу наших посвященных!

В то время мистические общества были очень распространены, и доктор Герье, давно догадавшийся, что провел вечер среди членов одного из таких обществ на их тайном собрании, нисколько не удивился, когда Трофимов сказал ему о "посвященных".

— А в вашем обществе, — спросил он только, — существует иерархия посвящения по степеням?

— Мы не требуем от вновь вступающего прохождения степеней; все зависит от его собственного развития и от его подготовки; ваши, например, познания и подготовка ва-

шего ума позволяют мне говорить с вами так, как я говорю, то есть как с братом, уже выдержавшим искус первых степеней и получившим возможность узнать тайны более высших. А вот этот, — показал Трофимов на спящего Варгина, — никогда далеко не пойдет и всегда останется на низшей степени посвящения!

— Значит, вы принадлежите к одному из обществ франкмасонов?

— Только вы не найдете у нас смешных и ненужных обрядов, играя которыми так называемые франкмасоны затеяют истинное знание и настоящее дело детскою забавой таинственности. Наши двери открыты для всех.

— Неужели для всех?

— Конечно, для всех способных понимать, а не для грубой толпы, готовой из эмблем высшей мудрости сделать себе глупое и пошлое развлечение, как это было, например, с игральными картами! Пятьдесят два листа игральные карты не что иное, как символы, полные смысла, философских тезисов, выработанных еще учением египетских мудрецов. Ходит мнение, что карты были изобретены

одним аббатом для забавы безумного короля французского, Генриха. Это неправда. Аббат был посвящен в тайны пятидесяти двух символов, понимал их мудрость и только понадеялся, что эта высшая мудрость вернет разум безумному королю. Но безумный король сделал пошлую игру из этих эмблем; так поступает безумие с тем, что недоступно его пониманию; вот почему мы допускаем к себе только людей, способных понимать.

— Но я все-таки слышал, что, для того чтобы понять тайны так называемых оккультных наук, которым, очевидно, предано ваше общество, необходимо посвящение.

— Посвящение, по правилам нашего общества, состоит только в изучении.

— В изучении чего?

— Истин, скрытых в природе и выраженных символами.

— В том, что я читал прежде, — сказал доктор Герье, — мне случалось встречаться с этими символами, но они слишком туманны и непонятны. Отчего, в самом деле, не сделают их более ясными и не изложат «истины», как вы говорите, оккультных наук языком более

понятным и простым?

— Потому что знание тайн природы дает человеку такую власть, которую нельзя предоставить всякому, и люди, имеющие эти знания, не станут кричать о них на ветер.

— Вы в этом уверены?

— Безусловно.

— Хорошо, но откуда же произошли эти знания?

— Я вам дам книгу, в которой изложена история оккультных наук, древних, как самое существование человека на земле. Они изложены в "Индийских Ведах" и в книге Тота Трисмегиста, египетского мудреца.

— Неужели они не раскрыты, тайны "Индийских Вед"?

— Мы едва-едва начинаем разбирать их.

— Но разве не легче заняться раскрытием тайн природы тем путем, по которому идет современная наука, и не проще ли постараться двигать вперед ее, вместо того чтобы доискиваться смысла в непонятных и допускающих самые разноречивые толкования символах хотя бы тех же Вед?

— Каждый избирает тот путь, который ему

кажется более интересным; мы не мешаем никому заниматься и современной наукой, но только все, что до сих пор открывала эта наука, было уже давно известно нам. Попробуйте с помощью этой науки произвести хотя бы те опыты, которые вы видели сегодня вечером.

— А могу я у вас спросить объяснение этих опытов? — проговорил доктор Герье, не без трепета ожидая, что ответит ему Степан Гаврилович.

— Спрашивайте! — повторил тот. — Спрашивайте, что вам угодно.

— Объясните мне, — стал спрашивать доктор Герье, — прежде всего, конечно, это странное оживление девочки.

— Ничего не может быть проще, — улыбнулся Сепан Гаврилович, — ничего не может быть проще этого оживления, если вы только откинете ту немножко театральную обстановку, которая, собственно, необходима для впечатления. Забудьте эту обстановку...

— Но, позвольте, — перебил доктор Герье, — если нужно откинуть театральную обстановку, которая, откровенно говоря, мне в достаточной степени претила, то тогда зачем же было ее делать?

— А затем, зачем вы идете в гости или вообще на люди не голый и не в вашем домашнем халате, а принаряживаетесь в лучшую свою одежду.

— Хорошей одежды требует от меня приличие!

— Известное приличие, или декорация, необходимо во всем и на самом деле существует во всем, что нас окружает. И сама при-

рода, не только люди, не обходится без декорации и театральной, если хотите, обстановки; разве таинственный процесс жизни дерева не мог бы совершиться без появления красивых цветов и сочных ароматических плодов, а между тем дерево покрывается красивыми цветами и ароматическими плодами, а что они как не декорация, полезная, приятная для нас, но все-таки декорация! Разве явление грозы и атмосферные изменения не могли бы происходить в небесных высотах в тишине, а между тем при них блещит молния и гремит гром, всегда производящий на нас если не страшное, то жуткое впечатление, хотя это только театральная обстановка! Итак, откинув эту обстановку, правда в оживлении девочки заключается в том, что мы в ней вызвали искусственным путем, путем сильного тока животного человеческого магнетизма, полную каталепсию и в этом искусственном летаргическом сне положили ее в гроб перед тем, как вынести ее на глаза зрителей.

— Но изменение глазного яблока, которого не бывает при каталепсии?

— Простое действие особых, совершенно безвредных капель, пущенных в глаз.

— А трупный запах?

— Опять-таки несколько капель ассафетиды.

Доктор Герье помолчал.

— Действительно, — вздохнул он, как будто разочарованный, — у вас на все есть ответ, простое объяснение. Но в таком случае во всем этом оживлении нет ничего, что бы говорило в пользу ваших глубоких знаний. Все это, значит, объясняется, как и обыкновенные фокусы, которые проделывают заезжие шарлатаны, за рубль входной платы...

— Проявления магнетизма, вызывающего полную каталепсию, нельзя назвать фокусом, — возразил Степан Гаврилович.

— Да, из всего в данном случае только и остается в вашу пользу магнетизм! — согласился Герье.

— Вы говорите "только магнетизм". Но он-то именно и составляет все! Наша цель — показать проявления магнетизма. Это главное, остальное, то есть обстановка, дело второстепенное и необходимое для скрытия тайны от

непосвященных, способных, как мы говорили, злоупотребить ею.

— Но эта обстановка — ложь!

— Не ложь, но необходимое сокрытие тайны...

— Хорошо, ну, а второй ваш опыт превращения семян в цветы — тоже только... "необходимое сокрытие тайны"?

— Нет, второй опыт состоит в применении открытия, сделанного нами в секретных древних арканах.

— Вы мне объясните это открытие, или я недостаточно подготовлен, может быть, чтобы понять?

— Отчего же. Я думаю, вы поймете легко, потому что тут действуют самые простые и самые естественные законы природы... Вот, видите ли, необходимы три элемента, чтобы зерно пустило росток из земли и дало цветы: теплота, вода и воздух. При опыте эти элементы находились в изобилии. Кажется, понятно?

— Но не понятна быстрота, невероятная быстрота, с которой в нашем присутствии выросли цветы! В природе тепло, вода и воз-

дух долго и постепенно работают над лежащим в земле зерном, а тут достаточно было менее часа времени!

— Вам известно, что за границей пригородные огородники достигают того, что в течение четырех месяцев лета собирают со своих гряд до трех урожаев овощей?

— Известно, — сказал Герье, — они это делают путем поливки, ухода и удобрения... Но все-таки три урожая в течение четырех месяцев — и та скорость прорастания, которую мы видели сегодня...

— Эта скорость зависит только от умения. Наши русские огородники получают один урожай в лето, заграничные — три, потому что они опытнее, а мы, которые еще опытнее, заставляем вырасти цветок в час времени.

— В чем же состоит эта опытность?

— В пользовании лучами теплоты. Обыкновенные садовники выращивают свои цветы на солнечных лучах, которые не только дают необходимую растению теплоту, но и могут быть вредны ему. Если их слишком много — они опалят цветок и он завянет. Мы же умеем разлагать тепловые лучи и пользо-

ваться исключительно полезными их свойствами, отбрасывая все вредное...

— Как же это?

— Благодаря тому электричеству, о котором официальные ученые знают очень мало, лишь ощупью подходя к нему, и свойства которого известны нам хорошо... От металлических ножек стола и хрустального подноса, где лежала земля с зернами, были проведены незаметные проволоки и по этим проволокам были пущены тепловые лучи, разумеется, в должной степени напряжения...

— Так что этот прозрачный хрустальный поднос был необходим не только для того, чтобы публика видела, что нет в нем никаких приспособлений, но и для самого опыта?

— Разумеется. Стекло и хрусталь — дурные проводники, и шедшие по проволокам лучи сосредоточивались вследствие этого в земле, лежавшей на подносе, не расходились и действовали на зерна семян. Нам известно даже, какой род или сорт, что ли, лучей необходим, чтобы заставить семена прорасти, и какие лучи дают возможность подняться ростку, и какие нужны, чтобы явились цветы... И после

этого вы сомневаетесь, что мы можем в течение часа сделать то, что достигают простые, невежественные в сравнении с нами огородники в месяц?

— Вы так убедительно объясняете, — возразил доктор Герье, — что я не сомневаюсь, но все-таки не перестаю удивляться...

— Явись в наше время, — подхватил Степан Гаврилович, — сам Архимед, и покажи ему теперешние официальные ученые то, что они знают об электричестве, он был бы удивлен больше вашего. Все идет вперед, все развивается, и что было вчера чудом, становится сегодня общеизвестным, привычным фактом. Мы вступаем теперь в век чудес, в век магический, когда человек поймает небесную молнию и заставит ее мирно светить в своем доме.

— Неужели вы думаете, что электрический свет заменит когда-нибудь свечи и лампы?

— Таков должен быть последовательный ход событий. Будет также время, когда и опыт с цветами, виденный вами сегодня, сделается доступен простому садовнику... Все это придет, как придет также век полного братства и

христианского равенства не только земного, но общемирового...

— Все это так, и дай Бог, чтобы это случилось. Если вы объясните мне теперь еще последнее появление этой... прозрачной девушки — вы найдете во мне самого ярого последователя, и я буду послушно исполнять все, что будет угодно...

— Теперь уже поздний час, — проговорил Трофимов, — и нам пора расставаться. Но что отложено, то не потеряно. Другой раз я объясню вам и это появление. Знайте пока только одно, что и в нем нет ничего так называемого «сверхъестественного» или противоприродного. И здесь действовали те же законы природы, примененные лишь опытными, знающими людьми...

— Еще два вопроса, Степан Гаврилович.

— Спрашивайте.

— Кто был этот главный с черной бородой, распоряжавшийся опытами?

— Вы это узнаете впоследствии.

— А кто была эта девушка?

— Если вы взгляделись в ее черты — она была та самая, которую вы видели сегодня

утром у Августы Карловны.

— Значит, я не ошибся. Я узнал ее, но кто она?

— И это вы узнаете впоследствии, если захотите, впрочем...

— Да, да, я хочу!

— Тогда постарайтесь, поищите: вы на следу, добейтесь своего. Узнайте девушку...

— Но то, что я видел ее такою прозрачной, это не значило, что тут была не она сама, а ее дух?

— Да, это был ее дух.

— Она умерла? — вдруг спросил доктор, и в его вопросе послышался неподдельный испуг.

— Нет, — успокоил Степан Гаврилович, — она жива и здорова. Ищите и найдете. До свидания.

На другой день Варгин, успевший выспаться на софе у Трофимова, пока тот разговаривал с доктором, встал в обыкновенное время. Но Герье еще спал.

Варгин оделся и ушел, но не на работу в замок. Он пошел отыскивать тамбовского помещика Силина.

Вчерашние фокусы, как он называл виденные им опыты, показались ему занимательными, но не понравились.

Разъяснений, данных доктору Степаном Гавриловичем, он не слышал, потому что спал в это время, а самому ему допытываться было лень.

Он решил, что это либо фокусы, либо чертовщина, и хотя в чертовщину не верил, но почему-то в глубине души сомневался: а вдруг это она и есть?

Сами по себе эти фокусы его не смутили бы, но подозрительной казалась после виденного вчера вечером связь неизвестно откуда взявшегося Степана Гавриловича Трофимова с вчерашним странным приключением док-

тора и с исчезновением сына тамбовского помещика.

Эта связь была несомненна, потому что Трофимов говорил и о том и о другом, и вот, что он говорил об этом, а потом вечером показывал волшебные чары, или же просто дурачил шарлатанством, сильно не нравилось Варгину.

Во всяком случае, он желал указать тамбовскому помещику на господина Трофимова, который знал о его сыне.

Варгин считал это своим долгом и отправился разыскивать Силина.

Герье встал позже обыкновенного.

Несмотря на успокоительные речи Степана Гавриловича, он все-таки вчера долго ворочался в постели и не мог заснуть; когда же он заснул, наконец, сон его был очень крепок и благодетелен, несмотря на свою краткость.

Герье поднялся не только бодрым телесно, но и чувствовал такое душевное равновесие, какого не испытывал давно.

Прогулявшись, как он это делал всегда, несмотря ни на какую погоду, и вернувшись к себе в комнату, которая была освежена и при-

брана во время его прогулки, он сел у окна и, глядя на двор, где шли от крыльца к калитке деревянные мостки, стал думать.

Думал он не о вчерашнем, но о будущем, и в этом будущем не создавал себе никаких определенных планов, но как-то созерцательно глядел в него, и ему казалось, что не он идет в это будущее, а оно надвигается на него, надвигается, как приближающийся свет, расплываясь все шире и шире, охватывая и заполняя собою все.

Сначала была только светящаяся точка, то есть она была не сначала, а только вчера, а сегодня уже расплылась, разлилась ярким светом.

Вернувшийся домой Варгин застал его в этом созерцательном состоянии, в котором доктор сидел, по крайней мере, часа три, не двигаясь. Герье в течение двух лет привык делиться своими мыслями с Варгиным не потому, что ценил его мнение, а больше для того, чтобы самому проверить свои мысли, выражая их вслух. Он так и сказал Варгину, что вчера, мол, явилась-де для него светлая точка, а сегодня расплылась она и захватила его.

— Позвольте! — морщась, недовольно переспросил Варгин. — Какая там точка и какой свет?

— Мне кажется, что это — мое будущее! — несколько восторженно произнес доктор.

Варгин нахмурил брови, напрасно силясь понять то, что ему говорили.

Он внимательно поглядел на Герье.

— Доктор, батюшка! — протянул он. — Да вы уж не с ума ли сошли после вчерашней чертовщины?

— Никакой чертовщины не было.

— Ну, может, и не было, но, на мой взгляд, кажется, все это довольно скверно. И на вас это так подействовало, что вам какие-то светящиеся точки начали казаться.

— Да не казаться начали! Вы уж сейчас понимаете все так дословно: я говорю это как сравнение, чтобы понятнее передать вам то, что делается у меня в душе.

— В душе?

Варгин поглядел на доктора, прищурил один глаз, махнул рукой и протяжно свистнул.

— Понимаю! — воскликнул он. — Теперь я

понимаю, в чем дело! — Он встал и отвесил доктору низкий поклон. — Честь имею вас поздравить, господин Герье, вы влюблены!..

— Влюблен? — повторил Герье. — Как это вы говорите: сейчас уж и влюблен!

— Да-с, влюблены! Во вчерашнюю девицу, которая, по образному выражению вашему, явилась для вас светлой точкой!

Герье за то и любил Варгина, что тот всегда умел простыми словами выразить сложнейшие и неопределенные душевные настроения. И ошибался он редко; напротив, в большинстве случаев был прав, попадая в самую суть.

Доктор Герье должен был сознаться, что и на этот раз Варгин был прав.

— А я как раз принес вам о ней сведения! — заговорил Варгин, успокоившись, что его приятель с ума не сошел, а только влюбился.

— Сведения? О ком? — переспросил Герье.

— Да о ней же! О вчерашней девушке!

Герье живо вспомнились слова Трофимова: "Вы на пути — ищите и найдете!"

— Вы видели ее? — стал спрашивать он.

— Нет.

— Вы узнали, кто она?

— Нет.

— В таком случае как же?

— Да так, что она сегодня рано утром, едва взошло солнце, освободила сына тамбовского помещика из заключения.

На этот раз была очередь за доктором не понять того, что ему говорили.

— Как, освободила сына тамбовского помещика? — удивился он. — Откуда? Из какого заключения? Или вы тоже говорите образами, сравнениями?

— Никогда к ним не прибегаю и стараюсь

выражаться всегда ясно. Все, что я сказал, истинное происшествие.

— Как же это случилось?

— А вот это объяснить вам я не могу, потому что, в сущности, это какая-то таинственная история, в которой, в общем, ничего хорошего, на мой взгляд, нет.

— Да вы-то откуда узнали эту историю?

— От самого тамбовского помещика. Я, как вышел сегодня из дома, так пошел его отыскивать.

— И на работе не были?

— Да какая же тут работа? Помилуйте, ведь не мог же я оставить почтенного старца в неизвестности, когда вчера господин Трофимов упоминал об его сыне!

— Разве упоминал?

— А как же! Сей монсиньор заявлял даже, что беспокоиться о молодом человеке нечего.

— Кто это "монсиньор"?

— Все тот же Трофимов, чтоб ему пусто было!

— За что же вы его браните?

— Да как же не бранить: он уверял, что беспокоиться о молодом человеке нечего, а на

самом деле этот молодой человек был завлечен в какую-то западню. И несдобровать бы ему, не явись на выручку ваша девица!

— Уж и моя.

— Как же мне называть ее иначе, если я ее имени не знаю?

— Да откуда ж она его освободила?

— Говорю вам — из западни! Как вам известно, он вышел из дому, чтобы отправиться ко мне сговориться об уроках рисования; Петербурга он совсем не знал — они с отцом живут тут первую зиму и пешком ходят мало, считая это для дворян неприличным, — а тут молодой Силин захотел пройтись, ну и заблудился! Ходил по улице и не только не мог найти дорогу к нам, но даже дорогу к себе; все, говорит, на Фонтанку попадал. На этой Фонтанке он встретил человека почтенного вида, старца с неприятными зелеными глазами, и обратился к нему, чтобы тот указал ему дорогу. Старец заявил, что им по пути, и они пошли вместе. По дороге старец расспросил Силина, кто он, узнал, что отец его тамбовский помещик, что они приезжие и мало знают Петербург, и завел его к себе домой. Тут на

него накиннулись два гайдука, они связали его и посадили в какой-то подвал вроде каземата.

— Что же, они хотели его ограбить?

— Нет, тут дело было не в грабеже! У Силина и денег-то с собой никаких не было! Но, если бы были, так их, верно, не тронули бы, потому что из карманов у него ничего не вынули.

— В чем же тут было дело?

— А это я и придумать не могу! Происшествие для меня совершенно непонятное. Заманил почтенного вида старик молодого человека к себе в дом и запер в каземат, а зачем это было нужно — знает, верно, господин Трофимов.

— Вы думаете, что он принимал тут участие?

— Вероятно, дело обошлось не без него, раз он знал о нем.

— Но ведь если бы он был замешан в таком дурном деле, он не говорил бы нам, чужим людям, о нем так откровенно!

— Может быть, он был уверен, что произведет на нас впечатление своими опытами и мы так и растаем перед ним: делайте, мол,

что хотите с нами, мы все тут к вашим услугам! Ну, да я этого не оставлю так! Я этого господина Степана Гавриловича выведу на свежую воду!

— А как же, — рассмеялся Герье, — вы давали обещание, что не станете впутываться в романтические истории?

— Да уж тут не до обещаний, — воскликнул Варгин. — Помилуйте, тут какая-то гнусность, а гнусности я терпеть не могу!

— Ну, хорошо! Ну, а девушка-то, девушка! Как же явилась она?

— Нет, я этого Трофимова выведу на свежую воду, — повторил Варгин, все более и более раздражаясь. — Молодой Силин говорит, что он узнает дом. Завтра мы с ним пойдем его отыскивать.

— Я вас про девушку спрашиваю! — стал настаивать на своем Герье.

— Девушка, — стал рассказывать Варгин, — явилась самым необычайным образом. Молодой Силин три дня просидел в заключении, кормили его хорошо, но никуда не выпускали! Еду подавали через окошечко, в дверь. Ныне утром вдруг эта дверь отворилась, пришла ваша девица и вывела Силина в сад с расчищенными дорожками и показала удобное место, где перелезть через забор. Он как перелез, так и кинулся бежать со всех ног до первого извозчика; нашел его, и тот привез его домой.

— Но каким образом, — спросил Герье, — вы узнали, что это была та самая девушка, которую мы видели вчера?

— А очень просто, — пояснил Варгин. — Пока мне Силины рассказывали об этом происшествии, я на попавшемся мне под руку клочке бумаги нарисовал ее профиль. Молодой Силин как увидел, так и узнал ее сейчас; стал спрашивать у меня, каким образом я мог нарисовать ее и знаком ли я с нею? Я ему сказал, что видел девушку один только раз, когда

она вчера приходила гадать к Августе Карловне и когда с ней сделался припадок.

— А он не ошибся?

— В чем?

— Что это именно она спасла его.

— Говорит, что нет, что профиль, который я нарисовал, был очень на нее похож.

— И он не спросил ее, кто она такая?

— Да когда же ему было спрашивать? Он слово проронить боялся; к тому же они торопились. Но это мы все разузнаем. Во что бы то ни стало я найду этот дом, а там увидим!

— Самое лучшее, по-моему, — сказал Герье, — рассказать все Степану Гавриловичу и прямо и откровенно спросить его, что это значит.

— Нет, уж вы, пожалуйста, — испуганно остановил его Варгин, — господину Трофимову ничего не говорите и ничего у него не спрашивайте! Во-первых, он вам ничего не скажет, а во-вторых, если и скажет, то только больше запутает.

— Да нет же, — возразил Герье, — вы знаете, пока вы спали у него на софе, он мне очень подробно и откровенно объяснил ви-

денные нами опыты.

— Ну, этого «опыта» с молодым Силиным он не объяснит откровенно, за это я вам ручаюсь! Тут нужно самим нам разузнать, а для этого необходимо прежде всего действовать втайне от самого Трофимова. Нет, вы дайте мне слово, что ни о чем расспрашивать его не будете.

И Варгин так пристал, что Герье дал ему слово.

— Теперь, — стал рассуждать Варгин, — надобно обдумать план действий. Прежде всего мы с молодым Силиным отыскиваем дом, разузнаем, кому он принадлежит и кто этот старик, решающийся среди бела дня засаживать людей в казематы. А вы будете отыскивать вашу девицу, которая, очевидно, там же, в этом доме.

И опять Герье вспомнились слова Степана Гавриловича о том, что он должен искать девушку, но об этом он ничего не сказал Варгину.

Они условились и решили, что начнут действовать с завтрашнего дня.

Им принесли обедать.

Хотя Августа Карловна кормила своих жильцов недурно, но, разумеется, их все-таки скромная трапеза не могла сравниться с угощением, которое было накануне у Степана Гавриловича.

Тем не менее и Варгин, и Герье стали есть с удовольствием, потому что поданные им кушанья были просты, но вкусны.

Они сидели еще за супом, когда в дверь высунулась голова служанки.

— Вас спрашивают! — заявила она, видимо, уже выработав манеру такого своеобразного доклада. До того дня докладывать ей не приходилось, потому что к ее господам никто не приходил.

— Кого? Меня спрашивают? — обернулся Герье.

Служанка кивнула головой.

— Да, вас!

— Кто?

— Лакей от госпожи Драйпеговой.

— Еще новая! — проговорил Варгин. — Только что за странная фамилия? Верно, она переврала что-нибудь.

Но это предположение не оправдалось,

служанка не переврала фамилии и, действительно, госпожа Драйпегова прислала за доктором Герье ливрейного лакея и экипаж.

На этот раз ничего таинственного и необыкновенного в приглашении доктора не было.

Ему сказали, кто его зовет и куда ему надо ехать, и он, не докончив обеда, поехал, потому что лакей просил не медлить.

XXIV

Госпожа Драйпегова жила в деревянном домике-особняке на Шестилавочной улице — месте по тому времени не особенно аристократическом и далеко не таком многолюдном, какою стала эта улица теперь, давно уже переименованная в Надеждинскую.

Дом был деревянный, но новой, крепкой постройки, с колоннами по фронту и фризом, хитро раскрашенным разноцветными масляными красками.

Внутреннее убранство было недорогое, но с большою претензией на роскошь и, главное, на художественность.

По-видимому, особую прелесть, по мнению хозяйки, составляли кисейные занавески на окнах, расшитые лиловым и желтым гарусом.

В доме был, как следует, зал с клавесином, за залом — гостиная, а за гостиной — будуар.

В этом будуаре Герье застал хозяйку, которая сидела на кушетке; у нее была мигрень.

Это была женщина, из всего лица которой прежде всего новому знакомому бросался в

Глаза нос.

Не то чтобы он был слишком длинен или велик, напротив, переносица была довольно глубоко вдавлена и конец носа был умеренных, но странных размеров.

Бывает нос картошкой, а у нее был кубиком и, главное, по нему можно было сразу увидеть, что Драйпегова — женщина далеко не молодая.

Морщин у нее не было; отвисший подбородок и обрюзгшие щеки могли бы остаться незаметными, тем более что щеки были подкрашены искусственным румянцем, а подбородок прикрыт кружевом, но с кубическим носиком ничего нельзя было сделать, и он был именно такой поношенный, какие бывают только у старых, выдавших на своем веку виды женщин.

Глаза Драйпегова подводила толстой черной чертой, как это делают потерявшие уже в этом меру старухи.

Она была одета в кружевной капот, и этот капот был такой, какой может надеть только самая молоденькая и хорошенькая женщина.

Драйпегова протянула доктору руку, и, ко-

гда он нагнулся к руке и поцеловал, как это требовало тогдашнее приличие, она несколько дольше, чем нужно, оставила руку в его руке и остановила на нем томный, пристальный взгляд, как будто сразу обласкать им хотела.

Герье, осмотрев больную, нашел, что все, что нужно было против мигрени, уже сделано, и что, собственно, никакой серьезной помощи от него не требуется.

— Ах, все-таки пропишите мне что-нибудь! — стала просить Драйпегова. — Ну, хоть что-нибудь, пожалуйста!

— Разве флердоранжевой воды для успокоения! — предложил Герье.

Она так обрадовалась, точно это лекарство должно было, по крайней мере, спасти ее от смерти.

— Вот именно! — заговорила она. — Мне все советовали флердоранжевой воды; это прекрасно, что вам пришло в голову! Я вижу сразу, что вы опытный врач.

Она так ласково смотрела на доктора, что ясно было, что его молодая фигура понравилась ей.

— Скажите! — спросил Герье. — Отчего вы послали именно за мной?

— Я просто послала за доктором! — сказала совсем непринужденно Драйпегова. — Сказала, чтобы мне привезли первого, кого найдут дома, мне было так нехорошо, мне казалось, что я умираю!

Она сказала это все, как будто и действительно оно было так, как говорила, но Герье почему-то показалось странным, отчего его до сих пор никогда не приглашали так случайно, а теперь вдруг появились эти случаи.

— А ваш постоянный доктор? — задал он снова вопрос.

— К сожалению, он умер! — вздохнула Драйпегова. — Увы! Мы все смертны, даже доктора!

Она улыбнулась, как бы требуя, чтобы Герье, в свою очередь, оценил ее остроумие.

"А может быть, — подумал он, — и в самом деле ее доктор умер и я случайно попал к ней".

— Вы уже обедали? — обратилась вдруг к нему Драйпегова, по-видимому забыв уже о своей болезни.

Герье ответил, что ее посланный застал его как раз во время обеда и что он поспешил оставить обед, чтобы приехать к ней.

— Ну, вот и отлично! — засуетилась хозяйка. — Хотите отобедать со мной? Ваш визит мне сделал огромную пользу, я чувствую себя гораздо лучше и тоже поем с удовольствием.

Она оставила Герье у себя обедать, подпивала его вином, чему он, однако, не поддавался, и после обеда, сунув ему в руку полуимпериал, отпустила его с тем, что он непременно придет завтра, чтобы наведаться о ее здоровье.

Необычайная щедрость платы за визит поразила было Герье, но, когда он рассказал обо всем Варгину, тот сказал, что не находит тут ничего необыкновенного, потому что русские всегда щедро платят докторам-иностранцам.

На другой день Варгин с молодым Силиным отправился на поиски дома и применил для этих поисков такой способ: они вышли на Фонтанку, и здесь Варгин просил Силина указать ему место, где тот встретился со стариком.

Но этот способ оказался неудачным. Силин столько раз во время своих плутаний попадал на Фонтанку, что решительно все места у него спутались и он ничего не мог узнать.

Тогда Варгин взял извозчика, подвез Силина к крыльцу дома, где они жили, и от этого крыльца просил показать дорогу, по которой Силин приехал утром после своего освобождения.

Это оказалось удачнее, и они нашли забор и даже место, где перелезал Силин.

Забором был окружен сад, сад примыкал к дому, и дом легко было отыскать.

К крайнему удивлению Силина, дом выходил фасадом на Фонтанку; этого он совсем не помнил.

Но дом был, несомненно, тот самый, двух-

этажный, барский, с большими воротами посередине.

Варгин, давнишний житель Петербурга, знал, кому принадлежал этот дом. Владелец его был некий Авакумов, служивший прежде в сенате и разжившийся, как говорили, на взятках; по крайней мере, ни один петербургский старожил не миновал дома Авакумова без того, чтобы не сказать:

— Ишь какие хоромы с лихоимных денег нажил! Поистине "от трудов праведных не наживешь палат каменных".

Самого Авакумова мало знали, и никому не было известно, как он живет там, но молва говорила, что дом был богато обставлен и что в нем была сохранена роскошь, на которой разорился прежний владелец его, князь Тригоров.

Авакумов как-то сумел приобрести от разорившегося князя дом со всей обстановкой за бесценок.

Говорили также, что Авакумов дает деньги в рост и что он увеличил свои нажитые лихоимством капиталы до огромных размеров.

История с разорением Тригорова произо-

шла давным-давно, еще в пятидесятых годах, при императрице Елизавете, так что обратилась уже в предание, отмеченное мрачным воспоминанием, потому что разорившийся князь застрелился.

Никто не знал, сколько было тогда Авакумову лет, но помнили, что он уже был тогда не первой молодости, и по расчетам выходило, что Авакумову теперь, по крайней мере, под восемьдесят, хотя на вид он был бодрее восьмидесятилетнего старика настолько, что в околотке звали его кощею бессмертным.

В самом деле было что-то таинственное в долгой жизни этого человека.

Дом его, с гербом князей Тригоровых на фронте, внушал большинству какое-то безотчетное отвращение, но никто до сих пор не мог ни в чем обвинить Авакумова, кроме нечистых денежных дел.

И вот теперь для Варгина оказывалось, что за Авакумовым водились и другие темные дела; по крайней мере, то, что он завлек к себе молодого Силина и запер его в подвал, было более чем подозрительно.

Конечно, он сделал это не для благих це-

лей, а для каких именно, Варгин не знал, но тут же решил узнать непременно.

— Так вот оно что! — повторял он, стоя с Силиным перед домом и покачивая головой. — Господин Авакумов занимается не только взятками и ростовщичеством, но и заманивает к себе людей, чтобы лишать их свободы и сажать в погреба! Нет, мы этого так не оставим.

Силин, закутанный в плащ, стоял рядом с ним и старательно прятал лицо в воротник.

— Ну, довольно! — проговорил он. — Пойдемте домой!

Но Варгин медлил, сам не зная — почему, и продолжал оглядывать давно знакомый ему дом с совсем новым интересом, будто бы сейчас должно было явиться еще что-нибудь новое, что могло бы послужить к разъяснению загадки.

— Да чего вы боитесь? — сказал он Силину. — На улице здесь нас не тронут, а во двор дома мы пока что не пойдём!

— Да нет! Я так... я не боюсь... — стал возражать Силин. — А все-таки лучше отправиться домой...

Ему вдруг пришло в голову, что вдруг этот художник, которого он, в сущности, совсем не знал, тоже подозрительный человек.

Теперь уже Силину все в Петербурге казалось подозрительным, и он недоумевал, как раньше не сообразил, что и Варгину, пожалуй, доверять не следует.

— Нет, я пойду, — решительно заявил Силин. Но Варгин остановил его, даже схватив за руку.

— Погодите, сейчас!

Дело было в том, что в это время к парадному крыльцу с двумя фонарями авакумовского дома подъехала карета; из нее вышел господин и скрылся в подъезде.

Варгину показалось, что он узнал этого господина, и он кинулся через дорогу к карете и спросил у кучера, чей это экипаж.

Кучер ответил, что господина Трофимова.

Варгин, узнавший в господине, только что вошедшем в дом Авакумова, Степана Гавриловича, не ошибся. Теперь он уже имел несомненное доказательство сношений Трофимова с человеком, который заманил в западню молодого Силина.

XXVI

Доктор Герье не поехал к Драйпеговой вторично, несмотря на ее приглашение и несмотря даже на то, что Драйпегова присылала за ним еще два раза.

Герье отговорился тем, что болен и не выходит из дому.

Отчасти это была правда: хотя он и чувствовал себя совсем здоровым, но действительно из дому не выходил, приготавливаясь к тому, что они придумали вместе с Варгиным.

А придумали они следующее. Доктор Герье должен был переодеться нищим и идти в дом Авакумова, чтобы разузнать там, если поспасливится, что можно.

Герье взял на себя роль нищего по многим причинам. Во-первых, надо было дать зарости бороде, а то гладко выбритое лицо могло, разумеется, сейчас же выдать переодеванье.

Ради этого, то есть чтобы дать бороде время покрыть щетиной подбородок, и сидел Герье дома, чего никак не мог сделать Варгин, который должен был ходить на работу в замок. Но, главное, доктору хотелось самому по-

бывать вблизи того места, где жила неизвестная девушка, которую он жаждал отыскать, подзадоренный словами Трофимова.

В отношении Трофимова Герье, сначала не разделявший подозрений Варгина, а, напротив, чувствовавший симпатию к Степану Гавриловичу, теперь несколько сомневался.

Поводом к этому сомнению служило главным образом то обстоятельство, что Варгин видел, как Трофимов подъехал в карете к дому Авакумова и вошел туда.

Эти сношения Трофимова с подозрительным домом совсем не говорили в пользу Степана Гавриловича.

Герье, как будто разочаровавшись в нем, решил держаться от него в стороне и действовать сообща с Варгиным, горячо принявшимся за то, чтобы вывести, как он говорил, на свежую воду этого кощея бессмертного, Авакумова.

Наконец, через неделю борода у Герье отросла настолько, что довольно изрядно обезобразила его лицо, и, когда он, растрепав волосы, оделся в дырявый костюм нищего, который ему достал Варгин, он оказался вполне

неузнаваем, до того, что, взглянув в зеркало, сам не мог различить, он ли это.

Варгин, как истинный художник, нарядил его с полным реализмом, и, надо было отдать ему справедливость, переодевание вышло великолепное.

Они выбрали минуту, когда служанка отлучилась, и Варгин потихоньку выпустил переодетого Герье.

Во дворе служанка встретила с мнимым нищим и грубо сказала ему, чтоб он убирался со двора, потому что "нечего ему тут шлаться".

Это окончательно убедило доктора, что узнать его нельзя, и он смело отправился на Фонтанку, по дороге как бы репетируя свою роль и заранее входя в нее.

Шел он не спеша, почтительно давал дорогу прохожим, кланялся и протягивал руку за подаванием.

Но, должно быть, Герье делал это неумело, потому что прохожие скорыми шагами миновали его, и никто из них не дал ему ни гроша.

Какой-то чиновник в очках даже проговорил ему наставительно:

— И не стыдно тебе, такому молодому, просить милостыню? Ты шел бы работать!

Дав на ходу такой благой совет, чиновник поспешил пройти и не указал нищему, где ему взять работу, чтобы последовать его благому совету.

И, несмотря на то, что Герье был не настоящий нищий, а переодетый, он все-таки ощутил какое-то безотчетное чувство горькой обиды от этого высокомерного наставления.

На Фонтанке, у самого дома Авакумова, встретила ему старушка в салопе, невзрачно одетая, в широком капоре с оборкой, почти закрывавшей ее лицо.

Она сама остановила Герье, дернув за рукав, покопошилась в мешке, который висел у нее на руке, и сунула ему копейку.

Герье, почувствовав эту копейку у себя на ладони, чуть было не сказал, что ему не надо. Но он вовремя опомнился, сообразив, что если уж переоделся нищим нужно взять милостыню бедной старушки.

Герье знал наружный вид дома Авакумова, потому что еще раньше, задолго до всей этой истории, в одну из прогулок Варгин показы-

вал ему этот дом и рассказывал ходившие слухи про кощея бессмертного.

Узнать, таким образом, дом было легко для Герье, но каково же было его удивление, когда он, войдя через ворота, которые не были заперты, во двор, узнал и его!

Сюда привозили его в карете, здесь, у этого же Авакумова, он видел несчастного больного, и не кто иной, как Авакумов, предлагал ему пять тысяч рублей за то, чтобы Герье дал ему какое-нибудь ядовитое средство.

Герье узнал двор и крыльцо, куда ввели его и откуда потом связанного вынесли. И, вспомнив участь молодого Силина, он невольно вздрогнул, потому что и его могли тут запереть в подвал.

Выходило, что он еще счастливо отделался, что был отвезен к Таврическому саду и выпущен там.

XXVII

В первую минуту Герье стало жутко во дворе этого странного дома, поведение хозяина которого отличалось слишком большою бесцеремонностью.

Очевидно, Авакумов умел хорошо прятать концы в воду и имел возможность не бояться преследования властей.

Но здесь же, в этом доме, жила та девушка, красивое лицо которой не мог забыть доктор Герье, готовый на все, чтоб найти ее, увидеть, поговорить с ней.

Он остановился посреди двора и оглядел ряды выходивших сюда окон в тайной надежде, не мелькнет ли случайно милое ему личико, но темные окна дома мрачно глядели на него и не только в них не было признака живого существа, но и весь остальной двор был пустыня — на нем не было видно ни души, словно все вымерло кругом...

Вдруг где-то хлопнула дверь. Герье обернулся на стук и увидел, что у бокового флигеля стоит человек, вышедший, как был, видимо, в комнатах, в кафтане и с непокрытой го-

ловой.

Впрочем, голова его не была покрыта шапкой, но на ней был по-старомодному белый парик.

Человек звал к себе нищего и манил его рукой.

Герье, стараясь как можно лучше играть свою роль, подошел.

Человек внимательно оглядел его с ног до головы, засунул пальцы в карман камзола и, вынув оттуда трехкопеечник, закинул голову и спросил:

— Копейка сдачи есть?

Герье протянул ему копейку, которую только что подала ему старушка и которую он держал зажатою в руке.

Человек взял эту копейку и стал ее рассматривать.

Герье тут только заметил, что с одной стороны на копейке был глубоко процарапан крест, а на другой — треугольник.

— Вы что же? — спросил человек, взглянув на Герье.

— Я ничего! — ответил тот, не зная, что сказать.

— Ищите?

— Ищите и найдете! — проговорил Герье, как-то совершенно непроизвольно повторяя фразу, которая вертелась у него в последнее время.

— Ну, хорошо! — сказал человек. — Пойдемте, я накормлю вас! — и он повернулся к двери, как бы не допуская и тени сомнения в том, что нищий последует за ним.

В первый миг, однако, Герье почувствовал колебание: входить ему в этот дом или нет?

Но тут же он сам рассердился на себя за свою трусость: ведь не для того же пришел он сюда, чтобы постоять только на дворе, а для того, чтобы узнать что-нибудь, если представится к тому случай.

И вот случай представлялся, его звали в дом, чтоб накормить, так неужели же не воспользоваться этим?

Герье, решившись довести свою роль до конца, пошел в дом.

Человек повел его на кухню и приказал бабе, вынимавшей ухватом горшки из русской печи, дать что-нибудь поесть нищему.

Это была не господская кухня, очевидно, а

черная, людская, где стряпала и хозяйничала простая баба, находившаяся, вероятно, в подчинении у человека, приведшего сюда Герье, потому что она сейчас же оставила свое дело и исполнила его приказание.

Кроме бабы и их двоих, на кухне никого не было.

— Вы из иностранцев? — спросил человек, обращаясь к Герье.

— Да! — ответил тот, готовый уже рассказать целую историю, которую они придумали вместе с Варгиным: о том, что он женеvский мещанин, приехавший искать счастья в Россию и впавший здесь в нищету.

Они придумали это, потому что для Герье оно было правдоподобнее, русского же нищего ему было разыграть труднее, так как его мог выдать акцент.

— Вы говорите по-французски?

Герье ответил утвердительно.

— Вы по собственному желанию или по поручению ко мне? — спросил человек, переходя на французский язык, которым он владел довольно порядочно.

Сначала Герье был удивлен таким вопро-

сом, но, подумав, оказался настолько сообразителен, что понял, в чем дело.

Очевидно, копейка с крестом и треугольником служила условным знаком для человека, говорившего с ним.

По всей вероятности, для него этот условный знак имел значение, и он стал разговаривать с Герье не как с обыкновенным нищим; очень может быть также, что ответ, данный переодетым доктором на вопрос: "Вы ищите?" — "Ищите и найдете!" — был тоже условной фразой.

Ясно было, по крайней мере, что человек принимал Герье за какого-то своего и желал только знать, прислан ли он к нему или явился по собственному почину.

Герье решился по возможности поддерживать мистификацию, не отрицая и отделяясь общими ни к чему не обязывающими словами.

— Нет, я сам по себе! — проговорил он.

— Зачем же вы тогда пришли?

— Чтобы искать и найти, — наугад бухнул Герье, рассчитывая, что туманными выражениями дела не испортит.

Расчет его оказался верен, и он, как ему казалось, благодаря своей хитрости получил такие сведения, которые превзошли самые смелые его ожидания.

XXVIII

— Смотри кого искать! — сказал человек. — Коршуна или горлицу!

— Горлицу, горлицу! — подхватил Герье, подразумевая под коршуном владельца дома, а под горлицей — молодую девушку, которую искал.

Баба возилась у печки с горшками. Герье сидел за столом и ел, а его собеседник поместился против него.

Они свободно разговаривали по-французски, не стесняясь, потому что, кроме бабы, никого не было, а она, очевидно, не знала иностранных языков.

Человек подмигнул Герье и проговорил:

— Горлица улетать собирается!

— Улетать! — вырвалось у Герье.

— Да! И не дальше как на этой неделе.

— Куда же?

— Разве вы не знаете?

Герье стал было в тупик, боясь тут соврать что-нибудь неладное и выдать себя, но, по счастью, сам человек сказал, куда должна была улететь горлица.

— В Митаву! — проговорил он, словно не сомневаясь, что это известно.

— И как же, одна? — спросил Герье, желая по возможности поддержать разговор, в высшей степени для него интересный.

— Надобен был бы ей провожатый; вы скажите там, чтобы об этом подумали.

Для Герье не было уже сомнения, что его принимают за своего, и, хотя он не имел никакого представления о том, что такое было это «там», он, сам удивляясь, откуда у него берется смелость, решительно сказал:

— У меня есть человек, который очень годился бы в провожатые; ведь в Митаве необходимо знание иностранных языков, по крайней мере немецкого, а тот, о котором я говорю, владеет и немецким, и французским.

— Кто же это?

— Один мой соотечественник, доктор, по фамилии Герье; он помогает мне иногда, и я его знаю поэтому. Вот он был бы вполне подходящий.

— А за него можно поручиться?

— Вполне.

— Герье... Герье... — повторил человек, как

бы припоминая. — Я что-то слышал эту фамилию и как будто очень недавно! Вы говорите, он доктор?

— Да.

— Тогда знаю!

— Его, кажется, привозили в карете в этот дом?

— И он не прельстился пятью тысячами?

— Кажется!..

— Да, это, по-видимому, человек, достойный уважения... Вы давно его знаете?

— Давно.

— Нужно будет подумать о нем...

— Но согласится ли старик пригласить его? Он, вероятно, не особенно остался доволен доктором Герье, после того как тот отказался взять с него пять тысяч...

— Старик и знать не будет, кто поедет с его дочерью. Все это можно сделать через меня, помимо него...

"Так вот оно что, она дочь его! — мелькнуло у Герье. — Впрочем, я так и думал!"

— Доктор, — продолжал человек, — может отправиться в Митаву раньше, чтобы приготовить помещение, а она приедет потом...

— Ну, а сама она?

— То есть что она?

— Будет знать, кто с ней?

— Будет.

— Но тогда она может написать что-нибудь о докторе отцу или проговориться, и он узнает.

— Нет, она не проговорится...

Дело для переодетого Герье становилось все более и более запутанным. Многого он не понимал из неясных ответов разговаривавшего с ним и боялся вместе с тем делать вопросы, чтобы не выдать себя.

— А какие же обязанности при ней будут для доктора? — все-таки спросил он.

— Сопровождать ее. А там он, как порядочный человек, сам увидит, что ему делать...

Опять Герье ничего не понял, но настаивать на подробностях не решился...

Почему дочь Авакумова не должна проболтаться, кто с ней, зачем она едет в Митаву и почему ей «нужен» провожатый — на все это Герье не мог найти ответа.

Он подавил, однако, свое любопытство в надежде, что рано или поздно узнает все, ес-

ли поедет сам провожатым в Митаву.

— Так к доктору Герье обратятся с предложением, — сказал ему человек на прощание, — путь он ждет, и, если он согласится ехать в Митаву, тем лучше для него...

На этом они расстались.

Разумеется, Герье был очень доволен всем разговором и вместе с тем доволен собою, то есть ролью, разыгранной им, как думал он, очень счастливо.

Он был уверен, что одурачил человека, вступившего с ним в переговоры по недоразумению, благодаря случайно попавшейся копейке.

Герье и не подозревал, что люди, с которыми теперь столкнула его судьба, были вовсе не так просты, а, напротив, гораздо хитрее, чем был в состоянии даже предположить молодой и несколько наивный женевец...

Когда разговаривавший с ним человек отпустил Герье, он вышел через двор на улицу и видел, как к парадному крыльцу подъехала карета и из нее вышел и скрылся в подъезде Степан Гаврилович Трофимов.

"Несколько дней тому назад Варгин видел

то же самое!" — подумал Герье и как-то невольно поморщился и окончательно потерял доверие к Трофимову, который сначала показался ему человеком искренним и хорошим.

Теперь Герье видел свою ошибку, потому что искренний и хороший человек не мог знаться с таким стариком, как Авакумов, и часто бывать у него...

Герье только видел, как Трофимов вошел в дом, но он не мог знать, что он делал там...

А Трофимова там встретил в столовой человек, который разговаривал с Герье на кухне.

Они шепотом обменялись несколькими фразами:

— Он был? — спросил Трофимов.

— Только что!

— С моею копейкой?

— Да. Переодетый в нищего, как вы предупреждали...

— Вы ему сказали все, что нужно?

— Да, сказал все, как вы мне велели...

— Как он держал себя?

— Ничего. Немножко был нетерпелив в во-

просах, а в общем, довольно хорошо разыгрывал роль. Он первый заговорил о докторе Герье, то есть о самом себе, и совсем непринужденно, как будто это был действительно знакомый его, а не он сам.

— Я не ошибся, значит, в его способностях?

— Вы никогда не ошибаетесь...

— Я думаю, что он в Митаве будет на месте?

— Вероятно.

— Евтихий Антоныч у себя?

— Должно быть, в кабинете... Я шел к нему...

"Евтихий Антонович" было имя и отчество старика Авакумова.

XXIX

Вернувшись домой, доктор Герье остался, в общем, очень доволен своими разведками, сделанными им в одеянии нищего.

В самом деле обстоятельство или случай помогли ему так, что он и ожидать не мог.

Самое большое, на что Герье смел рассчитывать, отправляясь, — это узнать хоть что-нибудь о молодой девушке, заполнившей его сердце, и вдруг он не только узнал, но вышло так, что ему придется отправиться с нею в Митаву, жить там... Да о таком счастье он и мечтать не смел!

Варгин ждал его дома и помог ему проскользнуть в свою комнату незаметно для Августы Карловны и ее служанки.

Тут, когда они остались вдвоем и заперлись, Варгин, видимо, все время беспокоившийся за него, стал с нетерпением расспрашивать:

— Ну, что, что-нибудь узнали, добыли какие-нибудь сведения?..

— Добыл сведения, какие и не мерещились нам с вами, — отвечал радостно Герье.

— Ну, рассказывайте скорее!

— Погодите, дайте мне привести себя в порядок, переодеться и побриться...

— Как побриться! — даже испугался Варгин. — Разве вы хотите ограничиться одним только посещением и больше не будете переодеваться в нищего?

— Больше не нужно!

— Да неужели?

— Право. Сейчас сами увидите. Вы мне позволите при вас заняться моим туалетом?

Варгин махнул рукой в нетерпении.

— Да делайте, что хотите, только рассказывайте поскорее, не томите.

Герье скинул с себя одеяние нищего, облачился в старенький холщовый шлафрок и достал бритвенный прибор. Варгин в это время, несмотря на все свое желание узнать поскорее результат путешествия доктора, должен был сходить и принести ему теплой воды для бритья.

— Да вы коротко, в двух словах скажите... Что же вы узнали? — снова стал допрашивать Варгин, когда Герье уселся перед зеркалом.

— В двух словах... — проговорил тот, при-

нимаясь намыливать щеку, — ...в в двух словах: я, доктор Герье, отправляюсь в Митаву...

— Зачем?

— Чтоб быть там при дочери старика Авакумова.

— У него есть дочь в Митаве?

— Нет, она еще здесь, но она уезжает.

— Так девушка, спасшая молодого Силина, его дочь?

— Очевидно... Чтоб спасти его, ей нужно было, по крайней мере, жить в том же доме. А если она живет в том же доме, то, значит, она дочь старика, та самая, которая едет в Митаву, и я ее буду сопровождать!..

— Почему же именно в Митаву?

— Этого я не знаю.

— Странно!

— Еще страннее, что владелец этого дома, Авакумов, тот самый старик, к которому меня возили, помните, тогда в карете...

— К вашему первому пациенту?

— Да. Я как вошел во двор дома, так и узнал сейчас и этот двор, и дверь, куда меня ввели, словом, все...

— Так это Авакумов хотел купить у вас яд

за пять тысяч рублей?

— Он самый.

— Ну, и негодяй же он после всего этого!

— Да уж чего хуже!

— И с таким человеком знается ваш шарлатан Трофимов...

— Я опять видел, как он подъехал и вошел в дом к Авакумову.

— Хороша компания! Один возится с трупами и чародействует над ними, другой хватает людей среди бела дня, держит их в подвале или, что еще хуже, в отвратительной комнате, в которой вы застали вашего первого пациента... Но рассказывайте по порядку!

Доктор Герье не мог, однако, в данную минуту не только рассказывать по порядку, но и рассказывать вообще, потому что принялся водить острой бритвой по подбородку и щекам, и только замычал в ответ Варгину, скосив глаза в зеркало.

Герье боялся разговаривать во время бритья, чтоб не обрезать, и имел духу выдержать приятеля в неизвестности, пока не привел свои щеки в прежний их гладкий и лоснящийся вид...

Наконец, выбрившись и вымывшись, Герье принялся рассказывать Варгину подробно, шаг за шагом обо всем, что произошло и случилось с ним.

Варгин слушал, раскрыв рот и выпуча глаза, не веря ушам своим, и не мог решить — сказку ли слышит он или действительность.

Когда Герье кончил, Варгин задумался и, помолчав, проговорил:

— И это все?

— Да чего ж вам больше, — удивился доктор, — разве этого мало?

— Разумеется, мало.

— Чего ж вы хотите еще?

— Как чего! — воскликнул Варгин. — Вы узнали только то, что интересовало вас лично, то есть о дочери Авакумова.

— Ну?

— Ну, а молодой человек... больной, который гниет в отвратительной комнате, а поступок этого старика с молодым Силиным?..

Герье почувствовал, что приятель прав.

— Этого я не мог узнать, — конфузливо произнес он.

— Но это надо разъяснить во что бы то ни

стало, — возразил Варгин, — потому что тут, очевидно, кроется что-то близкое к преступлению... Я еще не могу ума приложить, что, собственно, делает господин Авакумов со своим приятелем Трофимовым...

— А вы полагаете, они приятели?

— Разве может быть сомнение? Помилуйте, такие частые визиты и посещения... Тут не простое знакомство...

— Вот что, — сообразил доктор, — ведь если я буду в Митаве с дочерью старика, так могу узнать все от нее...

— А она скажет?

— Отчего же? Если она высвободила молодого Силина из подвала — это доказывает, что она вовсе не сочувствует отцу.

— А вы решительно едете в Митаву? — с некоторым упреком в голосе спросил Варгин.

— Но как же не ехать? — мог только возразить Герье.

— И оставляете меня здесь одного разбираться со стариком?

— Я вам буду помогать оттуда — буду писать... а вы мне напишете...

— Из писем ничего не выйдет, — уныло

протянул Варгин, и они замолчали.

Человека, который принимал на кухне переодетого нищего, доктора Герье, а затем обменялся несколькими словами с Трофимовым, звали по имени и отчеству Иваном Ивановичем, а по фамилии — Крохиным.

Он жил в доме Авакумова на положении бедного дворянина, якобы содержимого из жалости.

Его кормили, поили, он пользовался даровым помещением, словом, Авакумов был вполне для него что называлось тогда "благодетель".

Правда, скупой, расчетливый, злой старик, Авакумов не был похож на человека, который лишь ради одного благодеяния будет держать у себя кого-нибудь. Дело было в том, что Крохин являлся не только полезен, но даже необходим Авакумову своими мелкими услугами. Он прекрасно знал языки, отличался обходительностью и умением разговаривать с людьми, а в особенности с начальствующими, и вообще знал и понимал толк в жизни и светском обхождении.

И Авакумов пользовался его трудом и советом без всякого стеснения, хотя никогда не посвящал Крохина в свои дела. Крохин вел его переписку на иностранных языках, ходатайствовал и хлопотал за него в разных учреждениях и давал ему советы, как поступить в отношении того или другого важного лица.

Все это было самое обыкновенное, и во всем этом не было ничего предосудительного, так что Крохин вовсе не являлся близким доверенным Авакумова или его наперсником, но исполнял всякие поручения, какие исполняют заурядный секретарь и управитель.

Заурядному секретарю или управителю, однако, нужно было бы платить жалованье за его труды, Авакумов же, держа Крохина из милости, не платил ему ничего, находя это более выгодным, да еще был, по-видимому, уверен, что он — благодетель Крохина, часто хвастал этим перед другими, а самого Крохина попрекал своим благодеянием.

Крохин не роптал, казался доволен скромным положением, покорно переносил попреки и исполнял свои обязанности.

Авакумов считал его человеком очень

недалеким, простоватым и добродушным до глупости.

"Эх, кабы ему ума немножко, — думал он про Крохина, — большие дела можно было бы с ним делать, а теперь ничего серьезного ему не откроешь..."

Прав ли был Авакумов в этом или нет — видно будет впоследствии.

Трофимов, пройдя в кабинет к Авакумову, оставался там не особенно долго.

Крохин ждал его выхода в столовой.

Трофимов вышел, глянул на ожидавшего его Крохина и кивнул ему на дверь кабинета.

Тот сейчас же направился быстрой, поспешной походкой туда и услышал, как Трофимов на ходу шепнул ему:

— Все сделано. Он сейчас отдаст вам все нужные приказания... — и тут же добавил так громко, что могло быть даже слышно за дверью: — Иван Иванович, вас Евтихий Антонович зовет.

Иван Иванович вошел в кабинет.

Как только Крохин вошел туда, так сейчас же преобразился весь. Лицо его стало необычайно простодушным, он весь как-то опу-

стился, сторбился и пригнулся так, что в нем совсем нельзя было узнать того человека, который только что вполне ясным, блиставшим разумом и понятливостью взглядом переглянулся с Трофимовым.

Авакумов искоса оглядел его с презрительной, кривой усмешкой.

— Дочка, — заговорил он, отвертываясь от Крохина и перебирая бумаги на столе, — как я говорил, едет на днях в Митаву.

— Слушаю-с, — произнес тихо Иван Иванович.

Авакумов метнул глазами в его сторону, сдвинул брови, но сейчас же снова отвернулся, как будто хотел рассердиться и раздумал, потому что не стоило, а выразил только движением головы и глаз: "Посмотрел бы я, как ты меня не послушал бы!"

— Так вот, — продолжал он, — нужно предварительно послать в Митаву кого-нибудь, чтобы он там приготовил квартиру и все, что нужно, и остался бы потом при ней, для немецкого языка. Она там без немецкого языка пропадет, иголки с ниткой не купит. Так нужно найти такого человека.

— Найти можно! — поддакнул Крохин.

— То-то можно! — проворчал Авакумов. — По-настоящему нужно, чтобы он сегодня же вечером отправлялся; дочка может выехать завтра, а надо, чтобы он вперед ехал.

— Он уедет сегодня!

— Да чтоб недорогой был! Я дорого платить не стану!

— Да что ж, — сейчас же согласился Крохин, — можно послать такого, что согласится за стол и квартиру.

— А немецкий язык будет знать?

— Будет.

— Кто ж он таков?

— Кто-нибудь из бедных иностранцев; я их нескольких знаю. Который-нибудь да поедет!

— Ну, мне все равно, кого хочешь пошлай! — согласился Авакумов. — Только чтоб дочке угождал и сумел бы понравиться!

— Понравится! — как-то неопределенно протянул Крохин.

— Ну, отправляйся, — приказал Авакумов, — и чтоб все было сделано сегодня же! А вечером, когда твой иностранец уедет, придешь мне доложить. Деньги, какие понадо-

бятся, возьмешь у дочки; это ее расход.

Крохин поклонился и вышел.

Крохин явился к Герье, когда тот, выбритый, вымытый и переодетый, сидел и разговаривал с Варгиным. Он явился в том своем приниженном виде, в котором разговаривал с Авакумовым.

Герье сейчас же узнал его и невольно удивился, отчего с ним произошла такая перемена, потому что, когда этот человек разговаривал с ним, как с нищим, он был совсем другим.

В первую минуту доктор боялся, что не узнает ли Крохин его, в свою очередь, но с первых же слов Крохина он должен был успокоиться, потому что, по-видимому, тот и не думал узнавать Герье. Он очень почтительно, скромно и даже вкрадчиво сказал доктору, что прислан от господина Авакумова, дочь которого отправляется в Митаву и нуждается в провожатом, владеющем немецким языком. Он слышал (откуда — этого Крохин не пояснил), что господин доктор согласился бы взяться за это дело, и пришел условиться.

— Да, я согласен, — сейчас же сказал Герье,

не замечая, что это было с его стороны слишком поспешно и потому легко могло показаться подозрительным.

Иван Иванович чуть-чуть улыбнулся одними углами губ, но как будто ничего не заметил.

— Если вы согласны, — проговорил он, — то вам надо ехать сегодня же вечером!

— Так скоро? — удивился Герье.

— Да! — подтвердил Крохин.

— Разве дилижанс отходит вечером? — спросил доктор.

— Вы поедете на перекладных. Затем, по приезде в Митаву, вы наймете квартиру, личную, особенно в цене не стесняйтесь; нужны будут хорошая приемная комната, столовая, будуар, спальня, потом помещение для горничной и для остальной прислуги и для вас комната. Вы все это сделаете?

— О, да! Я все это сделаю! — сказал Герье.

— Ну, так вот, уложите, соберитесь в дорогу и сегодня часов в шесть вечера приезжайте на почтовую станцию с вашей поклажей, я там буду и отправлю вас. Лошади вам будут готовы, вы уж поезжайте день и ночь,

без остановки.

— Позвольте! — остановил Крохина Герье. — Как же в шесть часов на станцию? А разве я не увижу перед отъездом дочь господина Авакумова?

— Зачем?

Крохин спросил это так категорически определенно, что Герье несколько смутился.

— Ну, чтоб познакомиться, то есть представиться ей! — стал пояснять он, не зная хорошенько, что сказать, потому что на самом деле ему просто-напросто хотелось увидеть как можно скорее дочь Авакумова, но так прямо признаться в этом, разумеется, он не хотел.

— Вы познакомитесь там, в Митаве! — сказал Крохин.

— Но в таком случае, — сообразил вдруг Герье, — каким же образом я узнаю ее?

— Вы ее узнаете, не беспокойтесь! — серьезно и внушительно произнес Крохин.

В эту минуту Герье показалось, что этот человек знает все, но Крохин сейчас же добавил:

— Ровно через семь дней выезжайте с утра на заставу в Митаве и дожидайтесь желтой

дорожной кареты с гербом князей Тригоровых, который разглядите хорошенько на доме господина Авакумова. Впрочем, и это не важно: просто через неделю будьте на митавской заставе; там уж вас найдут и спросят.

Все это Крохин объяснил так просто, что Герье сейчас же опять решил, что Крохин ничего не знает.

— Ну, хорошо, — начал он, — но что же я должен буду делать потом в Митаве?

— Как что? — даже удивился Крохин. — Дочь господина Авакумова не знает немецкого языка, и ваша обязанность быть при ней переводчиком, вообще охранять ее в чужом городе.

— И больше ничего?

— Больше ничего. Что же вам еще нужно? Относительно платы...

— Я о плате не говорю! — поспешил перебить Герье. — Я согласен заранее на все материальные условия; но дело в том, что ведь я совсем неизвестен и могу ли я рассчитывать, что буду пользоваться доверием?

— Будете! Вполне!

— Но ведь вы меня совсем не знаете?

— О вас даны отличные рекомендации и представлено полное ручательство.

— Кем?

— Степаном Гавриловичем Трофимовым.

Герье при этом имени слегка передернуло, и он хотел было заявить, что совсем не знает Трофимова, так же, как и тот его, что познакомились они только на днях и что сам он, Герье, вовсе не хочет быть рекомендованным господином Трофимовым...

Но он вовремя одумался и решил, что говорить это не нужно, а лучше действовать безупречно и тем доказать свою порядочность и убедить, что он, Герье, ничего общего не имеет с Трофимовым, которого уже за его близость к Авакумову не считал человеком порядочным.

Поэтому Герье не отнекивался и согласился на все предложенные ему условия.

Когда все было договорено и Крохин ушел, сказав, что в шесть часов будет ждать Герье на почтовой станции, Варгин, присутствовавший при разговоре и все время сидевший молча, в сторонке, обернулся к доктору и сказал:

— А знаете ли что?

— Что? — переспросил Герье.

— А вдруг как это опять какая-нибудь ловушка со стороны Авакумова?

Герье сначала задумался, но потом решительно проговорил:

— Что бы ни было, я все-таки поеду в Митаву!

Иван Иванович Силин немедленно после загадочного происшествия с его сыном собрался уезжать из Петербурга, так как он увидел в этом происшествии только одно, что Петербург — опасный для провинциалов город и что нужно убираться отсюда подобру-поздорову как можно скорее.

Вообще и раньше столица не очень-то нравилась Силину своею дороговизною, многолюдством, суетою и главным образом тем, что он, привыкший быть в своей деревне первым лицом, перед которым все ломали там шапки и гнули спины, был здесь совсем затерян, должен был конфузиться и все время следить за собою, так ли он держит себя и не смешон ли он.

И вдруг при всем этом его единственного сына, его Александра, хватают тут, словно разночинца, сажают в погреб, и он ничего не может сделать, и сын его освобождается лишь благодаря помощи какой-то девицы, то есть совершенно случайно.

Это Силин уже не мог снести и решил

немедленно покинуть Петербург.

Дальнейшее его не интересовало. Он возненавидел Авакумова, когда при помощи Варгина выяснилось, что это в его доме заперли Александра, клял его, но о возмездии этому человеку не помышлял, потому что был уверен, что ничего нельзя будет сделать, как нельзя было ничем помочь, когда пропал сын.

Силин бранил только на чем свет стоит столичную жизнь и желал "вырвать сына из этого омута", как говорил он.

В те времена, однако, такому тамбовскому помещику, каким был Силин, нелегко было собраться в дорогу. Явился он в Петербург целым домом, с запасами провизии, соленьями, вареньями и наливками, с дворовою челядью, и, чтобы уехать, требовалось поднять весь дом. Поступить так, как поступил одинокий доктор Герье, то есть уложить вещи в дорожный «вализ», сесть на перекладных и ускакать, Силин не имел никакой возможности. Сначала ему нужно было переговорить с сыном, потом объявить об отъезде челяди (с ним было семь человек дворовых) и прика-

зять ей, чтоб готовились к отъезду.

Приказ был дан самый строгий, чтоб приготовления начались немедленно. Прислуга засуетилась, заохала и заахала и первые два дня ничего не делала, проводя время в бестолковой суете и ненужных разговорах.

Дело в том, что старик Силин не встретил среди домашних никакого сочувствия к своему намерению уехать из Петербурга.

Даже сын его не выказал никакой особенной радости, когда узнал, что они покидают столицу.

Александр, правда, послушно согласился с отцом, сказав: "Как вам, батюшка, будет угодно!", но вместе с тем нашел какие-то доводы и резоны, в силу которых никак нельзя было собраться так скоро, как хотел этого старик Силин.

Челядь вдруг как-то поглупела, сделалась бестолковой, ничего не понимала и за всяким пустяком приходила к барину, с утра до ночи изводя его вопросами.

Силин сердился, горячился, отдавал приказания, но сборы подвигались все-таки медленно; в доме стоял беспорядок, вещи свали-

вались без разбора и переносились из комнаты в комнату, а настоящая укладка и не началась.

К тому же подошла масленая, и все как-то решили, что до масленой не уехать, на масленой же двинуться невозможно, а уж ехать после нее.

Никакие крики и угрозы Силина не действовали.

— Да как же, барин, на масленой ехать, — убежденно и успокоительно возражали ему, словно он с ума сошел или впал в детство, — не такие дни, чтобы ехать. Лошади не повезут... да и не поспеть... Вот пройдет масленая, тогда и двинемся...

Говорилось с таким твердым сознанием, что иначе поступить нельзя, что Силин ничего не мог поделать.

Не было ничего необыкновенного, что челядь, которой пришлось по вкусу столичная жизнь, более свободная и разнообразная, чем в деревне, не желала скоро расстаться с этой жизнью.

Но поведение Александра было несколько странно и непонятно. Ему так же, как и отцу,

Петербург сам по себе не особенно нравился, между тем он, видимо, не желал уехать из него и ничего не хотел делать, чтоб помочь отцу в его хлопотах о скорейшем отъезде.

Если б старик Силин был немножко проныцательнее или если б он мог узнать тайные думы сына, он понял бы, в чем дело...

Александр ходил задумчивый, сосредоточенный и угрюмый, часто останавливался у окна своей комнаты и подолгу смотрел на улицу упорным, мечтательным взглядом. По ночам он спал очень плохо, есть стал меньше, стал рассеянным, отвечал невпопад...

Отец в хлопотах не обращал на него особенного внимания, разве изредка на ходу спрашивал, что с ним.

Александр отвечал: "Ничего!" — но продолжал вести себя по-прежнему.

На самом деле с ним случилось то, что случается обыкновенно с молодыми людьми его лет, когда они увидят, да еще при таких романтических, исключительных обстоятельствах, как это было с Александром, хорошенькое личико молодой девушки. Это личико стояло теперь неотступно перед глазами

Александра, и он мучился вопросами: кто она? почему именно она спасла его?

Таинственность и необычайность обстановки, в которой они встретились, действовали еще сильнее на воображение и увеличивали прелесть робких, восторженных, почти юношеских мечтаний.

XXXIII

Балаганы на масленой неделе в царствование Павла Петровича устраивались на площади у Зимнего дворца и имели вид более подходящий к обыкновенной деревенской ярмарке, где главным образом продаются сласти, игрушки и разные вещицы нехитрой, примитивной роскоши.

Среди увеселений на первом плане стояли катание с гор, качели и карусель.

Самые балаганы, где давались представления, далеко не были так обширны, многочисленны и разнообразны, как это было впоследствии, в пятидесятых и шестидесятых годах девятнадцатого столетия, когда в масленичном катании на балаганах участвовала вся знать, щеголяя своими выездами.

Во времена Павла Петровича вокруг балаганов катались преимущественно купцы в санках, на кругленьких, дородных лошадаках, в прочной, широкоременной русской купеческой закладке. Кареты вельмож, громоздкие, с зеркальными окнами, запрягаемые обыкновенно цугом, не попадались тут.

Разве изредка можно было встретить экипаж, в котором приехала поглазеть на толпу семья какого-нибудь чиновника или же проживающего в Петербурге помещика.

В маленьких балаганах, тогда еще не получивших громкого названия «театр», представляли по преимуществу жонглеры, фокусники и акробаты.

Большинство этих акробатов были доморощенные, из подмастерьев разных цехов, преимущественно портных, отправлявшихся на балаганы для гастролей за довольно умеренную плату натурой, то есть водкой.

Штучки, показываемые ими, были незамысловаты и не шли дальше поедания при общем удовольствии публики жженой пакли или стояния на голове, на стакане, поставленном на перевернутом тазу.

Такое нехитрое представление сопровождалось весьма несложною роговою музыкой, набранной из музыкантов дворовых людей.

Молодой Силин с Варгиным подъехали к балаганам на извозчике, которого полиция в круг катания не допустила, потому что там было тесно и от собственных закладок.

Им пришлось выйти и вмешаться в толпу. Молодой Силин разинул рот и, как-то сразу рассеявшись от своей сосредоточенности и грусти, стал оглядываться по сторонам, пораженный многолюдством собравшегося здесь скопища.

Живя с детства в деревне, он еще никогда в жизни не видал такой толпы.

Кругом стоял шумный, веселый говор, кое-где переходивший в выкрик пьяной, разухабистой песни; слышались окрики кучеров и полиции, и со всех сторон неслись голоса старавшихся перекричать друг друга торговцев.

В первую минуту это так оглушило Силина, и зазыванья торговцев показались ему так настойчивы, что он вообразил, что всякий пришедший сюда непременно должен покупать что-нибудь, и приготовился сейчас же послушно сделать это, достав деньги, но Варгин остановил его и ругнул пристававшего к ним продавца, на что тот ничуть не обиделся и с прежней ретивостью стал обращаться к другим.

Силин, уже давно почувствовавший к Варгину симпатию, теперь, после выказанной им

смелости с продавцом, проникся особенным к нему уважением и в душе не мог не сознаться, что отец действительно хорошо сделал, настояв, чтобы Варгин шел с ним.

Общие непринужденность и веселье были завлекательны, и часто попадались сцены, которые не всегда можно встретить провинциалу даже в Петербурге.

Особенно показалось Силину смешным и понравилось, как какой-то мальчишка, должно быть, дворовый из балованной челяди богатого барского дома, фореитор или поваренок, отпущенный на балаганы для развлечения, купил себе мороженого и дул на него, чтобы его согреть, часто перекладывая блюдце из одной озябшей руки в другую. Было довольно холодно. Мальчишка переминался с ноги на ногу, но все-таки ел мороженое, хотя это угощение на улице было вовсе не по сезону.

Варгин с Силиным зашли было в один из балаганов, но остались недовольны.

Возмущался тем, что они видели, главным образом Силин, находя это надувательством публики; Варгин же больше смеялся.

Надпись на огромном полотне у балагана гласила, что здесь знаменитый во всем мире Голиаф-Путифар-Фенимор покажет удивительную свою силу и в заключение съест в присутствии почтеннейшей публики живого человека.

Такая заманчивая надпись очень заинтересовала Силина, и он просил Варгина войти с ним.

Голиаф-Путифар-Фенимор оказался, действительно, ражим мужчиной, в красной рубашке, плисовых шароварах и наборных сапогах.

В доказательство своей силы он то одной, то двумя руками подымал довольно объемистые мешки, хотя неизвестно было, чем эти мешки были наполнены.

Потом на подмостки, где упражнялся Голиаф, вышел какой-то человек в шерстяном трико и стал биться с силачом на кулачки.

Публика, сейчас же окрестившая человека в трико «немцем», приняла сторону Голиафа в красной рубашке и, когда тот остался — довольно, впрочем, быстро — победителем, в полном удовольствии загоготала и захолопала

В ладоши.

Наступил момент самого интересного, то есть того, как при публике Голиаф съест живого человека.

Дело оказалось довольно просто. Ражий де-тина обратился к публике и спросил, кто хочет быть съеденным, пусть выходит.

Очевидно, расчет был на то, что никто не рискнет на такой эксперимент.

Публика, действительно, сразу ошалела и притихла; потом кто-то фыркнул и раздались смешки.

— А ведь ловко, ребята! — слышалось сзади. — Ну-ка, выходи, кому жизнь надоела!

Но никто не двигался.

И вдруг из толпы раздался чей-то пискливый, охрипший голос:

— Я пойду!

И вперед протискался маленький, тщедушный человечек, с чисто русским курносым лицом, но в немецком обтрепанном платье мастерового.

XXXIV

Тщедушный мастеровой вышел, влез на подмости и стал перед Голиафом.

Вид у него был отчаянный, жалкий, но никакого сочувствия к себе он не вызвал в публике, видимо, весело настроенной, потому что она желала веселиться за свои деньги.

— Эх, брат, паря! — слышалось замечание. — И есть в тебе нечего! Кожа да кости! Ты бы его, красная рубаха, подкормил, что ли!

Раздался взрыв смеха.

— Неужели он в самом деле его съест? — с некоторым ужасом спросил у Варгина Силин.

— А вот посмотрим! — ответил тот, следя не без любопытства за происходившей сценой.

Детина в красной рубахе как будто не ожидал появления перед собой человека, который желал быть съеденным. Он, видимо, замялся и не знал, что ему делать. Замешательство его сейчас же почувствовалось публикой, и она заревела:

— Что ж ты? Ешь, коли взялся! Надувать себя не позволим!.. Ешь... а не то деньги за-

плаченные назад подавай!

На лице Голиафа выразилось смятение, и он оглянулся в сторону, как бы ища там поддержки, потом вдруг ослабился и решительно проговорил:

— Ну, заворачивай рукав! С руки начну!

Мастеровой оробел, но рукав завернул.

Голиаф схватил его за руку, разинул рот и зычно произнес:

— Смотри! Есть, что ли?

Публика замерла.

— Ешь! — слабым голосом произнес мастеровой.

Силин хотел крикнуть, что не надо, но в это время Голиаф поднес руку мастерового и стиснул ее зубами.

Мастеровой, разумеется, завопил и заорал, что уже раздумал, чтобы его ели, и что уж больше ему этого не хочется.

Голиаф с радостью отпустил мастерового на волю.

Тем представление и кончилось.

Большинство осталось недовольным; говорили, что мастеровой вовсе не мастеровой, а певчий, выгнанный из хора за то, что спился

и потерял голос, и что он вовсе не из публики, а нарочно нанят, чтобы выходить и надувать публику.

Особенно ретивые хотели даже бить, причем не ражего детину в красной рубахе, а именно певчего, но тот вовремя успел ускользнуть и исчезнуть.

У выхода балагана, на площади, ждала толпа народа, желавшего, прежде чем идти в балаган, навести справки о том, что там показывали, у лиц, побывавших уже там.

— Ну, что? Занятно? Стоит идти? — спрашивали ожидавшие у выходивших.

А выходившие, попавшиеся уже на удочку и раздосадованные, что были одурачены, в свою очередь, хотели одурачить других и потому отвечали:

— Еще бы не занятно! Живого человека ест!

— Да неужели так-таки и ест!

— Ест! Пойди посмотри!

И новая публика валила в балаган.

Добродушный Силин возмущался и говорил, что это — надувательство и что Петербург — прескверный город.

В этом Варгин соглашался с ним, но добавлял лишь, что все-таки в этом скверном городе живетя довольно весело.

— Да какое же тут веселье? — начал было возражать Силин, но вдруг остановился, толкнул под руку Варгина и кивком показал ему вперед.

— Посмотрите! Вы видите?

— Где? Что? — начал спрашивать Варгин.

Но Силин схватил его за руку и тащил вперед, расталкивая перед собой толпу с такой силой, что, казалось, мог бы померяться ею с Голиафом, которого они только что видели.

Силин показывал Варгину на санки, ехавшие шагом в веренице других экипажей, гуськом вертевшихся вокруг колыхавшейся у балагана толпы.

Эти санки были старинные, по крайней мере времен Елизаветы Петровны, если не Петра Великого, голландские, на очень высоких полозьях, с подножкой, кузовом в виде лебединого тела, с поднятым распущенным хвостом, служившим спинкой, без козел, с высокой лебединой шеей спереди, заканчивавшейся резною головою птицы.

Санки были запряжены двумя белыми лошадьми, парой, и на одной из них сидел верхом кучер.

Но не занятные санки привлекли внимание Силина, а те или, вернее, та, которая была в них.

— Ведь это она! Она! — повторял он, таща Варгина и протискиваясь вперед.

Варгин и сам узнал девушку, сидевшую в санках.

Это была та самая девушка, которая освободила Силина из его заключения и которую Варгин видел в припадке у Августы Карловны.

— Да не может быть! — проговорил художник. — Ведь это же дочь Авакумова!

— Ну, так что же? — вне себя почти вопил Силин. — Чья бы она ни была дочь, но это она.

У Варгина, как у художника, был слишком хорошо наметанный глаз, чтобы он мог ошибиться и не узнать сразу красивое лицо, виденное им сравнительно недавно. Он должен был согласиться с Силиным, что это была действительно она.

Девушка сидела в санках в красной бархатной шубке и из красного же шелкового капора выглядывало ее красивое, бледное личико.

Варгин узнал и сидевшего рядом с девушкой Степана Гавриловича Трофимова.

Чистенький, истовый, очень почтенный на вид, он был с нею и добродушно, весело оглядывался по сторонам, совсем по-хорошему, как будто был вполне безупречный, достойный полного уважения человек.

— Да и Трофимов с нею! — проговорил Варгин.

— Кто с нею? Кто? — спрашивал Силин.

Хотя санки двигались медленно, но все-таки быстрее их, потому что толпа несколько раз отбрасывала их в сторону. К тому же им приходилось огибать балаганы, чтобы не терять санок из виду.

Благодаря этому расстояние между ними и санками не сокращалось, а увеличивалось, хотя они употребляли все усилия к тому, чтобы сократить его.

Наконец, санки завернули по линии движения экипажей за большую и нелепую постройку ледяных гор и скрылись за нею.

— Не сюда, не сюда! — остановил Силина

Варгин. — Надо обогнуть горы с другого конца, тогда мы попадем навстречу!

Силин, не протестуя, сейчас же повернул в другую сторону, и они, попав по течению толпы, против которого безуспешно пытались до сих пор идти, скоро и благополучно обогнули горы, подошли к самой линии экипажей, но уже не нашли среди них привлекавших их внимание санок.

— Где же? — почти с отчаянием произнес Силин и вслед за тем подхватил: — Вон! Смотрите! Они заворачивают!

Варгин теперь и сам увидел, что санки выезжали из вереницы и направлялись к Невскому.

Высокая лебединая шея служила отличным показателем, так что можно было легко следить по ней за направлением санок.

Силин выпустил руку Варгина и кинулся между экипажами, рискуя попасть под лошадей.

Варгин едва поспел за ним. Проскочив благополучно мимо экипажей, они бегом добежали до стоявших за экипажами извозчиков, вскочили на одного из них, и Силин велел

гнать что есть духу, обещая на водку.

— Пошел! Вон туда, направо... налево... — горячился он.

— Пошел на Невский! — приказал Варгин, сам не зная хорошенько, зачем, в сущности, они это делают.

Но Силин пришел в такое волнение, что говорить с ним теперь казалось немислимым.

Извозчик попался им добропорядочный, он зачмокал, застегал кнутом, и лошадка его заскакала галопом.

Завернув на Невский, они сейчас же увидели лебединую шею санок, которые ехали неспешной, степенной рысцой.

Догнать их не представляло никаких затруднений, и после нескольких взмахов кнута извозчика Варгин с Силиным затрусили почти в упор за санками.

Варгин постарался поднять воротник у плаща так, чтобы нельзя было разглядеть его лицо.

В этом выслеживании, которое они производили, он в глубине души видел что-то нехорошее, чувствовал, что ему будет стыдно, ес-

ли Трофимов обернется и посмотрит назад.

Но Трофимов не оборачивался, по-видимому, не подозревая, что за санками, в которых он сидел, ехали двое соглядатаев.

— А обогнать нам их нельзя? — спросил Силин.

Варгин удивленно обернулся к нему:

— Зачем?

— Чтоб посмотреть еще раз на нее!

Варгин тряхнул головой, внимательно приглядываясь к Силину, и свистнул совершенно так же, как свистнул он доктору Герье, когда разговаривал с ним про ту же самую девушку. Сидевший рядом Силин вдруг весь вспыхнул, потупился и чуть слышно спросил:

— Что это вы?

— Да то, что и вы, значит, того!

— То есть как "того"?

— Влюблены?

— Ну да! Влюблен! — вдруг вырвалось у Силина. — Разве нельзя влюбиться?

— Как не влюбиться? — перебил Варгин. — Ведь это выражение не в том смысле! Надо сказать: "Разве можно не влюбиться?.."

— Ах, не до выражений мне! — воскликнул

Силин. — Ведь вот вы говорите, что я тоже влюблен! Значит, и вы?

— Нет, меня Бог миловал! — рассмеялся Варгин. — А вот мой приятель, доктор Герье, тоже с первого раза, как увидел, влюбился в нее.

— Милый он, значит, хороший этот ваш приятель! — восторженно произнес Силин.

— Позвольте! — вдруг вспомнив, остановил его Варгин. — Ведь она же вчера уехала?

— Кто?

— Да она! Вот эта самая дочь господина Авакумова. Я сам видел, как она вчера уехала!

— Куда?

— В Митаву. Туда и приятель мой отправился. Как же она здесь теперь?

Но Силин не слушал его, высовывался вперед и заглядывал, надеясь, что девушка обернется и он снова увидит ее хорошенькое личико.

Вчера, действительно, Варгин видел своими собственными глазами, как уехала дочь Авакумова.

После того как его приятель Герье выказал непреодолимую решимость ехать в Митаву, Варгин твердо решил не оставлять приятеля в опасности в случае, если эта поездка представляла, как предполагал он, ловушку со стороны Авакумова.

Он провожал Герье на почтовую станцию, виделся там с господином Крохиным, с которым познакомился утром, и настойчиво просил его подтвердить, действительно ли дочь Авакумова едет завтра в Митаву.

Хотя Крохин подтвердил это еще раз на словах, Варгин не удовлетворился голословным его подтверждением и на другой день отправился к дому Авакумова, чтобы убедиться на деле.

Как раз, когда Варгин подходил к дому, из ворот выезжала дорожная карета с увязанными на ней сундуками и чемоданами.

Карета повернула из ворот и поехала не

навстречу художнику, а в противоположную сторону, так что он не мог видеть, кто сидел в ней.

Но Варгин спросил у людей, очевидно дворовых, толпившихся у ворот: кто это уехал в дорожной карете?

Ему ответили, что дочь хозяина этого дома, господина Авакумова.

— А куда уехала она?

— В Митаву...

Варгин успокоился.

И вдруг теперь он встречает молодую девушку на катанье на балаганах вместо того, чтобы быть на дороге в Митаву, она преспокойно сидит в фантастических, старинных, в виде лебедя санках рядом с Трофимовым и разъезжает по улицам Петербурга!

Извозчик ехал за санками не отставая.

— Ничего не могу понять, но только дело становится опять серьезным! — забеспокоился Варгин.

Сидевший рядом с ним молодой Силин обратил, наконец, внимание на его слова.

— Вы говорите, что она должна была уехать? — проговорил он.

— Не должна была, а уехала, я сам видел вчера. Нужно выручить приятеля во что бы то ни стало. Теперь очевидно — он попал в ловушку; так же как попали вы... Это оставить так нельзя!

Варгин горячился, сам, однако, не зная, что ему делать и как помочь доктору.

— С ним, верно, в дороге сотворили что-нибудь! Наверное, так... — рассуждал он. — Ну, да мы еще посмотрим!

— Что же вы намерены делать? — любопытствовал Силин.

— Не знаю. Во всяком случае, посмотрим.

В это время санки остановились у дверей двухэтажного дома. Трофимов с девушкой вышли из саней при помощи выбежавшего им навстречу человека и скрылись в дверях, которые захлопнулись за ними.

Варгину нетрудно было догадаться, что это — дом Трофимова, адрес которого он знал, потому что был в нем.

— Теперь я знаю, что делать! — решил он. — Я пойду в этот дом, переговорю с этим господином...

— А вы знакомы с ним? — как-то даже ра-

достно спросил Силин.

— Знаком...

— Вы знакомы с господином, который с нею, и это его дом?

— Погодите. Мне не до вас и не до нее теперь! Я вам говорю, что нужно выручать приятеля... Я войду к Трофимову и во что бы то ни стало добьюсь от него объяснения случившемуся с доктором Герье... А вы на этом извозчике поезжайте домой и ждите меня там. Я приеду к вам прямо отсюда...

Варгин выскочил из саней и, уже не слушая Силина, направился к дверям дома.

"А вдруг не примет! — подумал он, входя, и тут же мысленно добавил: — Ну, в таком случае, я ворвусь к нему насильно..."

На лестнице его встретил лакей, тот самый, который только что высадил Трофимова с его спутницей из саней.

— Господин Трофимов дома?

Лакей довольно гордо смерил Варгина с головы до ног и, помотав головою, ответил:

— Нет!

— Как нет? — вспыхнул Варгин. — Когда я сейчас видел своими глазами, как он подье-

хал и вошел.

Лакей не смутился:

— Может быть. Только не велено никого принимать...

— Пойди доложи, — почти во весь голос воскликнул Варгин, — что художник Варгин желает немедленно видеть господина Трофимова и не уйдет отсюда до тех пор, пока не увидит его. Ступай!

Лакей повиновался.

Он пошел, вернулся через некоторое время и сказал:

— Пожалуйста. Просят.

"То-то же!" — мелькнуло у Варгина.

Художника провели в знакомую ему уже гостиную Трофимова.

Степан Гаврилович встретил его с приветливой улыбкой и, сделав навстречу ему несколько шагов, протянул руку.

— Я к вам по очень серьезному делу, — заговорил Варгин, как бы не замечая протянутой ему руки.

— Что такое? — просто и по-прежнему приветливо спросил Трофимов.

— Дело в том, что по вашей рекоменда-

ции отправился третьего дня в Митаву мой приятель, доктор Герье.

Степан Гаврилович кивнул головой.

— Я знаю это.

— Он поехал, чтобы приготовить все в Митаве для дочери господина Авакумова и потом остаться с нею.

— И это мне известно.

— Сама же дочь господина Авакумова должна была уехать вчера. И я сам видел карету, в которой она якобы уехала.

— Вы не ошиблись, дочь господина Авакумова действительно уехала вчера в Митаву.

— Вы лжете! — воскликнул Варгин. — Она не уехала, потому что я и молодой Силин сейчас видели ее вместе с вами в санках на катанье вокруг балаганов и видели, как она подъехала с вами сюда и вошла в ваш дом...

— Кто это — Силин? — спросил Степан Гаврилович.

— Тот молодой человек, которого Авакумов завлек к себе и запер в подвал.

Трофимов улыбнулся.

— А!

— Но о нем речь еще впереди, — продол-

жал Варгин, — я пришел, чтоб спросить у вас, что сделали вы и господин Авакумов с моим приятелем... Где он теперь?

— Вероятно, на дороге в Митаву, а может быть, если доктор Герье исполнил данное ему приказание, то есть ехал день и ночь, то уже и в самой Митаве...

— Это неправда! Дочь Авакумова здесь, и доктор Герье не может встретить ее в Митаве... Все это не более как ловушка и выдумка...

Трофимов сделал еще шаг вперед.

— Я никогда не лгу и не говорю неправды, — внушительно произнес он. — Дочь господина Авакумова вчера уехала в Митаву.

— Но как же мы видели ее?.. — начал было Варгин и не договорил.

Степан Гаврилович протянул к нему обе руки и вдруг вспыхнувшим взглядом глянул прямо в глаза художнику.

У Варгина словно туманом заволокло все, голова закружилась, руки и ноги ослабели, он невольно отступил, опустился на софу и, склонившись, упал на ее подушки...

— Спи! — властным голосом приказал Тро-

Фимов.

И Варгин послушно заснул тихим и спокойным сном.

Ни в этот день, как обещал художник, расставаясь с молодым Силиным, ни в последующий он не приехал к Силину, и тот напрасно прождал его, сидя у себя дома.

Доктор Герье благополучно добрался до Митавы.

Ехал он день и ночь на перекладных почтовых лошадях и с непривычки к такому способу передвижения чувствовал себя лишь очень усталым и измученным, но вполне в добром здравьи. На его счастье, санный путь стоял все время, и это значительно облегчило переезд.

В Митаве Герье остановился на заезжем дворе, хорошо выспался и на другой день после приезда был вполне бодр и свеж.

Настроение его было самое радужное, и, благодаря этому радужному настроению, все казалось хорошо.

Правда, Герье посчастливилось во всех делах.

Квартиру нашел он сразу, в первый же день, и она оказалась именно такою, какую нужно было, вполне омеблированную и благоустроенною.

Для него самого нашлась отдельная комната, было помещение и для прислуги, так что

лучшего и желать не приходилось.

Герье сейчас же переехал с заезжего двора на квартиру, нанял немку в услужение и при ее помощи вычислил, вымыл и вытер все в комнатах так, что все блестело и лоснилось, как зеркало.

В назначенный день, то есть ровно через неделю после своего выезда из Петербурга, Герье был на заставе, чтобы встретить ту, которую ждал.

Доктор ждал дня ее приезда, разумеется, с нетерпением, считал часы и минуты и хотел, чтобы эти часы и минуты ожидания прошли как можно скорее.

Но они тянулись несказанно долго, и время казалось вечностью.

Наконец, наступил желанный день.

Доктор Герье с самого утра явился на заставу и расположился у самого шлагбаума, против гауптвахты, в маленьком дорожном трактирчике, нарочно устроенном здесь для лиц, которые приезжали встречать дорожных.

На гауптвахте Герье назвал себя и просил, чтобы ему дали знать в случае, если подъедет карета из Петербурга и его спросят.

Сделал он это из предосторожности, хотя не сомневался, что и сам узнает карету с гербом князей Тригоровых и, главное, ту, которая будет сидеть в этой карете.

В трактирчике Герье сел у окна, так что ему была видна дорога.

Доктор спросил себе кружку пива, чтобы не сидеть перед пустым столиком, но не прикоснулся к ней и, повернувшись к окну, не спускал глаз с дороги.

Сердце у него билось, и веселое, радостное чувство охватило его.

Ожидание было томительно, но вместе с тем необычайно радостно. Вот-вот сейчас покажется карета, и он увидит ее с тем, чтобы отвезти на приготовленную квартиру, остаться возле нее и не расставаться с ней.

По дороге тянулись обозы, шлагбаум у заставы поднимался и опускался, пропуская их, проехали несколько берлин, большие сани, но кареты не было видно.

Доктор Герье, однако, не беспокоился, почему-то внутренне угадывая и твердо зная, что наступит минута, когда он увидит ожидаемую им карету.

И эта минута наступила. На дороге показалась четверка в ряд бежавших рысью лошадей, а за ними качался кузов огромной, тяжелой кареты.

Шлагбаум поднялся, карета нырнула под него, и кучер сразу осадил всех четырех лошадей у гауптвахты.

Не было сомнения, что это — она. Герье издали узнал большой герб на дверцах.

Он как сумасшедший соскочил со своего места, выбежал из трактирчика, на ходу надевая плащ, и кинулся к дверцам кареты.

Навстречу ему бежал вестовой, говоря, что его спрашивают.

Доктор Герье подошел к окну кареты, заглянул в него и увидел... но не ту, которую ждал, а ту, о которой и не думал в настоящую минуту и никак уж не мог ожидать, что встретит именно ее.

В карете сидела госпожа Драйпегова и томно улыбалась ему из-под нежно-розового, обшитого кружевами капора, могшего быть к лицу разве только очень молоденькой девушке и потому еще более старившего госпожу Драйпегову.

— Доктор, вы тут? Вы меня ждете? — с придыханиями искусственного волнения заговорила она и выставила из кареты руку с очевидным расчетом, что молодой доктор припадет к ней губами.

Но Герье, пораженный, уничтоженный, стоял с разинутым ртом и глядел, как будто не был в состоянии сразу уразуметь то, что случилось.

Ему было и больно, что ожидания, доставившие ему столько радостных минут, не оправдались, и смешно, что они не оправдались, благодаря тому несуразному случаю, что молодую девушку заменила госпожа Драйпегова.

"Ах! Чтоб тебя..." — мысленно повторял он, недоумевая, откуда она взялась и чем объяснить ее появление.

— Вы поражены? Вы ошеломлены? — стала спрашивать Драйпегова, пряча руку, которой не заметил доктор.

— А где же дочь господина Авакумова? — вырвалось у него наконец.

— Что за вопрос? — удивилась Драйпегова. — Я — дочь господина Авакумова... Разве

вы не знали этого? Моя фамилия по покойному мужу Драйпегова, а рожденная я — Авакумова.

— И вы — единственная его дочь?..

— Единственная! — вздохнула Драйпегова, как будто в этом обстоятельстве было что-то мечтательно-грустное. — Квартиру вы приготовили? — проговорила она тоном хозяйки, которой доктор обязан был повиноваться.

— Приготовил! — отвечал Герье.

— Ну, тогда везите меня скорее домой, мне надоело сидеть в этой карете, — сказала Драйпегова и пригласила доктора к себе в экипаж, сказав, что довезет его.

Как ни был поражен и озадачен доктор Герье тем, что дочерью Авакумова, для которой он с такой тщательной заботливостью и любовью готовил квартиру, оказалась госпожа Драйпегова, у него хватило настолько сообразительности и он настолько овладел собою, что не стал допытывать, кто же была молодая девушка, которую они с Варгиным сочли, очевидно, по недоразумению, за дочь Авакумова.

Сидя в карете рядом с Драйпеговой, он испытывал ощущение, которое, вероятно, должен чувствовать человек, упавший вдруг с неба на землю.

Герье не мог еще опомниться и не мог еще сообразить, что ему делать и как поступить; одно только было ясно, что с Драйпеговой в Митаве он не останется и завтра же уедет обратно в Петербург.

Ему нужно было только узнать, кто такая эта молодая девушка и почему она жила в доме у Авакумова, когда его дочь занимала отдельный домик на Шестилавочной улице.

Драйпегова осталась очень довольна квартирой и ее устройством и заявила, что прежде всего с дороги она хочет вымыться и взять ванну, что это — ее обыкновенная привычка.

Доктор Герье был очень рад возможности остаться наедине сам с собою, чтобы взять себя в руки, подтянуться и действовать обдуманно.

Пока же он чувствовал себя не человеком, а словно какую-то тенью, у которой даже самое движение непроизвольно.

Придя к себе в комнату, Герье остановился посредине ее и громко расхохотался, тут только поняв во всех подробностях нелепость случившегося и комизм своего положения.

В самом деле, что-нибудь глупее и нарочно придумать было трудно.

Он, влюбленный, как засвидетельствовал это Варгин и как сознавал это и сам доктор Герье, ждал и мечтал встретить поразившую его своей красотой молодую девушку, и вдруг на него выглянуло из кареты "рыло госпожи Драйпеговой".

Другими словами Герье не мог охарактери-

зовать в данную минуту внешность настоящей дочки Авакумова, которая должна была в действительности войти госпожой в приготовленную им квартиру.

Все это было поистине комично, и доктор Герье расхохотался, но круто оборвал свой смех и, вздрогнув, оглянулся.

Ему отчетливо показалось, что за его смехом, как эхо, раздался еще чей-то смех.

Герье оглянулся, но в комнате никого не было.

Очевидно, ему показалось только, что засмеялся еще кто-то, кроме него.

Да и смешного, в сущности, ничего не было; напротив, случившееся было весьма печально и лишь доказывало, что доктору Герье нет счастья в жизни и теперь, как не было его и до сих пор.

Ведь вот оно, казалось, было близко, возможно, осуществимо и рассеялось, исчезло, как вода в легенде о Тantalе убегает от его иссушенных жаждою губ.

Драйпегова и прежде была несимпатична доктору, но теперь стала особенно неприятна и даже ненавистна ему.

Сразу он не мог найти предлога, который позволил бы ему завтра же оставить Митаву и расстаться с этой женщиной.

Но Герье захотелось во что бы то ни стало поскорее уехать, и он решил, что, если предлога не найдется, он уедет и без него.

Приняв такое твердое решение, Герье несколько успокоился и стал более спокойно ждать, когда Драйпегова позовет его к себе.

Она мылась, одевалась и прихорашивалась очень долго, и Герье долго пришлось ждать.

Наконец, явилась горничная и позвала Герье, сказав, что барыня ждет его обедать.

Драйпегова была в шелковом капоте, со взбитыми кверху волосами, с голубой лентой на них, с прической Марии-Антуанетты, сильно накрашенная и с густо, широко подведенными глазами.

— Ну, доктор! — встретила его Драйпегова. — Садитесь, будем есть и вместе с тем разговаривать о деле. Вы не знаете, вероятно, что я приехала сюда ради дела и что ваша будущность вполне обеспечена, если вы окажете мне необходимую помощь.

Герье хотел было сразу сказать ей, что никакой помощи оказывать ей не будет, потому что завтра же собирается уезжать, но любопытство заставило его воздержаться от этого заявления.

Ему захотелось узнать, по какому это делу Драйпегова приехала в Митаву.

К тому же, и это самое дело могло явиться для Герье хорошей причиной, чтобы расстаться с госпожой Драйпеговой.

— По какому же делу вы приехали сюда? — проговорил он, желая сразу поставить вопрос ребром.

— Не торопитесь, мой милый доктор! — остановила его Драйпегова. — Все узнаете в свое время! А пока чокнемтесь с вами и выпьем за ваше здоровье!

Она налила вина доктору в стакан из графина.

— Я не пью! — угрюмо произнес Герье и оставил стакан в сторону.

Драйпегова не обиделась и не смутилась этим.

Она, казалось, была из тех женщин, которые становятся тем любезнее и расположен-

нее к человеку, чем этот человек резче ведет себя с ними.

— Не пьете? Как хотите, я не заставляю! — заговорила она с усмешкою, как будто это было очень остроумно. — Ну, слушайте! Я на вас имею виды; вы — отличный доктор, французский язык вам родной и у вас поэтому все данные, чтобы стать здесь доктором короля.

— Доктором короля? — переспросил Герье. — Но для чего же это?

— Для того, чтобы сделать себе карьеру! Король, может быть, будет снова восстановлен на престоле во Франции, и тогда вы сделаетесь сразу первым французским врачом, если сумеете теперь понравиться его величеству.

— Разве вы думаете, что возможно во Франции восстановление королевской власти? — улыбнулся доктор Герье.

— Отчего же? При помощи нашего государя! — проговорила Драйпегова, испытующе взглядываясь в доктора. — Или вы не сочувствуете королю Людовику?

Доктор Герье от души жалел бедного Людовика, не смевшего после погрома революции

вернуться в свою Францию и проживавшего в Митаве под охраной русского императора Павла Петровича.

XXXIX

Людовик XVIII, прозванный le Désiré, был внуком Людовика XIV и приходился дядей погибшему в революции королю Франции Людовику XVI. При рождении он получил титул графа Прованского.

В молодости он много занимался философией, изучал старых классиков, пробовал писать стихи и перевел несколько томов истории Гиббона.

После вступления на престол Людовика XVI он получил титул «Monsieur» и сначала принимал весьма деятельное участие в управлении Францией, но в ту минуту, когда разразилась революция, он совершенно перестал заниматься государственными делами и не только не помогал королю хотя бы своими советами, но до известной степени способствовал его врагам.

Известие о смерти Людовика XVI он получил за границей, где проживал, удалясь из Франции. Он тотчас же издал манифест, в котором объявлял Людовика XVII (сына Людовика XVI) королем Франции, а себя назначал ре-

гентом, так как внучатому племяннику его было всего восемь лет.

Странная, таинственная участь постигла этого восьмилетнего короля-ребенка, короля, не видевшего коронации и лишённого трона.

Королем Людовик XVII явился лишь по названию, данному ему манифестом дяди.

Сам дядя, будущий Людовик XVIII, проживал за границей и тоже мог считаться только по наименованию регентом.

В Франции бушевала революция и лились потоки крови. Гильотина не переставая работала и казнила ни в чем не повинных людей.

Номинальный регент скрывался за границей вместе с небольшим числом приверженцев, оставшихся верными королевскому дому, а сам малолетний король находился в руках французов в Париже и был отдан на воспитание ярому якобинцу, сапожнику Симону.

Ребенок не выдержал такого «воспитания». Через три года разнеслась молва, что он умер.

Пошли слухи, что его отравили. Французское правительство сейчас же назначило комиссию для расследования этого дела, и ко-

миссия пришла к заключению, что одиннадцатилетний Людовик XVII умер у сапожника естественною смертью.

Погребен он был в общей могиле вместе с погибшими в день его смерти и потому впоследствии не было возможности найти его тело.

Это дало повод к различного рода рассказам и легендам. Говорили, что Людовик XVII остался жив, что его будто бы тайно увезли из Парижа, говорили также, что еще ранее он был подменен другим ребенком и что воспитывавшийся у сапожника Симона был вовсе не король...

Как бы то ни было, но о дальнейшей судьбе маленького короля ничего неизвестно, и его сочли умершим.

Произошло это в 1795 году, и титул короля перешел к Людовику XVIII, который под именем графа де Лилля проживал в Вероне.

В это время пожар и неистовства революции стали утихать во Франции, и там выдвинулся Бонапарт, будущий император Наполеон, захватывавший власть в свои руки.

Под давлением Бонапарта Людовик XVIII

должен был оставить Верону, переехал в Германию и прожил там три года.

Но и в Германии он чувствовал себя не вполне в безопасности.

Тогда Людовик XVIII воспользовался гостеприимством России и в 1799 году переехал к нам, поселившись, по приглашению императора Павла Петровича, в Митаве.

Император Павел Петрович также положил принятому им под свое покровительство королю-изгнаннику ежегодную субсидию.

Королю было сорок четыре года, когда он приехал в Митаву. Поселился он здесь в замке герцогов Курляндских, в том самом, где проживала императрица Анна Иоанновна до своего восшествия на российский престол, когда была еще герцогиней Курляндской.

Людовик XVIII был с 1771 года женат на Луизе, дочери сардинского короля Виктора Амедея. Детей у него не было.

Из того, что Драйпегова упомянула в своем разговоре о французском короле, проживавшем в Митаве, доктор Герье понял, что и дело, по которому она явилась сюда, вероятно, касалось короля-изгнанника.

Он только не мог сразу догадаться, какое, собственно, могла иметь отношение дочь господина Авакумова к французскому королю.

— Почему же вы думаете, — спросила она, — что едва ли будет восстановлена королевская власть во Франции? Или, по вашему мнению, там республика настолько утвердилась, что беспорядок и неустойчивость, рожденные ею, могут продолжиться на долгое время?

— Нет, этого я не думаю! — возразил доктор Герье. — Напротив, мне кажется, что реакция слишком была сильна и что деспотизм республики выльется в какую-нибудь форму, более деспотическую, чем королевская власть.

— Как же это?

— Да уже в настоящее время во Франции

достаточно обрисовалась железная воля одного человека, который все гнет на свой лад!

— Вы говорите о Бонапарте?

— Да, о Бонапарте, который под именем первого консула вполне самовластно управляет Францией и ему недостает только титула императора, а уже власть всецело в его руках.

— Итак, вы, значит, стоите за Бонапарту? — решила Драйпегова.

— Я ни за кого не стою! — сказал доктор Герье. — Я — гражданин Швейцарии и поэтому мне нет основания принадлежать к какой-нибудь французской партии. Да и, кроме того, я — слишком незначительный и незаметный человек, чтобы кого-нибудь могли интересовать мои симпатии. Как человека, мне очень жаль короля Людовика, потому что он в несчастьи...

— Но когда дело идет о политических вопросах, то жалость надо оставить в стороне, а следует рассуждать лишь, что выгодно и что невыгодно.

— Но, сколько бы я ни рассуждал, — пожал плечами Герье, — из этого все равно ничего

не выйдет, потому что никакого отношения к политике я иметь не могу.

— Не говорите так! — загадочно протянула Драйпегова. — Почему вы знаете, что вам предстоит и что вас ожидает! Конечно, нельзя выдвинуться, сидя сложив руки... Для того чтобы стать чем-нибудь, нужно действовать и делать что-нибудь.

— Что же мне-то делать?

— Слушаться меня!

— А сами вы хотите действовать на политической почве?

— Я хочу обеспечить вашу судьбу и выдвинуть вас. Вы только слушайте меня, тогда все будет хорошо.

Теперь для Герье было уже очевидно, что Драйпегова впуталась или желала впутаться в политическую историю, связанную с именем короля-изгнанника, и, по всем вероятностям, имела какие-нибудь данные для этого.

Конечно, она могла поступать, как ей заблагорассудится, до этого доктору Герье не было никакого дела, и предостеречь ее, а тем более удерживать, он совсем не намеревался, но он внутренне возмутился всем своим су-

ществом против того, что эта Драйпегова с такой уверенностью навязывала ему свое руководство и хотела ни с того ни сего подчинить себе его личность, требуя от него повиновения и уверяя, что "все будет хорошо".

Во-первых, если б и действительно все было бы хорошо, как она говорила, то и тогда он не согласился бы подчиниться никому, а, во-вторых, казалось крайне сомнительным, чтобы у Драйпеговой могло что-нибудь выйти "хорошо".

"Да Бог с ней совсем, пусть она делает, что хочет, и оставит меня в покое", — подумал Герье и, выпрямившись и в упор глянув на Драйпегову, сказал:

— Я, сударыня, вот что отвечу вам: мне ничего не нужно, и я ничего не ищу и ни в какие дела и истории вмешиваться не желаю. Я принял в Митаве у вас место переводчика и домоправителя, если хотите, но теперь вижу, что не способен угодить вам, потому что вы требуете от меня большего, и потому я прошу вас отпустить меня!

Проговорил он это таким серьезным и определенным тоном, что Драйпегова сразу

осела.

Она никак не ожидала такого оборота разговора.

— То есть как же это отпустить? — повторила она. — Вы желаете, значит, оставить меня?

— Да, я желаю вас оставить.

Герье сам себе удивлялся, откуда бралась у него смелость говорить так прямо, без всяких обиняков, но он был очень рад этой смелости и испытывал искреннее удовольствие, как будто Драйпегова обидела его чем-то, и он теперь вымещал на ней ее обиду.

Однако она оказалась женщиной, достойной до некоторой степени своего батюшки и умевшей показать твердость, когда это, по ее мнению, было нужно.

Драйпегова видела, что своей собственной особой она не в состоянии сразу прельстить доктора Герье, и потому, оставив всякое жеманство, перешла на чисто деловую почву.

— Хорошо! — сказала она. — Если вы желаете меня оставить, я вас не хочу удерживать насильно, но в таком случае вы должны мне вернуть расходы по вашему переезду сюда и

затем, конечно, отправиться отсюда на ваш собственный счет. Я уже не говорю о том, что не только деликатность, но и обычай требуют, чтобы вы остались у меня, пока я не найду вам заместителя.

Теперь доктор Герье должен был согласиться, что она права и что если он хочет по собственному желанию уехать, то должен вернуть деньги, которые получил на проезд в Митаву.

Денег же этих сейчас у Герье не было.

Он был слишком уверен, что останется в Митаве надолго, и потому весь остаток собственных денег, какие были у него, оставил в Петербурге в банке, думая, что ему будет вполне довольно того, что он станет получать в Митаве.

Чтобы отделаться от Драйпеговой, он рад был из последнего вернуть ей стоимость своего проезда, но для этого нужно было написать в Петербург и ждать оттуда присылки денег из банка, и эта процедура была очень долгая; доктору Герье даже не с чем было уехать теперь из Митавы, если бы он и мог уговориться с Драйпеговой, что вышлет ей деньги из

Петербурга или передаст их там ее отцу.

Своим требованием она ставила его в безвыходное положение, он был до некоторой степени в кабале у нее и, чтобы вырваться, ему нужно было прежде всего получить деньги из Петербурга, а пока волей-неволей приходилось оставаться.

Итак, доктор Герье остался в Митаве, с первой же почтой отправив в Петербург два письма: одно — Варгину, другое — в банк о скорейшей высылке ему денег.

Пока же он решил строго и добросовестно исполнять обязанности переводчика и домоправителя, а затем не допускать со стороны Драйпеговой никаких требований, не вытекавших непосредственно из этих обязанностей.

Драйпегова как будто помирилась с этим решением и не противоречила доктору.

Может быть, она знала, что и в банке в Петербурге существовала тогда такая же волокита, как и во всех казенных учреждениях того времени, и что доктору Герье много раз придется писать, пока он добьется чего-нибудь определенного.

На другой день после своего приезда она послала доктора в замок, с тем чтобы он нашел там графа Рене и испросил через него у короля аудиенцию для нее, госпожи Драйпеговой, которая приехала-де только что из Пе-

тербурга и желает представиться королю.

Людовик XVIII жил в Митаве, окруженный маленьким двором, который состоял из нескольких французских аристократов, последовавших за ним в изгнание и несших вместе со службой своему королю лишения и неудобства этого изгнания.

Под именем графа Рене в Митаве жил при короле один из представителей аристократической фамилии старой Франции.

Драйпегова вручила Герье рекомендательные письма, которые привезла с собой; она сказала, что по этим письмам ей немедленно будет назначена частная аудиенция, и доктору приходилось только узнать время этой аудиенции.

Такое поручение по своей должности он был принужден принять, и, забрав письма, Герье отправился в замок.

Странное, романтическое, почти сказочное впечатление производил этот замок присоединенного к России немецкого города, где жил французский король.

Замок был построен в древнегерманском стиле; у ворот его стоял русский часовой, а

первый же человек, которого Герье встретил во дворе замка, был во французском парике и в шляпе и плаще старого французского покроя, вытесненного новой модой Директории.

Герье, вежливо приподняв шляпу, спросил, где он может найти графа Рене, и человек, в свою очередь, приподняв шляпу и радостно улыбнувшись его французскому языку, показал ему на небольшую дверь во флигеле.

Двор был покрыт слежавшимся за зиму, смерзшим и грязным снегом, по которому были протоптаны тропинки от одних дверей к другим.

Видно было, что тут часто сообщались между собой.

Герье пошел к указанной двери; к ней на цепочке, по-старинному, был привешен молоток, служивший вместо звонка.

Доктор ударил молотком в дверь, и она отворилась через некоторое время.

Отворил ее лакей в ливрее с герцогскими гербами. Лакей был в пудреном белом парике, с гладко выбритым морщинистым старческим лицом; ливрея его была старая и потер-

тая, но с тем большею гордостью выпрямлял он свою сгорбленную спину и, по-видимому, с тем большим достоинством носил на своем ветхом теле свое обветшавшее одеяние.

Выражение лица и вся фигура говорили, что, какова бы ни была окружающая обстановка, ничто не может изменить тот порядок, в котором он был рожден, вырос и воспитался и который должен существовать для него поэтому везде, где бы он ни находился.

Русский человек непременно при всем своем уважении к такому достоинству сейчас пошутил бы, внутренне назвал бы лакея мумией, что ли, но француз Герье даже как будто проникся некоторым благоговением при виде этой лакейской важности и скромно, но тоже не без достоинства, назвал себя и осведомился, может ли он «представиться» графу Рене.

Герье так и сказал — «представиться», что, видимо, очень понравилось старику лакею, и тот предложил ему подождать в вестибюле.

Этот вестибюль был пространством не шире квадратной сажени и был непосредственно за дверью. Пол тут был каменный, и здесь же стоял шкаф с какой-то посудой.

Лакей пошел докладывать.

Минут через пять лакей затем вернулся и сказал, что граф «просит» господина доктора.

Герье должен был оставить верхнее платье в вестибюле на руках старика и проследовать через низенькую комнату, как будто столовую, потому что посредине ее стоял большой стол, занимавший так много места, что шкаф с посудой пришлось вынести в "вестибюль".

Следующая комната служила кабинетом и представляла в своем убранстве странную смесь убожества с несколькими вещами поразительной роскоши и ценности.

Граф Рене занимал квартиру в три комнаты в нижнем этаже замкового флигеля, как раз ту, где жил Иоганн Бирон, когда был еще простым конюшим герцогини Курляндской.

XLII

Кабинет, в который вошел доктор Герье, был обтянут по стенам расписным под зеленые деревья полотном, как это делали еще в самом начале XVIII столетия. Плохенькая деревянная панель тянулась по низу стены.

Панель и расписное полотно были стерты, белый некрашеный пол был стоптан.

Мебель состояла по преимуществу из стульев с плетеным соломенным сиденьем. Узенькое темное зеркало висело в простенке.

Большой простой деревянный стол был покрыт великолепной турецкой шалью вместо скатерти. На столе стояла масляная карсельская лампа настоящего китайского фарфора.

У стола на двух самых обыкновенных табуретках был помещен дорогой баул с черепаховой и бронзовой инкрустацией.

На подзеркальнике виднелись превосходной работы бронзовые часы в стиле Людовика XVI. На столе лежали несколько книг в красных сафьяновых переплетах и табакерка, осыпанная бриллиантами...

В числе других безделушек Герье заметил

три миниатюры на слоновой кости в овальных бархатных рамках. Это были портреты, но какие именно, Герье не успел рассмотреть, потому что в ту минуту, когда он хотел нагнуться к ним, дверь отворилась, и в комнату вошел граф Рене.

Это был высокий, стройный, не старый еще человек, в пудренном парике и в шелковом, сшитом по моде Людовика XVI кафтане, в чулках с вышитыми стрелками и в башмаках на красных каблуках и с золотыми пряжками.

Держался он необычайно прямо, высоко закидывал голову и на почтительный поклон доктора, видно, как человек, привыкший к этому почтению и не сомневающийся в том, что оно надлежит ему, ответил кивком головы, потрянув ею назад и еще более выпрямившись при этом.

— Доктор Герье из Петербурга? — произнес он слова, которыми доктор велел доложить о себе.

Герье ответил утвердительно, сказав, что явился не по личному делу, а от имени госпожи Драйпеговой, и передал рекомендатель-

ные письма.

— Как вы назвали фамилию? — удивленно переспросил граф, и, хотя доктор повторил еще раз, он все-таки не мог уловить звуков этой странной фамилии, улыбнулся, покачал головой, прошел к столу и, распечатав письма, начал читать их, сказав доктору: — Вы позволите?..

Сев к столу, он принялся за чтение, но доктора не посадил.

"Однако! — подумал Герье. — Этот аристократ сохраняет свои привычки даже и в своем теперешнем положении!"

Граф Рене быстро пробежал одно письмо, взялся за другое, проглядел его и отложил в сторону; третье письмо было шифрованное и состояло из каких-то знаков, насколько можно было судить издали, вовсе не похожих на буквы французского алфавита.

Граф читал шифр почти так же бегло, как обыкновенное письмо, и только раз заглянул в таблички, которые достал из кармана.

Шифрованное письмо было довольно длинно; на половине его граф обернулся к доктору и проговорил, показывая на стул:

— Садитесь, пожалуйста!

Когда граф кончил чтение, он совсем иначе, ласково и просто, поглядел на Герье.

— Мне рекомендуют вас, — начал он, — как будущего сочлена, — и он назвал одно из тайных мистических обществ, имя которого было известно Герье понаслышке.

Доктор никак не ожидал, что в привезенных Драйпеговой письмах будет идти речь о нем, да еще как о будущем члене тайного мистического общества.

— Простите, — возразил Герье, — я не намереваюсь вступать ни в какое общество!

Граф Рене поднял брови.

— Как же это так? Мне пишет один из самых уважаемых и почетных наших деятелей, что вы готовы уже к достижению одной из высших степеней.

Герье вспомнил свой разговор с Трофимовым и, разумеется, вывел заключение, что это, вероятно, Трофимов делал о нем такие предположения.

— Кто же вам пишет? — спросил он.

— Я вам говорю, один из высших деятелей!

— Господин Трофимов, вероятно?

Граф сморщил брови и покачал головой.

— Нет, я такой фамилии не слыхал!

— А как фамилия того, кто вам пишет?

Граф улыбнулся, как будто этот вопрос, по своей наивности, был достоин улыбки:

— Наши высшие братья принимают фамилии, какие им заблагорассудятся, а мы знаем их лишь по мистическому имени.

— Какое же его мистическое имя?

— Оно может быть открыто только тем, кто его носит!

— Вот видите ли, — заговорил доктор Герье, чтобы сразу покончить с вопросом о тайном обществе, — я никогда ни с кем не сталкивался из оккультистов, масонов или вообще людей, принадлежащих к тайным обществам! Только незадолго перед моим отъездом сюда я был приглашен, хотя совершенно не искал этого, на действительно поразительные опыты, которые были показаны в тайном собрании. Пригласил меня некто Трофимов и затем говорил со мною, причем оказался человеком, достойным доверия и уважения. Но затем, к сожалению, мне пришлось разочароваться в нем.

— Разочароваться?!

— Да, потому что я видел его близкие отношения к человеку, о котором имею полное основание сказать, что он дурной.

— И только-то?

— Разве этого мало?

— Однако как вы еще молоды, доктор, и способны увлекаться непроверенным впечатлением! Если бы хорошие люди отвертывались от дурных и не желали иметь с ними сношения, то эти дурные имели бы возможность творить, что им угодно, и ничем не сдерживаемое зло распространялось бы все больше и больше! Из того, что ваш господин — как вы его назвали? — имеет отношение с дурным человеком, ничего еще не следует. Это может одинаково свидетельствовать как не в пользу, так и в пользу его нравственных качеств. Все зависит от того, как он сам ведет себя.

Доктор Герье задумался.

В самом деле, может быть, граф Рене был прав, и он слишком поспешно сделал свои заключения о понравившемся ему сначала Степане Гавриловиче.

Ему было лестно также, что о нем все-таки давали хорошие рекомендации, и это не могло не затронуть его самолюбия.

— Пусть так! — сказал он. — Мне очень приятно, если господин Трофимов рекомендует вам меня, значит, он считает, что я на дурное не способен, и, значит, он считает дурным то, на что именно я считаю себя неспособным. И если он пишет вам...

— О, нет! — перебил его Рене. — Это не он мне пишет, потому что тот, чье это письмо, живет в Германии, он написал в Петербург, а оттуда его письмо препроводили ко мне вместе с другими письмами об этой барыне. Вы здесь находитесь при ней?

— Да, при ней! — подтвердил доктор.

— И знаете, зачем она приехала?

— Нет, об этом не имею ни малейшего по-

нятия.

— Вы давно ее знаете?

— Очень недавно. И попал я сюда по недоразумению, думая, что на ее месте будет не она, а другая.

— Так что вы не посвящены в ее замыслы?

— Нисколько.

— Впрочем, я и не сомневаюсь в этом, потому что если бы вам были известны ее намерения, вы не могли бы отнестись к ним сочувственно, иначе мне не писали бы о вас того, что пишут.

— А разве в ее намерениях есть что-нибудь преступное?

— Преступного, с формальной точки зрения закона, она ничего не замышляет, но, с точки зрения чистой морали, дело не совсем благовидно!

— Вы мне можете объяснить, в чем это дело? Я вам даю слово, что буду молчать, если потребуется.

— А смолчать вы сумеете?

— Будьте покойны, сумею!

— Впрочем, если и проговоритесь, от этого хуже не будет, потому что все равно, рано или

поздно, она должна узнать, что мы видим ее карты гораздо яснее, чем она сама. Она желает представиться королю и передать ему сведения из Петербурга, якобы в качестве его приверженицы, желающей ему добра. Двор наш, пользуясь гостеприимством России, разумеется, в данную минуту во многом — прямо скажу — зависит от русского государя. И там, в Петербурге, во дворце, борются относительно нас два течения: одно составляют все окружающие государя, находящиеся под влиянием консула Бонапарта, которому король Людовик XVIII не дает спокойно спать в Париже, другое течение представлено одним человеком, и этот человек — император Павел, рыцарски предложивший нам гостеприимство в России. Пока он расположен в нашу пользу, нам нечего бояться никого, и мы можем спокойно ждать, пока состоится торжественный въезд Людовика XVIII в Париж для того, чтобы занять опустевший ныне трон Франции.

— А вы думаете, это случится когда-нибудь? — невольно вырвалось у Герье.

— Я уверен в этом! — серьезно произнес

Рене, как человек, который не допускает и тени сомнения. — Я уверен в этом, — повторил он. — Рано или поздно это случится, быть может, не скоро, но наверное случится! А пока мы должны зависеть от других и оберегать себя сколько возможно. Император Павел является нашей защитой, и, разумеется, нынешнему консулу Бонапарту выгодно поссорить его с нашим королем. Для этого он не пренебрегает ничем и пользуется даже услугами иезуитов в Петербурге. Врагам нашим необходимо хоть чем-нибудь скомпрометировать Людовика XVIII в глазах Павла; появление вашей госпожи...

— Драйпеговой! — подсказал Герье, видя, что граф затрудняется произнести эту фамилию.

— Ну, да! Все равно, как вы ее называете. Ее появление здесь — одна из тех ловушек, которые ставятся нам на каждом шагу. Она достала рекомендательные письма от преданных в Петербурге королю лиц и явилась сюда с предложением своих услуг, хотя бы для передачи в Петербург писем, которые неудобно доверить почте. Расчет понятен: авось ей до-

верят что-нибудь, могущее не понравиться императору Павлу, и тогда ее дело будет сделано. Она и не подозревает, что сама же в своих рекомендательных письмах привезла шифр, который раскрывает весь план ее или, вернее, людей, пославших ее.

— Так что если вы осведомлены уже обо всем, то, по всей вероятности, она не будет допущена к королю?

— Это было бы самое простое, но, к сожалению, два других рекомендательных письма — от таких лиц, желание которых нам нужно исполнить, чтобы не раздражить их отказом лицу, снабженному их рекомендацией. Я доложу королю, и король примет ее в аудиенции.

— Значит, я так и могу передать ей это?

— Да, прошу вас, передайте! Вы напишите мне адрес, по которому можно будет послать приглашение с извещением, когда у короля будет прием. Вы по-немецки пишете?

— Пишу! — ответил доктор Герье.

— Так вот, пожалуйста! Напишите немецкими буквами, где живет эта госпожа! — и граф передал доктору листик синей с золо-

Ты́м обре́зом бума́ги и перо́.

XLIV

Когда граф передал доктору перо и бумагу, он отодвинул в сторону безделушки, стоявшие на том конце, у которого сидел Герье, чтобы тому было удобнее писать.

При этом случайно к доктору повернулась одна из рамок с миниатюрой, и доктор, уже принявшийся было выводить немецкие буквы и мельком взглянувший на миниатюру, так и остановился с пером в руках, во все глаза уставившись на маленький портрет. На нем было изображено личико девочки-подростка, в котором легко было узнать ту молодую девушку, которую Герье видел в Петербурге.

Это была, несомненно, она, потому что, как был уверен Герье, такой красоте, как ее, повториться нельзя! На портрете лицо было лет на семь или восемь моложе, но те же глаза, те же черты лица и даже то же детски-испуганное выражение, сохраненное ею до сих пор.

Граф думал, что доктор остановился, потому что вспоминает начертание какой-нибудь

немецкой буквы, и не сразу заметил, что тот просто уставился на миниатюру и вовсе забыл, что должен писать адрес Драйпеговой.

— Что с вами? — спросил граф наконец, удивленный оцепенением доктора.

Тот, однако, не расслышал его вопрос, и графу пришлось еще раз повторить:

— Да что с вами?

— Да ведь это она! — проговорил наконец Герье, указывая на миниатюру.

— Кто "она"?

— Не знаю.

Граф повернул к себе миниатюру, взглянул на нее, поглядел на доктора и подал ему портрет.

— Вам знакомо это лицо?

— Да, знакомо.

— Вы не ошибаетесь?

— О, нет! Разве можно забыть это лицо тому, кто хоть раз его видел!

— А вы его видели?

— Да.

— Где? Когда?

— Во время опытов, о которых я вам говорил, она была прозрачная, воздушная...

— Во время опытов! — вздохнул граф. — Значит, вы видели только ее просветленное тело, не живое, то есть то, которое мы называем живым на земле?

— Нет, я видел ее и живую.

— Живую?

— Да.

— Такою, как она изображена тут?

— Нет, здесь она — подросток, а я видел ее девушкой, на вид лет двадцати.

— Да, так это и должно быть. Да нет, впрочем, это невозможно! Тут, очевидно, какое-нибудь недоразумение, простое сходство...

— Простого сходства не может быть, уверяю вас!

— Не уверяйте, вы не знаете, что вы делаете, или, напротив, говорите: вы сказали, что вы не знаете, кто она, значит, вы видели ее мельком?

— Не совсем, я даже вам больше скажу: ради нее я приехал сюда, в Митаву.

— Как ради нее?

— Да, я был уверен, что мне именно ее придется сопровождать сюда, а не госпожу

Драйпегову. Я принимал эту девушку за дочь одного господина в Петербурге, который оказался отцом госпожи Драйпеговой. Увидев эту девушку, я невольно стал искать ее встречи вновь и в этом отношении меня подвинули слова, сказанные мне при известном мистическом настроении, вызванном необычайною обстановкой...

— Эти слова?

— "Ищите и найдете".

— И вы стали искать?

— Да.

— Эту самую девушку?

— Да.

— И я слышал те же слова про эту именно девушку, портрет которой вы держите в руках. И мне было сказано: "Ищите и найдете". С тех пор прошло много времени, я искал, желал, но до сей минуты все искания мои были напрасны.

Доктор Герье поглядел на графа и не мог не поразиться страшной переменой, происшедшей в нем.

Граф был бледен и казался сильно взволнованным; он как бы бессильно опустил в

креслах, в которых сидел, откинувшись на спинку и поникнув головой. Он поднял руки и закрыл ими лицо и тяжело дышал, не имея сил продолжать разговор.

Доктор Герье сидел против графа, ожидая, что будет дальше, вместе с тем готовый оказать помощь, если ему станет дурно.

Граф был близок к состоянию обморока, но он совладал с собой и, не отымая рук от лица, заговорил медленным, тихим голосом:

— Теперь понимаю, почему именно вы явились сюда и почему вы были рекомендованы мне. Вы должны были привезти мне первое известие о ней. — Граф резким движением поднял голову и протянул обе руки доктору. — Благодарю вас! — сказал он.

Руки его были холодны как лед.

Доктор Герье внимательнее пригляделся к чертам лица графа и теперь, когда всякая условность привычной выдержки спала с него, благодаря его волнению, и в заблиставших искренностью глазах стала видна, что называется, душа, теперь доктор заметил, что граф стал похож — в особенности взглядом — на миниатюрный портрет молодой девушки или, вернее, портрет приобрел сходство с графом.

Черты красивого, благородного лица графа были чисто мужские, и потому сходство его с девушкой не могло поразить сразу и выказалось только в минуту искреннего душевного порыва.

— Неужели это — ваша дочь? — проговорил Герье как-то почти бессознательно, словно по какому-то внутреннему внушению.

Он спросил это, а сам уже не сомневался, что это было именно так.

— Да, моя дочь! — подтвердил граф. — Единственный мой ребенок, о гибели которого я не имел достоверных сведений, и пото-

му у меня оставалась еще надежда, что она жива и что я найду ее. Меня еще поддерживали в этом слова, сказанные и вам: "Ищите и найдете!" И я верил в эти слова, хотя такая вера, если рассудить, могла показаться почти безумною. Но я жил ею, и не будь у меня надежды найти свою дочь, я не вынес бы этой жизни. Последнее время я был близок уже к отчаянию; мне казалось, что я тешу себя несбыточной мечтой, что невозможное не может стать возможным и что все мои усилия останутся бесплодными, как оставались до сих пор. И вдруг вы мне привозите известие, что видели ее, что она жива!

— Но как же вы расстались с нею? — опять спросил Герье, предчувствуя уже, что история графа — одна из тех ужасных и несчастных историй, которые были разыграны революцией почти в каждой французской дворянской семье того времени.

— Как я расстался, — тяжело вздохнув, произнес граф, — вы уже, вероятно, догадываетесь, но я все-таки расскажу вам подробности, воспоминание о которых мне было мучительно до сих пор. Теперь же, когда я вижу,

что все-таки терпел недаром, ждал и искал, мне даже легче будет, повторив эти подробности, сгладить их остроту случайным радостным известием, привезенным вами. Боюсь сказать, но я слишком счастлив теперь, и пусть это счастье умерит и утешит прежнее наболевшее горе!

Мы жили в Париже, в моем отеле, с женой и тремя детьми; двое из них были еще маленькие, а третьей исполнилось двенадцать лет, и мы, по обычаю, отдали ее на воспитание в монастырь, где воспитывались и другие ее сверстницы.

Время в Париже тогда было тревожное, носились всевозможные слухи, но покойный король, Людовик XVI, успокаивал нас, да и мы сами никак не могли предполагать, что мы накануне тех страшных событий, которые породила вспыхнувшая вдруг, как от удара молнии, революция. Правда, она готовилась исподволь, издавна, и семена ее были положены еще в царствование Людовика XV, но, наконец, она вспыхнула; ручьи крови затопили Францию, и одною из первых была пролита кровь ее короля. Народ давно глухо и бессос-

знательно готовился к тем ужасам, которые оказались слишком страшны и чудовищны, чтобы можно было предвидеть или ожидать их.

Добрый, мягкий король Людовик XVI полагал, что делает все возможное для благоденствия своих подданных и вместе с несчастной, наивной королевой Марией-Антуанеттой был убежден, что народ благоденствует. Королева давала празднества в Трианоне, в Лувре назначались блестящие приемы, и двор веселился, не подозревая, что уж тлеет тот огонь, который вдруг взорвет все прежнее и сокрушит его.

Пока шли праздники и приемы, двор, убаюканный ими, не обращал внимания на тревожные слухи и вести, считая их преувеличенными и воображая, что все останется навсегда так, как было до сих пор.

Я, по поручению короля Людовика XVI, был отправлен в Верону, за границу, где находился тогда дядя его, наш нынешний король. Людовик XVI поручил мне, чтобы я уговорил его дядю вернуться в Париж, где он мог своим влиянием оказать помощь королю. В числе

главнейших доводов к тому, чтобы он вернулся как можно скорее, король приказал заверить своего дядю, что в Париже спокойнее, чем когда-нибудь, и он верит в будущность королевской Франции.

Моя поездка не должна была быть продолжительной, и я расстался с женой и детьми, шутя и улыбаясь, — шутя, что сбегу от них совсем и никогда их больше не увижу! На самом деле я так был уверен в своем скором возвращении, что, не успев съездить в монастырь, чтобы проститься со старшей дочерью, не особенно даже тревожился об этом.

XLVI

— Я помню, — продолжал рассказывать граф Рене, — это веселое шутливое прощание, как сейчас, помню, как обняла меня жена и как две маленькие девочки прыгали, повиснув на моих руках, и кричали, что не отпустят папу. Их насильно оттащили от меня, и я, улыбаясь им, едва отбилась от них.

Париж был сравнительно тих и мало оживлен в ранний час утра, когда я уезжал. На рыночной площади только гудела толпа народа, и мог ли я думать, что ее гул через несколько десятков дней преобразится в неистовый крик насилия.

Я доехал до Вероны в своей дорожной карете, с занимательной книгой в руках, и не заметил переезда. Мне думалось, что мне нетрудно будет уговорить дядю короля вернуться в Париж, но после первого же свидания с ним, которое состоялось в первый же день моего приезда, я увидел, что тот вовсе не склонен послушаться своего короля-племянника. На все мои доводы он отвечал, что теперь, по его мнению, уже поздно, что события

не остановить и что королю лучше самому удалиться вовремя за пределы Франции.

— Но этого король никогда не сделает! — воскликнул я. — Что бы ни случилось, он не покинет Франции!

Я, будучи уверен, что в Вероне ходят слишком преувеличенные слухи о том, каково настроение в Париже, продолжал настаивать и относиться к этим преувеличенным слухам с презрительной насмешкой.

Как оказалось впоследствии, в Вероне знали лучше, чем мы в Париже, о том, что делалось там. Прошло дней десять в моих переговорах, не приведших ни к чему; тут же я заболел лихорадкой и слег на несколько дней в постель.

О, Господи! Какие вскоре мне пришлось пережить дни в этой постели! В ней застал меня неожиданный приезд из Парижа нашего старого слуги, Баптиста, который и теперь со мною. Он видел все, и на его глазах произошли все ужасы!..

— Нет! — прервал вдруг свою речь граф. — Я не могу говорить дальше!

Он хотел подняться со своего кресла, но не

мог это сделать и снова опустился в него.

Доктор Герье, следивший за ним взглядом врача, схватил со стола звонок и позвонил, чтобы велеть принести хотя бы стакан воды.

На звонок немедленно появился старый Баптист; оказалось, что графин с водой и стакан стояли на подоконнике.

Герье дал воды графу, тот сделал несколько глотков и, увидя Баптиста, проговорил ему, показывая дрожащей рукой на доктора:

— Ты знаешь... моя девочка жива! Вот он... он видел ее!

Лицо старого слуги выразило испуг, а не радость; он сначала как-то двинулся к графу, а потом обратился к Герье, как бы спрашивая взглядом, неужели все кончено и граф сошел с ума?

Видно, мысль о возможном сумасшествии его господина часто и раньше приходила к Баптисту.

— Да, я видел ее! — поспешил сказать доктор, чтобы успокоить Баптиста.

Тот пошатнулся и затрясся теперь весь от радости.

— Так это — правда? Бог услышал наши

МОЛИТВЫ... — и он не договорил, потому что слезы задушили его слова и речь перешла во всхлипывания.

— Ты рад, Баптист, правда? — проговорил граф, взяв руку старика и крепко пожимая ее.

Герье почувствовал, что и у него самого как будто что-то щекочет у глаз и наворачиваются слезы.

И вдруг, совершенно неожиданно, Баптист подошел к Герье, обнял его и сказал:

— Спасибо!

Он хотел еще что-то прибавить, но не договорил, махнул рукой и вышел из комнаты.

— Вот он видел все! — показав ему вслед и справившись со своими слезами, произнес граф. — Он видел, как в наш дом ворвались санкюлоты, бесчинствовали там, схватили мою жену, одну из девочек толкнули с окна, со второго этажа на мостовую, будто случайно, а другую скинули с лестницы, так что она разбилась о каменные ступени!

Жену мою толпа пьяных баб повлекла в Версаль с диким пением марсельезы, требуя, чтобы и она пела вместе с ними, и за то, что она не сделала этого, ее гильотинировали!

Большинство челяди, служившей у нас, было заодно с санкюлотами. Людей, оставшихся верными, они избили до смерти, а Баптиста, который пользовался среди них большим уважением и даже любовью, они не решились тронуть, но только связали и заставили смотреть на издевательства над моею женой и на убийство моих детей, а потом отпустили на волю, с тем чтобы он отправился ко мне и рассказал обо всем виденном.

Об участи моей старшей дочери он не мог ничего узнать. Мы с ним, переодетые, из Вероны пробрались в Париж, но нашли там от монастыря одно только пожарище.

Все, что мы могли узнать об участи монахинь и бывших в монастыре на воспитании девушек, что часть их успела скрыться, а над большинством толпа надругалась. Никаких следов моей дочери я не мог доискаться и не слышал о ней ничего!

XLVII

Рассказ графа произвел на Герье угнетающее впечатление благодаря своему неподдельному трагизму, но вместе с тем в уме доктора надвинулась унылая дума и завладела его мыслями.

Теперь он узнал, кто была девушка, в которую он влюблен с первого взгляда, и то, что он узнал, повергло его в уныние.

Она оказывалась дочерью французского аристократа, носившего, судя по гербам на ливрее его человека, титул герцога, проживавшего только в Митаве под именем графа.

Герье видел, что этот герцог, несмотря ни на что, гордо держался своего достоинства, и пока только это достоинство и оставалось у него, но он твердо высказал Герье, что надеется на лучшие времена, когда король вернется в Париж, а вместе с ним вернется, значит, и сам он, герцог.

Бедному же женевскому доктору, каким был Герье, далеко было до дочери аристократа, и это он почувствовал сейчас же, как узнал об ее происхождении.

Однако когда человек желает чего-нибудь, он непременно поддерживает себя надеждою, как бы недостижимо ни казалось его желание. И чем яснее эта недостижимость, тем необходимее становится надежда.

Так было и с Герье. Надежда его заключалась в том, что все-таки он первый привез графу Рене сведения об его дочери; в этом он видел как бы перст судьбы, на который влюбленные вообще всегда готовы рассчитывать в своих мечтах.

Однако, прежде чем думать о будущем, нужно было рассудить о настоящем, и прежде всего найти молодую девушку.

— Прежде всего, — начал доктор Герье, — значит, надо спешить в Петербург, чтобы как можно скорее вырвать вашу дочь из рук этого старика.

Граф так и впился глазами в доктора.

— Какого старика? Расскажите мне по порядку, где и как вы видели ее?

Доктор Герье стал подробно рассказывать; граф слушал, словно впитывая в себя каждое его слово.

— Странный человек — этот старик Аваку-

мов! — сказал он, когда Герье кончил.

Граф совершенно правильно запомнил фамилию и произнес ее по-французски, но без ошибки.

— Странный и нехороший человек, насколько я могу судить, — подтвердил Герье.

— Но как же она попала к нему?

— Этого я не могу знать, граф!

— Медлить нельзя, — заговорил граф, — и я завтра же испрошу позволения короля и отправлюсь в Петербург.

— Я с охотой последовал бы за вами... — начал было Герье, но граф перебил его.

— И я вас взял бы с собой, — проговорил он, — но этого нельзя; нельзя потому, что вы не можете и не должны оставить эту барыню!

Сам-то Герье знал отлично, что ему нельзя оставить госпожу Драйпегову, потому что сейчас не мог вернуть ей деньги за свой проезд, но он невольно удивился, откуда знает об этом граф.

У того, однако, оказались совсем другие соображения, по которым граф находил необходимым присутствие доктора в Митаве.

Дело было вот в чем.

— Если я уеду, — стал объяснять граф, — то здесь, возле короля, никого не останется из посвященных, и я не могу никому сообщить сведения, полученные мною от нашего общества, потому что имею право делиться этими сведениями только с тем, на кого мне указывают, как в данном случае, например, на вас. Таким образом, здесь необходим человек, который следил бы за этой госпожою и не допустил бы ее сделать зло, задуманное ею. Если бы вы уехали, мне нужно было бы остаться здесь и, как это ни было бы трудно, принести в жертву долгу свое личное дело.

— Я фактически не могу уехать отсюда, — поспешил его успокоить Герье, — потому что у меня нет на это средств!

— Средства не Бог весть какие нужны для этого, и они нашлись бы! Вопрос не в них, а в гораздо более серьезном: мне нужно быть покойным, что я оставлю в Митаве человека, на которого могу положиться, что он не допустит, чтобы совершилось злое и нехорошее дело! Возьмете ли вы это на себя?

— Что же я должен делать? — спросил Герье.

— Заранее сказать ничего нельзя! Надо поступать сообразно с обстоятельствами, и это вам будет не особенно трудно, потому что вы будете при этой госпоже.

— Но сумею ли я?

— Сумеете, если захотите.

И граф так умоляюще посмотрел на Герье, видимо, ему так хотелось, чтобы тот успокоил его и чтобы этим дал ему возможность уехать завтра же в Петербург, что доктору стало ужасно жалко графа. Решась, он вдруг произнес с убеждением:

— Хорошо! Будьте покойны, поезжайте и дай вам Бог удачи!

Искренняя радость выразилась на лице графа, и он с чувством пожал руку Герье.

Тот записал ему все необходимые в Петербурге сведения, записал и подробный адрес Варгина, сказав, что это — его приятель, на которого граф может положиться.

Затем они простились, граф проводил доктора до дверей столовой, а в «вестибюле» Баптист ждал выхода гостя с верхним его платьем на руках, с неукоснительной важностью исполняя обязанности лакея.

Он помог одеться Герье, как будто ничего не случилось, и на строгом, невозмутимом лице его выражалось одно только почтение.

Отворив дверь, Баптист отвесил доктору низкий, торжественный поклон.

XLVIII

Когда Варгин, как подкошенный сноп, упал на диван, послушный неотразимо подействовавшему на него влиянию протянутых рук Степана Гавриловича, он заснул, и Трофимов, убедившись, что он спит, положил ему на голову руку и проговорил отдельным внушительным голосом:

— Ты сейчас встанешь, откроешь глаза и будешь действовать, как будто не спишь. Ты отправишься прямо домой и, придя, ляжешь и будешь спать... Иди!

Трофимов отошел в сторону и спрятался за портьеру, а с Варгиным как бы случилось чудо: он встал, открыл глаза и твердым шагом направился к двери, в точности исполняя данное ему приказание.

Нервная, впечатлительная натура его легко поддавалась гипнозу, Степан же Гаврилович владел, очевидно, этой силой в совершенстве.

Трофимов прислушался, как затихли шаги Варгина на лестнице, затем ударил один раз в звонок и тихо проговорил появившемуся сейчас же лакею:

— Сказать, чтоб следили дальше!

Варгин как ни в чем не бывало оделся на лестнице и вышел, а из ворот дома Трофимова почти сейчас же шмыгнул тот самый тщедушный человек, который в балагане выходил якобы на съедение Голиафу-Путифару.

Он в некотором отдалении пошел по пятам Варгина, не спуская с него глаз.

Трофимов из гостиной отправился в столовую, где сидела молодая девушка, с которою он только что катался на балаганах.

Она сидела у стола, на котором был накрыт завтрак и стояло несколько вкусных блюд.

Но она ни к чему не притронулась.

— Ну, что же, *mademoiselle Louise*? — на чистом французском языке заговорил Трофимов. — И прогулка не развлекла вас?

— Нет, напротив, я вам очень благодарна! — как-то беззвучно и совершенно равнодушно ответила Луиза.

— Отчего же вы не кушаете? Или вы не хотите есть?

— Благодарю вас!

Степан Гаврилович остановил на ней дол-

гий, пристальный взгляд.

— Вы, может быть, хотите уснуть? Успокоиться? — ласково спросил он.

Девушка тихо улыбнулась.

— Да, пожалуйста, если бы уснуть! — произнесла она.

— Вы ведь мне верите? Знаете, что я не хочу вам зла?

— О, да!.. Да!.. Знаю! — проговорила девушка.

— Тогда пойдете!

Трофимов вывел ее в свою гостиную, усадил на спокойное кресло и, став сзади нее, поднял руки над ее головою.

"Авось нынче удастся!" — подумал он.

— О, да!.. Нынче удастся... — громким, твердым и радостным голосом ответила она на его мысль.

Девушка уже была в состоянии транса и по скорости, с которой она поддалась, Трофимов видел, что сегодня, действительно, можно заставить ее видеть на далекое расстояние.

— Сегодня я увижу далеко! — снова ответила она бодро.

— А это не утомит тебя? — спросил Трофи-

МОВ.

— Нет.

— И не сделает тебе вреда?

— Нет, нет.

— Тогда следи за тем, что я представляю себе. Что ты видишь?

— Я вижу замок... ворота... часового... Вижу двор... он покрыт грязным снегом... и дорожки протоптаны по нем...

— Маленькую дверь во флигеле ты видишь?

— Вижу... она заперта... и на ней висит молоток...

— Войди за ту дверь, смотри и говори, что увидишь!

— Я вижу сени... каменный пол... шкаф с посудой...

— Там никого нет?

— Никого...

— Дальше!

— Дальше... комната маленькая со столом... на стуле у двери сидит человек...

— Ты знаешь его или нет?

— Это — Баптист!.. — вдруг дрогнувшим голосом проговорила Луиза. — Он дремлет на

стуле... слышен звонок... он вскочил... идет... отворяет дверь... Баптист, наш милый, добрый Баптист...

— Куда он вошел?

— Опять комната... лампа... я ее помню... у стола в креслах... оборачивается... Отец! — крикнула она. — Отец!.. Я вижу его!

Трофимов быстро протянул руку над нею, она смолкла, откинулась на спинку кресла, и тихое, ровное дыхание ее показало, что она погрузилась в спокойный сон.

— Значит, это ее отец, я не ошибся! — проворчал Трофимов и быстро вышел из комнаты по направлению к лестнице.

Там он велел подать себе плащ и приказал лакею, чтобы в доме была тишина и барышню оставили спать в гостиной.

— Ты мне отвечаешь за ее покой тем, что сказано тебе "ищите!", — сказал он лакею.

— И найдете, — ответил тот, склонив голову.

Он вышел, кликнул извозчика, сел и не торгуясь сказал ему, куда ехать.

Извозчик, зная, что без торга садятся господа, щедрые на плату, погнал свою лошадь.

XLIX

Трофимов подъехал к воротам, за которыми стоял домик, где жила Августа Карловна со своими квартирантами.

У ворот, прислонившись, стоял тщедушный человечек, следивший за Варгиным.

Трофимов, вылезши из санок и проходя в калитку, на ходу спросил у того:

— Он пришел?

— Только что.

— По дороге шел бодро?

— Так что я едва поспевал за ним.

— Значит, ничего не случилось?

— Нет.

— Хорошо; можешь идти теперь.

— А завтра? Опять нужно следить?

— Нет, пока не нужно. Теперь и так обойдемся.

И Трофимов прошел в калитку и направился по мосткам в домик к Августе Карловне.

Она была дома, как всегда, и на этот раз не была занята, потому что никого из посетителей у нее не было.

Она приняла Степана Гавриловича у себя в спальне, с картами в руках, но, как только увидела Трофимова, сейчас же положила карты, встала и почтительно присела, с серьезным, деловитым лицом.

Теперь, когда они были наедине, сразу было видно, что они давно знают друг друга и что Августа Карловна относится к Степану Гавриловичу с большим уважением, граничащим почти с подчинением.

Трофимов кивнул ей головой и, как свой человек, сел к столу.

— Послушай, Розалия, — проговорил он, — мне нужна твоя служба!

— Приказывайте! — с чувством произнесла Августа Карловна, по-видимому, еще послушнее откликаясь на имя Розалии.

— Дело не особенно сложное, но для этого надобно оставить Петербург.

— Навсегда? — с некоторым испугом спросила Розалия-Августа Карловна.

— Нет, — спокойно, не замечая ее испуга, ответил Трофимов, — может быть, ненадолго.

— А моя практика? — решилась полюбопытствовать она.

— Практика не пострадает. Здесь все останется по-прежнему, и ты вернешься сюда, а за услугу получишь больше, чем заработала бы практикой за то время, на которое оставишь ее.

Лицо Августы Карловны расплылось в улыбку.

— С вами всегда приятно иметь дело, господин...

— Тс... — остановил ее Трофимов, боясь, что она произнесет имя, которое не нужно было, чтобы она произносила. — Осторожность, Розалия!

— Слушаюсь, господин!

Они разговаривали на немецком языке, которым Трофимов владел так же хорошо, как и французским.

— Так слушай! — продолжал Степан Гаврилович. — Ты должна сопровождать молодую девушку, увезти ее из Петербурга и беречь как зеницу ока.

— Слушаю! — опять повторила Августа Карловна. — Когда нужно приготовиться к отъезду?

— Завтра.

— Так скоро?

— До завтра еще целые сутки.

— Слушаю.

— А что жилец?

— Который уехал?

— Да нет, который остался!

— Не знаю; кажется, только что вернулся откуда-то.

— Пойди посмотри!

Августа Карловна пошла, заглянула в комнату Варгина и вернулась, укоризненно качая головой.

Она нашла художника растянувшимся посреди комнаты и храпевшим во всю мочь.

— Нехорошо! — заявила она. — Он, кажется, вернулся пьяный, лег на пол и заснул. До сих пор никогда этого с ним не было.

Трофимов невольно улыбнулся, вспомнив, что, давая приказание Варгину, не сказал ему лечь на постель, и тот слишком уже буквально исполнил его волю, пришел домой и лег спать посреди комнаты.

— Я пройду к нему, — сказал Трофимов, — оставь меня одного с ним! Он не пьян — бедный малый находится, вероятно, в обмороке.

Он отправился к Варгину, вошел в его комнату и плотно затворил за собой дверь.

Фигура художника на полу была довольно своеобразна. Варгин, должно быть, воображая себя на постели, лежал, подогнув одну ногу, положив руку под голову, а другую руку держал у шеи, как бы натянув ею одеяло, не желая его выпустить.

Трофимов нагнулся над ним, тронул его за голову и, отчеканивая каждое слово, стал внушать ему:

— Ты проснешься через четверть часа и забудешь все, что относится к молодой девушке, которую ты видел сегодня со мной, забудешь так, как будто не знал о ней никогда и не слышал. Ты исполнишь?

— Да-а-а! — сквозь храп протянул Варгин. Трофимов кивнул головой и направился к двери.

— Через четверть часа он проснется как встрепанный! — сказал он Августе Карловне прощаясь. — А завтра вы приедете ко мне с вещами и скажете здесь всем, что уехали на некоторое время по делам в Финляндию.

Через четверть часа Варгин встал как ни в чем не бывало и нисколько не удивился, что лежал на полу.

Он умылся, причесался, спросил себе обедать и ел с большим аппетитом, находясь, по видимому, в отличном и веселом расположении духа.

На другой день он пошел на работу дописывать богиню на потолке и, вернувшись домой, застал у себя молодого Силина вместе с его отцом.

Те его ждали.

Молодой Силин, напрасно просидевший накануне целый день дома в ожидании Варгина, который обещал приехать прямо от Трофимова, сегодня собрался к нему, но отец ни за что не хотел отпустить его одного и приехал вместе с ним.

Варгин встретил их очень радушно и сейчас же заговорил с молодым Силиным о рисовании и предложил ему со следующего дня начать уроки.

— Какие уж тут уроки? — возразил старик

Силин. — Ведь мы уезжаем! Так уж об уроках говорить нечего.

— Вы уезжаете? — удивился Варгин. — Неужели? Почему же вы уезжаете?

Он так добросовестно забыл по внушению Степана Гавриловича все, что касалось молодой девушки, что даже не помнил теперь о сборах Силиных в дорогу, потому что эти сборы были следствием случая с Александром, спасенным молодой девушкой.

Отец с сыном переглянулись, не соображая, что это Варгин: шутит или так себе прикидывается.

— Да как же, батенька? — заговорил старик Силин. — Ведь вы же вчера еще видели приготовления к отъезду, а теперь спрашиваете! Или вы, может быть, думаете, что я не хозяин у себя в доме и что мы останемся тут, вопреки моему желанию уехать? Так этого не будет! Голову вам даю на отсечение: уж раз я сказал, так свое слово сдержу крепко.

— Вы отчего же вчера не пришли? — перебивая отца, спросил у Варгина Александр.

— Вчера? — повторил тот. — Вчера, кажется, мы с вами виделись?

— Ну, да, конечно, виделись! И когда мы расстались, вы обещали приехать ко мне!

Варгин помолчал, припоминая.

— Не помню! — проговорил он убежденно. — Может быть, и обещал, но только не помню!

Оба Силина опять переглянулись.

— Как же вы не помните, когда сами уверяли меня, что непременно приедете, прямо от Трофимова?

Варгин улыбнулся и кивнул головой.

— Трофимова? Степана Гавриловича, как же, знаю! Впрочем, недавно знаю! — поправился он, просто и ясно поглядев в глаза Александру, как будто был вполне прав перед ним.

— Так вот, — продолжал настаивать тот, — вы от господина Трофимова вчера хотели приехать прямо к нам, а вместо этого не приехали, и я вас прождал целый день!

— От Трофимова? — стал вспоминать Варгин. — Разве я был у него вчера?

— Ну, конечно, были... мы ведь вместе подъехали к дому его, вы вошли, а меня отпустили домой, с тем чтобы я ждал вас.

— Да неужели? — весело подхватил Вар-

гин. — Вот забавно! Представьте себе, у меня совсем из головы вон! Да ведь так, что вот вы говорите, а я слушаю, как новость для меня. Да вы не ошибаетесь ли? Тут что-нибудь да не так!.. Вы, может, шутите?

— Да нет, это вы, должно быть, шутите! — начиная уж горячиться, воскликнул молодой Силин. — Вы не можете не помнить, потому что дело касалось вашего приятеля и той девушки, с которой он должен был уехать в Митаву и которую мы вчера встретили с вами на балаганах!

— Какую девушку на балаганах? Мы с вами видели Голиафа-Путифара, предлагавшего съесть живьем всякого, кто того пожелает, но там никакой девушки не было...

— Да не там! А потом: она каталась в саях... в виде лебедя... с господином Трофимовым, как вы назвали его.

— Нет, это вы, верно, одни видели! Я никакой девушки не видел! — опять убежденно произнес Варгин.

Он говорил с такой искренностью, что старик Силин попеременно глядел то на него, то на сына и решительно не мог угадать, кото-

рый из них говорит правду.

— Как же не видели, — совсем уж рассердился Александр, — когда мы с вами вместе следили за санями, ехали за ними на извозчике и доехали до дома господина Трофимова?

— Нет, этого не было! — заявил Варгин тоном человека, который сердится, когда его хотят одурачить.

— Вы лучше мне прямо скажите, — сказал молодой Силин, — что после разговора с этим господином вы просто не хотите почему-то говорить со мной о ней!

— Да о ком о "ней"? — почти крикнул Варгин.

— Да об этой девушке!

— О какой?

— О дочери Авакумова, владельца дома на Фонтанке.

— Никакой дочери Авакумова не знаю.

— Да приятель-то ваш, господин Герье, ведь он уехал?

— Уехал.

— Куда?

— Постойте-ка, куда он уехал? В Митаву, кажется?

— А для чего он уехал?

— Почему я знаю? По каким-то делам, кажется; я его не спрашивал!

Молодой Силин развел руками и поник головой.

— Так вы не хотите говорить со мной о ней? — спросил он решительно.

— Да никакой «ее» я не знаю, русским вам языком говорю! — стал снова убеждать его Варгин.

Но Александр уже не слушал. Он встал и обратился к отцу:

— Пойдемте отсюда, батюшка!

И они ушли, причем молодой Силин не простился с Варгиным, оставив того в полном недоумении, что значили его вопросы, и вместе с тем сам не понимая, что случилось вдруг с Варгиным.

— Ну, уж и люди тут! — твердил старик Силин по дороге домой. — Этот Петербург — сумасшедший дом какой-то. Тут, того и гляди, сам попадешь в сумасшедшие! Нет, скорее вон отсюда! Вон, уезжать, чтобы никогда не возвращаться!

"Чего они ко мне пристали? — с неудовольствием думал Варгин. — Какая там девушка? Ни о какой я девушке знать не хочу! И чего этот тамбовский помещик со своим сыном навязались ко мне? Ну их совсем!"

И он мысленно махнул рукой на тамбовского помещика с сыном, решил больше не ходить к ним и всецело отдался своим занятиям живописью в Михайловском замке, принявшись за них с таким рвением, что дней через десять dokonчил роспись потолка и наверстал этим время, потерянное в те несколько дней, когда не работал.

Он вошел снова в свою обычную колею. Правда, ему недоставало его собеседника, доктора Герье, но у Варгина был тот счастливый характер истинного художника, который склонен к одиночеству; одиночество же его было полное, потому что и Августа Карловна уехала по делам в Финляндию, как объяснила она, и Варгин остался единственным обитателем ее домика.

Через некоторое время он застал у себя,

вернувшись из замка, письмо с большой печатью, на которой был выдавлен красивый герб со множеством эмблем и украшений.

Письмо пришло не по почте, а было принесено посланным, который передал его служанке, сказав, что оно очень важное.

Варгин распечатал это важное письмо и, хотя оно было очень недлинное, все-таки не мог прочесть его, потому что оно оказалось на французском языке, а Варгин не владел иностранными языками.

"Вот так штука! — думал он, вертя письмо и так и эдак. — Кто ж это мне может писать по-французски, на такой бумаге и с такой печатью?"

Бумага, действительно, была превосходная, плотная, словно кожаная, синяя с золотым обрезом.

Как ни хотелось Варгину узнать содержание письма, но до завтрашнего дня спросить ему было не у кого.

Завтра же в замке он решил обратиться к главному архитектору, который говорил по-французски и мог перевести это письмо.

Стоявшая под письмом подпись "Conte

René", единственно, что мог разобрать Варгин, решительно ничего ему не объяснила, потому что никакого "конта Рене" он не знал.

Делать было нечего, надо было ждать завтрашнего дня.

Назавтра он первым делом отыскал в замке архитектора и показал тому письмо, прося передать его по-русски.

Архитектор бегло прочел и объяснил Варгину, что в этом письме только что приехавший в Петербург граф Рене просит его, художника Варгина, прийти к нему, а живет он в гостинице на Новоисакиевской улице.

— Какой граф Рене? — удивился Варгин.

— А вы его не знаете? — спросил архитектор.

— Понятия не имею! А вам разве известно, что это за граф?

Архитектор, который строил Михайловский замок, был очень видное лицо и слишком часто бывал в приемной самого императора Павла Петровича, чтобы не знать всего, что касалось двора.

Он объяснил Варгину, что граф Рене — один из приближенных французского короля

Людовика XVIII, проживающего в Митаве.

— Только зачем он зовет вас к себе, если вы, как говорите, незнакомы с ним? — спросил архитектор у Варгина, как-то подозрительно глядя на него.

— А я почему знаю? — добродушно ответил тот. — Может быть, заказ какой-нибудь.

— Может быть! — согласился архитектор. — Но, когда побываете у графа, все-таки лучше придите ко мне, чтобы рассказать, какое у него к вам дело.

Варгин молча поклонился и, вернувшись из замка домой и пообедав, в тот же день отправился в Новоисакиевскую улицу.

В те времена гостиницы в Петербурге еще назывались трактирами и далеко не отличались не только роскошью, но даже самыми простыми удобствами.

Трактир на Новоисакиевской был еще самый лучший, потому что француз, содержатель его, вел свое дело на заграничный лад.

Впрочем, заграничный, европейский лад выразался лишь в том, что номера были на вид немного поприличнее, кормили немного лучше да на лестнице и по коридорам был по-

ложен половик.

Хозяин брал за это втридорога, и потому в Новоисакиевской останавливались только знатные персоны, преимущественно иностранцы.

Граф занимал две комнаты: спальню и приемную.

Варгин, одетый в свое лучшее платье, поднявшись по лестнице в номера, спросил, где тут живет граф, которого он хочет видеть.

Его попросили подождать, и через несколько времени к нему вышел почтенный старик, в расшитом гербовыми галунами кафтане, которого Варгин принял за самого графа, вообразив, что его кафтан — придворный французский мундир.

Оказалось, что это — Баптист, камердинер графа, который с медлительной важностью показал рукой Варгину, чтобы тот следовал за ним, и повел его, показывая дорогу, проговорив по-французски что-то довольно длинное, чего Варгин не понял.

Варгин почувствовал себя словно участником какой-то торжественной процессии, когда следовал по коридору за стариком.

Тот подвел его к совершенно такой же, как и все другие выходявшие в коридор двери, только с написанными на них различными цифрами номеров, но отворил эту дверь, как будто она была совсем особенная, и, отворив, не впустил еще сразу Варгина, а вошел сначала сам, доложил и тогда уже распахнул дверь перед художником.

Граф с отличною вежливостью поднялся на встречу Варгину, приветливо улыбнулся ему и заговорил, часто сыпля словами, должно быть, что-то любезное.

Варгин, чтобы, со своей стороны, выразить возможную учтивость, ухмыльнулся и сказал:

— Вот именно!

— Вы говорите по-французски? — спросил на своем языке граф, показывая Варгину на стул против себя.

— Вот именно! — повторил тот и, полагая, что в словах графа было приглашение сесть, опустился на стул и добавил:

— Благодарю вас!

Графу стало ясно, что Варгин по-французски не понимает, а сам он знал по-русски лишь несколько обиходных слов.

— Вы, может быть, знаете по-немецки? — проговорил граф на немецком языке.

Варгин помотал головой.

— Nein, herr von Fürst, — с трудом выговорил он, подобрав тут, казалось, все известные

ему немецкие слова и называя графа фюрстом.

Графу было досадно, что Варгин не был знаком с иностранными языками, потому что дело, о котором он хотел говорить с Варгиным, слишком близко касалось его лично, и вмешательство посторонних лиц было излишним.

Между тем без этого вмешательства оказалось обойтись нельзя и пришлось в качестве переводчика призвать хозяина гостиницы.

Хозяин, очень толковый в своем коммерческом деле, явился очень неудачным толкователем расспросов графа и ответов Варгина.

Варгин искренно удивлялся, что у него спрашивают про какую-то девушку, которую якобы он видел вместе с доктором Герье.

Он не помнил никакой девушки, никакой девушки не видел и был уверен, что доктор Герье что-нибудь напутал.

Он так и просил переводчика передать графу.

Граф сначала думал, что к нему явился какой-нибудь другой художник Варгин, но когда тот сказал, что он — приятель доктора Ге-

рье, то предположил, что, вероятно, хозяин гостиницы плохо знает по-русски и плохо переводит его слова.

Как бы то ни было, но втроем они никак не могли столковаться, и граф ничего не мог узнать от Варгина. Пробившись с ним, по крайней мере, часа два, граф должен был отпустить художника, убедившись, что ничего от него не узнает.

А Варгин, возвращаясь домой, терялся в догадках и недоумевал, почему к нему пристают люди из совершенно различных миров — Силин и французский граф — с расспросами о девице, жившей в доме Авакумова, когда он ничего не знает о ней.

На другой день Варгин явился к архитектору Михайловского замка, как тот велел ему, и рассказал, зачем звал его к себе приближенный французского короля.

Архитектор выслушал, покачал головой и сказал Варгину:

— Знаете ли, что я вам посоветую? Бросьте вы эти политические сношения; вам, как человеку, который под моим ведением работает в будущем дворце государя, неудобно впуты-

ваться в политические дела, и я вас прошу, занимайтесь своей живописью и оставьте все остальное.

Архитектор был очень осторожный человек и слишком щепетильно относился к своему делу, считая, что лица, работающие у него на постройке дворца, должны исключительно заниматься ею и бросить все остальное.

— Да я вовсе и не занимаюсь политикой! — возразил Варгин. — Чем же я виноват, что французский граф прислал за мной и стал расспрашивать о девице, которой я не знаю! Очевидно, мой приятель, доктор Герье, или напутал, или просто ради шутки одурачил как-нибудь этого графа!

— А зачем, — спросил архитектор, стараясь как можно проницательнее взглянуть на Варгина, — ваш приятель, доктор Герье, поехал в Митаву?

"В самом деле! — стал вспоминать Варгин. — Зачем он поехал?"

— Да, право, не знаю! — проговорил он наконец. — По своим делам поехал!

— А вы не знаете, по каким?

— Нет.

— И приятель ваш не говорил вам?

— Нет.

— А почему же ваш приятель не говорил вам?

— Да почему я знаю? Может, и говорил, да только я забыл.

— Ну, уж этого не может быть! — воскликнул архитектор. — Как же вы могли забыть, если он вам говорил?

— Ну, значит, не говорил! — решил Варгин, которому начинали уже надоедать расспросы слишком осторожного и любознательного архитектора.

Вместе с тем архитектору не совсем последовательные и связные ответы Варгина показались подозрительными, и он далеко не дружелюбно расстался с художником.

Граф Рене так стремился скорее отыскать свою дочь и увидеть ее и ему так хотелось этого, что он не мог и подумать о том, что первый шаг его поисков, которым явилось неудачное объяснение с Варгиным, был началом, не предвещавшим ничего доброго.

Напротив, художника граф пригласил к себе так только, на всякий случай, вследствие того, что Герье указал ему на Варгина, как на своего приятеля.

Особенно граф не нуждался ни в нем, ни в его указаниях, так как знал главное, то есть у кого находится его дочь в Петербурге, знал адрес дома, где она живет, и этого ему было вполне достаточно.

Граф вчера, то есть в день своего приезда, был уже три раза в доме Авакумова, но не заставал хозяина, а потому велел передать тому, что приедет к нему сегодня в одиннадцать часов утра, и просил ждать его.

Переговоры с авакумовской прислугой граф вел при помощи лакея, взятого из гостиницы, который умел объясняться со всеми

иностранцами на каком-то совершенно особом, созданном им самим языке, состоящем по преимуществу из междометий и главным образом мимики, но так все-таки, что иностранцы понимали его, а он — иностранцев.

Понятно, с каким нетерпением ждал граф одиннадцать часов, и поэтому не задерживал Варгина, уверенный, что все обойдется и без него.

Без четверти одиннадцать граф подъехал к дому Авакумова, и тут его встретил Крохин, которого граф принял было за хозяина.

Крохин, хотя не бегло, но владел французским языком; он извинился перед графом, что сам хозяин дома, Авакумов, болен и что его видеть нельзя; потому и вчера не приняли графа, но что он, Крохин, теперь к его услугам и может передать Авакумову все, что нужно.

— Мне нужна моя дочь! — радостно заявил граф. — Я узнал, что она находится здесь, у вас, и приехал за нею!

— Ваша дочь? — удивился Крохин. — Каким образом ваша дочь может находиться здесь?

— Я сам этого не знаю, каким образом, но

женевец, доктор Герье, указал мне, что в этом доме, здесь, у вас, живет молодая девушка, похожая еще до сих пор на этот портрет, сделанный с нее около восьми лет тому назад, — и, говоря это, граф достал из кармана миниатюру и показал ее Крохину.

— Да, это, несомненно, она! — протянул тот, рассматривая портрет.

— Она? — подхватил граф. — Вы сказали «она»? Значит, вы знаете ее? Значит, она здесь?.. Так, ради Бога, скорее позовите ее, я горю нетерпением обнять мое дитя!

Граф был истый, природный француз и поэтому не мог обойтись без высокопарной фразы.

— Да, но, к сожалению, — сказал Крохин, — я не могу исполнить вашу просьбу...

— Но почему же? — воскликнул граф, не давая тому договорить.

— Потому, — продолжал Иван Иванович, — что ее нет здесь.

— Как нет? — вдруг упавшим голосом проговорил граф, и Крохин видел, как побледнел он.

— Она уехала! — пояснил Крохин. — И ее

здесь нет.

Граф мог произнести только одно слово:

— Куда?

Крохин пожал плечами.

— Не знаю! — проговорил он. — Об этом господин Авакумов мне ничего не говорил.

— Так, ради Бога, пойдите спросите у него! — умоляюще произнес граф. — Вы понимаете: я — отец, я не видел моей дочери семь лет, считал ее погибшей, словом, ради Бога, скорее пойдите, узнайте!

Графу в эту минуту хотелось, чтобы Крохин пошел скорее и спросил, куда уехала его дочь, и вместе с тем ему хотелось также расспросить и узнать, как она попала сюда.

Крохин пошел, вернулся, но для того лишь, чтоб сказать, что ничего не узнал от Авакумова, потому что тот лежит в состоянии полного бреда и беспамятства.

— Разве он болен серьезно? — спросил Рене.

— К сожалению, да! — вздохнул Иван Иванович.

Тогда граф стал спрашивать про свою дочь, как и когда она приехала сюда, но Кро-

хин почти ничего не мог рассказать ему, потому что сам не знал ничего.

Молодая девушка появилась здесь, в доме, приблизительно месяц тому назад, затем на этой неделе уехала, но Крохин не видел даже ее отъезда и не прощался с ней.

Паспорт у нее был на имя польской графини Луизы Омельской, и проживала она у Авакумова под видом дальней родственницы покойной его жены, которая была действительно польского происхождения.

Вот все, что знал Иван Иванович.

— Послушайте, — стал просить его граф, — проведите меня самого в комнату больного, может быть, он придет в себя, и, может быть, мне удастся что-нибудь узнать от него!

Крохин подумал с минуту, как бы не решась сначала, но потом проговорил:

— Хорошо, граф, пойдёмте!

И он провел его по коридору в спальню Авакумова.

В этой спальне, на небольшой железной кровати, за ширмами, метался в бреду старик, бормоча бессвязные слова, судорожно перебирая пальцами одеяло и мотая головой из сто-

роны в сторону. Глаза его лихорадочно горели и были бессмысленны, лицо и руки были покрыты ярко-красными пятнами. Старик был в таком состоянии, что нечего было и думать, по крайней мере сегодня, узнать от него что-нибудь.

Убедившись, что Авакумов в таком состоянии, что от него ничего нельзя узнать, граф Рене вышел из комнаты, держась по-прежнему прямо, и бодро прошел по коридору; но в столовой, куда они вышли из коридора, эта бодрость оставила его, он пошатнулся и ухватился за притолку.

В течение семи лет своей разлуки с дочерью он мучился и страдал этой разлукой, но никогда еще не чувствовал ее так остро, как сегодня, когда казалось близко и возможно, наконец, свиданье с нею.

Вместо этого свиданья он узнавал лишь — словно судьба хотела, подразнив счастьем, усугубить его горе, — что дочь его была тут и исчезла снова, неизвестно куда.

Граф едва дошел до столовой и тут не выдержал; голова у него закружилась, в глазах потемнело, и он, чтобы не упасть, схватился за притолку.

Но слабость его была лишь минутная, он сделал усилие и овладел собой, потому что не столько сознавал, сколько чувствовал, что

все-таки след был найден и хотя вместе с тем сейчас же и потерян, тем не менее это был след.

Нужно было, не теряя времени, искать дальше.

Крохин двинулся было к графу, чтобы поддержать его, но тот сам шагнул к столу, отодвинул стул и сел.

— Хорошо! — заговорил он. — Но ведь бесследно нельзя же уехать, и здесь, в доме, должно же быть кому-нибудь известно, куда отправлена моя дочь, проживавшая здесь под именем родственницы господина Авакумова?

— Ну, уж если я, — возразил Иван Иванович, — не знаю этого, то и никто в доме не знает.

— Но ведь она должна была уехать в каком-нибудь экипаже? На почтовых или на собственных лошадях? Если на почтовых, то легко справиться, по какому тракту.

— Она уехала на собственных! — сказал Крохин.

— Одна или кто-нибудь ее провожает?

— Этого я не знаю.

— Но экипаж должен же был вернуться?

Тогда можно будет спросить у людей.

— Хорошо, если экипаж вернется, тогда, конечно, можно будет спросить у людей; но вернется ли он и когда — это совершенно неизвестно!

— Так что остается одно только средство — ждать, пока старик придет в себя и будет в состоянии разумно отвечать на вопросы?

— По-видимому, так, потому что он один знает, куда уехала молодая девушка.

— Ну, а если он не придет в себя?.. Чем он болен?.. Отчего у него этот бред?.. Был ли доктор?.. Что говорит доктор?..

Никогда еще ничье здоровье так не интересовало графа, как здоровье этого чужого ему старика, которого он видел первый раз в жизни.

Крохин отвечал, что доктор был, причем сказал, что болезнь очень серьезна, но определить ее он не может сразу, что нужно выждать.

— Выждать чего? — спросил граф.

— Чтобы миновал кризис.

— А если этот кризис кончится смертельным исходом, и старик не придет в себя до са-

мой смерти?

— Тогда воля Божья! — проговорил Иван Иванович и развел руками.

— Воля Божья! — воскликнул граф. — Но Бог не допустит, чтобы я не нашел своей дочери; это было бы слишком жестоко; если вы говорите о воле Божией, значит, я так или иначе найду свою дочь.

— Конечно, найдете, — успокоительно проговорил Иван Иванович, — вам известен паспорт, по которому она проживает, известно, что она считается в России графиней Омельской, и по этому имени можно найти ее; стоит только добиться, чтобы по всем областям был послан запрос, где она находится.

— Да, разумеется! — обрадовался граф. — Все это можно сделать, и не только не потеряна надежда, но, наоборот, представляется полная возможность сделать так, чтобы розыски увенчались полным успехом. Я испрошу аудиенцию у императора Павла, буду умолять его, чтобы он вернул мне мою дочь, и он вернет мне ее, если даже господин Авакумов и не будет в состоянии сообщить, куда она уехала или куда увезли ее. А может быть, он

еще и придет в себя?

— Может быть! — подтвердил Крохин.

— Тогда могу я вас просить, чтобы вы спросили у него все нужные сведения?

— Будьте покойны! — поспешил его уверить Иван Иванович. — Я нахожусь тут безотлучно, и, если только он придет в себя, я спрошу.

— Но, Боже мой! — произнес с тоской граф, снова охваченный отчаяньем. — Все это неверно, гадательно и, во всяком случае, медленно и не скоро выполнимо, а мне хочется поскорее, как можно скорее увидеть мою дочь! А что доктор, который лечит господина Авакумова, я могу увидеть его и поговорить с ним?

— Я полагаю, что это очень легко, — проговорил Крохин. — Кстати, доктор, который лечит господина Авакумова, должен приехать сейчас; если вам угодно подождать его...

— О, да! Я подожду! — перебил граф.

В это время в сенях хлопнула входная дверь. Иван Иванович прислушался.

Почти сейчас же за дверью послышались быстрые шаги, и в столовую торопливо во-

шел Степан Гаврилович Трофимов.

— Вот доктор, — представил его Крохин графу, — который лечит здешнего больного.

Граф поднялся навстречу Трофимову и протянул ему обе руки.

— Доктор! — заговорил он. — Как я рад вас видеть... Скажите, пожалуйста, есть средство привести этого больного старика в чувство?... Это необходимо мне...

— Это — граф Рене, который ищет свою дочь, — пояснил Крохин Трофимову, — он знает, что она проживала здесь в качестве родственницы господина Авакумова, под именем польской графини...

— Простите, вы говорите по-французски? — обратился снова к Трофимову граф, хотя Крохин заговорил с Трофимовым на французском языке, и по этому уже можно было судить, что тот понимает по-французски.

Но граф казался очень взволнованным и не мог хорошенько сообразить то, что спрашивал и делал.

Трофимов на хорошем французском языке отвечал ему, что он к услугам графа и готов удовлетворить его желания, если нужна ему помощь.

— Помощь не мне нужна, — торопливо стал объясняться граф, — то есть, собственно, и мне, но, главное, этому старику...

— Господину Авакумову?

— Да, ему.

— Но ведь я его лечу и потому обязан сделать все зависящее от меня...

— Да, все зависящее, — повторил граф, — поэтому-то я к вам и обращаюсь... Можно вернуть его к сознанию, хотя бы на несколько минут, чтоб он ответил на один лишь вопрос?

— Можно, — спокойно подтвердил Трофимов.

— Ну, слава Богу! — воскликнул граф. — Тогда, ради Бога, сделайте это скорее...

— Можно, — продолжал Трофимов, — но я должен предупредить, что такая попытка может ускорить смертельный исход...

— Пусть, — проговорил граф, — но это необходимо!

— Граф, — остановил его Трофимов, — думаете ли вы о том, что говорите? Это необходимо, по вашему мнению, для вас или для самого больного?

— Вероятно, и для самого больного... Но

для меня это тоже почти вопрос жизни и смерти. Мне нужно, чтоб этот старик во что бы то ни стало дал ответ, где моя дочь... Он один знает, куда она уехала...

— И ради этого вы хотите рискнуть его жизнью и ускорить его конец, приведя его в чувство?

— Но ведь он все равно умрет!

— Он умрет — вы правду сказали, но если я и решусь вызвать в нем искусственно проблеск сознания, то исключительно ради него самого...

— Все равно — ради него самого, только сделайте это и спросите, куда уехала моя дочь и где я могу найти ее.

— Нет, если мне и удастся привести в чувство господина Авакумова, то светлый промежуток, который явится у него, будет настолько краток, что мне некогда будет говорить с ним о постороннем. Мне надо будет говорить с ним о нем самом... Едва ли и это успею я сделать...

— Значит, вы мне отказываете?

— К сожалению, с уверенностью могу сказать, что да, отказываю...

— Но это бесчеловечно, безбожно с вашей стороны!

Трофимов подошел к графу и взял его за руку.

— Граф, — проговорил он, — вы теперь взволнованы, но когда успокоитесь и придете в себя, убедитесь, обдумав и взвесив все хладнокровно, что бесчеловечным, скорее, являетесь в этом случае вы, чем я. Вы требуете, ради себя и своих целей то, что можно сделать лишь для спасения души другого человека...

— Вы — доктор, — воскликнул граф, — и не ваше дело заботиться о чьей-либо душе, на вашей обязанности лежат только заботы о теле. Душу же оставьте священникам... Если вы не захотите мне помочь, то я сегодня же привезу сюда другого доктора и попрошу его помощи...

Трофимов вскинул плечами.

— Как вам будет угодно, граф! Привезите другого доктора и послушайте, что он вам скажет!..

— Берегитесь, — стал угрожать Рене, — я могу показать вам, что имею достаточно силы... я дойду до самого императора...

— Как вам будет угодно!

— Так вы не согласны исполнить мою просьбу и, приведя в чувство больного, спросить его, куда уехала от него моя дочь?

— Я не могу сделать это!

— Хорошо же! — произнес тихим шепотом граф, повернулся и не прощаясь направился к двери.

Крохин последовал за графом, чтобы проводить его...

— Как зовут этого доктора? — спросил граф у Крохина на лестнице.

Тот ответил.

— Как? — переспросил граф.

— Трофимов, — повторил Крохин.

— Будьте добры, запишите мне его фамилию.

И граф достал из кармана таблетки с карандашом и подал их Ивану Ивановичу.

Тот написал по-русски и по-французски фамилию Трофимова.

Граф приостановился, как бы припоминая.

— Я где-то слышал эту фамилию, — сказал он. — Да! — вспомнил он сейчас же. — Мне упоминал о ней доктор Герье, но я не знал,

что господин Трофимов — тоже доктор; мне господин Герье ничего не сказал об этом.

— А вы видели доктора Герье в Митаве? — спросил Крохин.

— А вы почему знаете, что Герье в Митаве теперь? — удивился граф. — Разве вы...

И граф остановился, не договорив. Он понял, что этот господин, принимавший его тут, тот самый, который фигурировал в рассказе доктора Герье как управляющий Авакумова, и, судя по словам женева, был один из посвященных в том обществе, членом которого состоял и сам граф...

Тогда граф сделал ему рукою знак, условный между сочленами общества, чтобы узнавать друг друга, и ждал с его стороны ответного знака.

Со своим сочленом ему легко было бы продолжать разговор.

Но Крохин и вида не подал, что понял знак графа, и ничем не ответил ему...

Так граф и должен был уехать.

В то время как граф отправился в дом к Авакумову, хозяин гостиницы, француз, немедленно после разговора графа с художником Варгиным, при котором он был переводчиком, тоже вышел из дому, сел на извозчика и велел тому ехать на Невский.

Хозяин гостиницы, m-eur Vartot, или Вартот, как звали его по-русски, был сын известного в свое время парикмахера. Отец его имел широкую практику при дворе Елизаветы Петровны и, благодаря бывшим тогда в моде пудреным парикам, нажил недурное состояние.

Сын не нашел выгодным продолжать дело отца, продал парикмахерское заведение и открыл гостиницу, надеясь на большие доходы от этого предприятия.

На Невском Вартот остановился у католической церкви и там скрылся в широких дверях находившегося при церкви дома.

Здесь жил патер Грубер, высокопоставленный иезуит, вытеснивший отсюда католического митрополита Сестренцевича.

Вартот поднялся по лестнице как человек, хорошо знавший местные привычки и обычаи.

Дверь квартиры Грубера на лестницу никогда не была заперта, как будто в нее мог войти всякий, кто хочет.

Входивший в эту дверь обыкновенно не находил никого в прихожей, да и следующая комната также бывала пуста, словом, получалось впечатление, как будто патер Грубер жил совсем не скрываясь, на виду у каждого, кто бы пожелал заглянуть к нему.

Вартот, не найдя никого, по обыкновению, в передней, сам снял верхнее платье и направился в следующую комнату, где нарочно несколько раз громко кашлянул, чтобы дать знать о своем приходе.

Чуть-чуть приотворенная дверь во внутренние покои шевельнулась, и для всякого более наблюдательного, чем Вартот, человека сразу стало бы ясно, что за ним следили сквозь щель этой двери.

Но Вартот ничего не заметил и, когда сам отец Грубер появился перед ним, добродушно выразил свое удивление тому, как можно

жить с незапертыми входными дверьми.

Он каждый раз выражал Груберу это удивление и каждый раз неизменно получал один и тот же ответ:

"Мне нечего скрывать, сын мой, и прятать; украсть у меня ничего нельзя, потому что все мое богатство в моей душе, для сохранения которой нужны, скорее, не запертые, а отворенные двери!"

Так и на этот раз ответил Грубер Вартоту и добавил:

— Ты ко мне, сын мой, с какою-нибудь новостью?

Вартот был верный католик и послушный сын своего патера.

Он являлся, по приказанию Грубера, докладывать ему об останавливавшихся в его гостинице приезжих и обо всем, что узнавал о них, если это было нужно.

На него возложили такую обязанность в виде епитимий, а за это он получал заранее разрешение приписывать к счетам, сколько захочет, ибо своей епитимией искупал этот грех.

— Я вчера докладывал вам, — заговорил

Вартот, — что приехал в Петербург и остановился у меня граф Рене, из Митавы.

— И я сказал тебе, — продолжил патер Грубер, — чтобы ты по возможности осведомился, по какому делу пожаловал сюда граф.

— И я узнал! — заявил Вартот. — Он приехал для розысков своей дочери.

Грубер поднял брови и поджал губы.

— Для розысков своей дочери? — повторил он.

— Да, он призывал сегодня к себе художника Варгина.

— Так! — протянул Грубер. — Художника Варгина!.. Что-то помню! Дальше!..

— Он приятель с женевским доктором Герье, который теперь в Митаве; этот доктор рассказал графу, что видел здесь, в Петербурге, его дочь, что об этом знает также художник Варгин, а потому тот сейчас же послал за ним.

— И что же этот художник?

— Упорно отнекивался и уверял, что никакой дочери графа не знает и не видел, да и вообще никакой молодой девушки не помнит.

— Ну, а сам граф?

— Поехал сейчас в дом господина Авакумова.

Грубер прищурился и придал своему лицу выражение полного равнодушия.

— Хорошо, сын мой! — проговорил он. — Да благословит тебя Бог! Нам, разумеется, нет никакого дела до того, что твой граф Рене отыскивает свою дочь, но нам важно твое послушание и что ты исполняешь его так ретиво. Иди с миром!

Отпустив Вартота, Грубер постоял, прислушиваясь, пока затихли шаги послушного сына на католической церкви, затем повернулся и вошел в соседнюю комнату, имевшую несколько более жилой вид, чем огромный, почти пустой зал, в котором он принимал Вартота.

Здесь у него было что-то вроде парадного кабинета, куда входили к нему более важные посетители.

У окна здесь сидел высокий, плечистый господин с такими большими черными глазами, что они как бы затмевали собою все остальные черты его лица, и казалось, что на этом лице, кроме больших черных глаз, ниче-

го не было.

Сила их взгляда была такова, будто они искрились и светились.

— Вы слышали? — обратился к нему Грубер. — Вы слышали, брат Иосиф, что графу Рене открыто местопребывание его дочери и что он приехал сюда?

— Я все слышал! — ответил брат Иосиф.

— Я вам говорил, — начал Грубер, — что у меня было какое-то предчувствие, а предчувствие меня редко обманывает. Хорошо ли мы сделали, что поместили дочь графа у Авакумова?

— Авакумов вполне надежный человек; он всецело в наших руках и зависит вполне от нас! — сказал брат Иосиф.

— Положим, это так! — согласился отец Грубер. — Но окружающие его ненадежны! Этот Крохин мне подозрителен. Мне кажется, не замешались ли тут опять перфектибилисты?

— Нельзя же всюду только видеть их! — поморщился брат Иосиф.

— Однако! — возразил Грубер. — Уже самое появление молодой девушки на катанье,

на балаганах, как нарочно в экипаже, обращавшем на себя внимание, когда Авакумову было прямо приказано держать свою «родственницу» так, чтобы она никуда не показывалась, было по меньшей мере странно. А теперь вдруг графу уже известно, где его дочь, и он является за нею в Петербург. Поверьте, это работа перфектибилистов!

— Иллюминатов! — поправил брат Иосиф.

Перфектибилисты было тайное мистическое общество, образованное в XVIII столетии для тайной борьбы с деятельностью иезуитов.

Иезуиты старались выдать это общество за вредную религиозную секту и называли перфектибилистов иллюминатами.

— Впрочем, чья бы тут ни была работа, — сказал Грубер, — но нам нельзя допустить, чтобы граф Рене, или, вернее, так называемый граф Рене, нашел свою дочь, прежде чем нам выгодно будет указать ему, где она находится. Она слишком серьезное орудие в наших руках в отношении графа, чтобы мы не воспользовались этим орудием и не прекли открытую ныне ему возможность найти свою дочь самому.

— Но ведь если он, — возразил брат Иосиф, — уже поехал к Авакумову, то, вероятно, теперь поздно принимать какие-либо меры, и свидание состоялось.

— Этого не может быть! — улыбнулся Грубер. — Авакумов не смеет выдать ее, но нам все-таки нельзя сидеть сложа руки. Я вам поручаю осветить это дело сегодня же и так или иначе покончить с ним; поезжайте немедленно.

— Вы дадите мне какие-нибудь инструкции?

— Действуйте, смотря по обстоятельствам; я надеюсь на вас и уверен, что вы, обладая ва-

шей силой, устройте все сегодня же. Я вас буду ждать целый день, приезжайте ко мне, чтобы рассказать, что вы успеете сделать для вящей славы нашего ордена.

Брат Иосиф подошел под благословение патера и отправился.

Он был одет в платье светского человека и, очевидно, принадлежал к тайным иезуитам, которые, как известно, имеют право носить платье, соответствующее их положению в обществе и занятиям, избранным ими для достижения этого положения.

Должно быть, дело о дочери французского графа в достаточной степени интересовало патера Грубера, потому что, как только удался брат Иосиф, напускное спокойствие и уверенность быстро сбежали с него, и он в некотором волнении заходил по комнате.

В самом деле, в той сложной политической игре, которую вели иезуиты, молодая девушка, дочь лица, приближенного к королю Людовику XVIII, могла оказаться важным козырем, и раскрывать свои карты и показывать этот козырь прежде времени было не только нерасчетливо, но и неблагоразумно и даже

опасно.

Игра была нешуточная.

Бонапарт, первый консул Французской республики, искал союза с Россией против Англии, которая противилась и препятствовала возраставшему могуществу Франции, могуществу, тесно связанному с властью и возвышением самого консула Бонапарта.

Республиканского правительства во Франции Англия не признавала и покровительствовала и поддерживала — или делала вид, что покровительствует и поддерживает, — короля Людовика XVIII, нашедшего приют, денежную поддержку и действительное покровительство в России, у императора Павла Петровича.

Для того чтобы привлечь Россию на свою сторону против Англии, Бонапарту нужно было, чтобы изменилось расположение Павла Петровича к Людовику XVIII прежде всего.

И Бонапарт, не пренебрегавший никакими средствами в политике, решился в данном случае воспользоваться услугами иезуитов, потому что один из видных деятелей этого ордена, патер Грубер, своей ловкостью занял

выдающееся положение в Петербурге и сделался в то время настолько близким ко двору, что имел доступ к императору без доклада.

Грубер и его клеветы поэтому вели при русском дворе деятельную интригу против французского короля, и описанные нами события происходили как раз в разгаре этой интриги.

Вот почему отец Грубер, получив от Варто-та сведения о графе Рене, поспешил отправить сейчас же одного из самых сильных своих помощников, брата Иосифа, как нарочно, случившегося тут, и, отправив его, стал в явном волнении ходить по своей комнате.

Но напрасное волнение не могло ничему помочь и расстраивало лишь стройный ход мыслей непрерывно занятого отца Грубера. Терять время ему было некогда, и он, зная по опыту, что лучшим средством для отвлечения всякого беспокойства служит работа, сел к столу и принялся писать письма.

Занятый этим делом, он позвонил и, продолжая писать, приказал вошедшему на его звонок молодому человеку в сутане, с пробритой тонзурой на голове:

— Пошлите во дворец и просите передать, что я чувствую себя нездоровым и что сегодня не буду выходить из дому.

Часа через два, а может быть, и меньше, в дверь послышался легкий стук. Патер Грубер обернулся в своем кресле и сказал:

— Войдите!

В комнату вошел брат Иосиф; губы его улыбались, глаза, и без того блестящие, блестели совсем уже особенным блеском.

— Все хорошо, отец! — начал он, опускаясь на стул против патера Грубера как свой человек, не ожидая приглашения сесть.

— Слава Богу! — сказал Грубер, взглянул вверх и поднял руки, потом сложил их, склонил голову и остановил бесстрастный, спокойный взгляд на брате Иосифе.

— Я прямо отсюда, — начал рассказывать тот, — отправился к Авакумову и попал туда почти сейчас же вслед за графом Рене. Графа принял Крохин, а сам Авакумов лежит больной.

— На самом деле больной или же фиктивно? — спросил Грубер.

— Не знаю, этого я не мог выяснить, потому что Крохин был занят с графом и мне неза-

чем было подниматься наверх, потому что я узнал самое главное от лакея Станислава, доброго католика, преданного нам. Авакумов лежит, а настоящая ли у него болезнь или поддельная — не важно; если даже настоящая, то она гораздо лучше, пожалуй! Дело в том, что Луиза уехала уже несколько дней тому назад.

— Уехала? — переспросил Грубер. — Куда?

— Об этом не знает никто в доме, даже Крохин. Вероятно, Авакумов был предупрежден или сам проведал о приезде графа и поспешил принять меры. Куда он отправил Луизу, известно только ему одному.

— Но он отправил ее все-таки без нашего ведома и не сообщил нам ничего. Это странно!

— Вероятно, болезнь помешала ему сообщить.

— Значит, болезнь его действительная?

— Может быть. Но, во всяком случае, граф не узнал ничего, потому что Крохин водил его даже, чтобы показать ему Авакумова, который якобы или на самом деле лежит в бреду. Так граф и не мог допытаться.

— Вы это знаете наверное?

— Наверное.

— Какие доказательства?

— Мне говорил сам граф.

— Вы виделись с ним?

— Да, я был у него.

— У графа?

— Да.

— Каким же образом вы попали к нему?

— Поехал прямо в гостиницу, велел о себе доложить и был тотчас же принят.

— Под какой же фамилией вы явились?

— Под своей собственной, Иосифа Антоновича Пшебецкого.

— И не считаете это опасным?

— Ничуть.

— И граф сразу заговорил с вами, незнакомым человеком, о своей дочери? Неужели он так неосторожен?

— Нет. Я явился к нему от имени художника Варгина, назвавшись его другом.

— Вот как!

— Вы находите это смелым? Но убедитесь сейчас, что я мог поступить так. Я уверил графа, что художник немного полоумный... Кстати, нам, может быть, придется впоследствии

сделать этого художника действительно по-лоумным.

— Между прочим, — перебил Грубер, — я справлялся в своем алфавите: с этим художником мы уже имели дело несколько лет назад, когда произошла неудача с появлением сирены в Петербурге... Помните это дело?

— Помню очень хорошо и помню также художника и знаю, что он попадался на нашем пути.

— И напрасно мы его не устранили тогда! — закончил Грубер.

— Может быть, и не напрасно! — возразил Иосиф Антонович. — Он еще пригодится нам.

— Ну, а что же граф?

— Он поверил тотчас же в мою дружбу с Варгиным, как я сказал, что тоже видел его дочь. Граф находится теперь в таком беспокойном состоянии, что выболтал мне все свои намерения.

— Что же он намерен предпринять?

— Он хочет просить аудиенцию у государя.

— Так я и думал! — сказал Грубер. — Ну, с этой стороны будут приняты должные меры... Еще что?

— Еще... он хочет вести к Авакумову своего доктора, чтобы тот привел старика в чувство и спросил у него, где молодая девушка.

— Вы указали ему на доктора?

— Это было бы неосторожно. За доктором он пошлет из гостиницы, и я Вартоту оставил уже распоряжение, кого привести к графу, если тот потребует доктора.

— Конечно, так лучше! — согласился Грубер. — А кто теперь лечит Авакумова?

— В том-то и дело, какой-то Трофимов.

— Трофимов? — протянул Грубер. — Что такое Трофимов? Откуда он взялся? Я никогда не слыхал о нем от Авакумова.

— Трофимов явился у него недавно и вдруг стал почему-то близок с ним, но почему — Станислав не знает. Только Авакумов имеет к Трофимову такое доверие, что даже отпускал с ним Луизу.

— Так это она с ним каталась на балаганах?

— Вот именно. И теперь он каждый день бывает у Авакумова и лечит его.

— Надо осветить его личность во что бы то ни стало и узнать, что это за человек! — раз-

думчиво произнес Грубер.

Иосиф Антонович самодовольно улыбнулся.

— Это будет сделано! — проговорил он. — И первое же сведение о том, что делает господин Трофимов у Авакумова, мы получим сегодня же здесь, у вас.

— Каким образом?

— Сведения эти принесут сюда.

— Кто?

— Ни более ни менее как тот же Варгин.

— Художник Варгин придет сюда?

— И расскажет, что делает господин Трофимов у Авакумова.

— Каким же это образом?

— Очень просто. После разговора со Станиславом и перед тем, как ехать к графу, я побывал у художника Варгина; это очень интересный, в смысле психоза, субъект, и я вам ручаюсь, что он придет сюда и расскажет все; будьте покойны, нужно лишь подождать только.

— И долго? — спросил Грубер.

— Что?

— Нужно ждать?

Иосиф Антонович посмотрел на часы.

— Я думаю, не больше времени, какое необходимо, чтобы приготовить чашку шоколада и выпить ее.

— Отлично! — согласился Грубер. — Я вам сварю, если хотите, шоколада, и мы выпьем его, пока явится ваш художник.

Грубер умел отлично варить шоколад по совершенно особому способу и благодаря этому попал во дворец, угодив Павлу Петровичу приготовлением шоколада, что послужило ему первым шагом к милостям государя, привлечь к себе которые он уже постарался затем.

Когда Крохин проводил графа и вернулся в столовую, Степан Гаврилович стоял, приложив руку к лицу, закрыв глаза и опустив голову.

Заслышав приближение Крохина, Трофимов отнял руку, и Крохин почти испугался выражению тоски и горя, какое было у Степана Гавриловича.

Крохин хотел было кинуться к нему, пораженный его видом, но Трофимов остановил его.

— Я пройду к больному, — сказал Степан Гаврилович, — оставьте меня одного с ним, пусть никто не входит в спальню, пока я не выйду оттуда.

Спокойный голос Степана Гавриловича и уверенность, с которой он произнес эти слова, подействовали на Крохина.

Он с удивлением взглянул на Трофимова и с еще большим удивлением увидел, что лицо его стало снова бесстрастно, холодно и загадочно, как у каменного изваяния сфинкса.

Крохин понял, что такой человек, как Сте-

пан Гаврилович, не нуждается ни в соболезнованиях, ни в расспросах, что бы ни случилось с ним или что бы ему ни предстояло.

— Кстати! — добавил Трофимов. — Вы внимательно следите за прислугой?

— Один мне кажется подозрителен, — ответил Крохин. — Вольнонаемный лакей Станислав!

— И, кажется, вы не ошибаетесь! — подтвердил Трофимов. — Пожалуй, лучше отошлите его куда-нибудь, пока я буду в спальне... Или нет! — вдруг остановил он сам себя. — Чему быть, того не миновать; пусть события идут сами собой и пусть все делается, как надо, чтобы оно делалось!

Кивнув Крохину, Степан Гаврилович прошел через коридор в спальню Авакумова и сел у постели больного старика, остановив на нем пристальный взгляд.

Авакумов продолжал метаться на постели, перебирать руками одеяло и бормотать бессвязные слова, смысл которых трудно было понять, но по голосу и выражению больного было видно, что для него эти слова были мучительны и страшны.

Изредка больной вскидывал голову, широко открывал веки и большими, выкатившимися безумными глазами взглядывал на Трофимова, но, несомненно, не видел его и бормотал свое. Мало-помалу он ослабел, прилег на подушку, вытянул руки и затих. Трофимов продолжал сидеть и смотреть на больного.

Прошло довольно много времени. Наконец, затихший Авакумов открыл глаза, и по его взгляду можно было понять, что он увидел и узнал Трофимова.

— Скорее... еще раз... — хриплым, сдавленным голосом произнес Авакумов.

Трофимов молчал и не двинулся.

— Скорее, — повторил старик, — я хочу жить!

Трофимов не отвечал.

— Вы хотите уморить меня, — собирая последние силы, заговорил Авакумов, — но если так, я позову сейчас людей и расскажу им все, и если я умру, то и вас сгноят в тюрьме.

Трофимов как будто не слышал угроз старика; он в глубокой задумчивости, казалось, внутренне приглядывался к чему-то, словно взвешивая и внимательно следя за колебани-

ем чашек весов. Потом он, как будто уступив неотвратимому и неизбежному, решительно встал и направился к двери.

— То-то же! — прошептал Авакумов.

Степан Гаврилович вернулся, катя перед собой большое колесное кресло, и в этом кресле полулежал тот самый молодой человек, которого видел Герье у Авакумова лежащим в отдельной комнате.

Человек этот был так бледен, что в лице его не было, что называется, ни кровинки, и настолько слаб, что не имел сил не только двинуться, но даже поднять веки.

Трофимов подкатил кресло близко к кровати Авакумова, достал у него из-под подушки золотой шприц, обнажил руку бессильного молодого человека (рука эта была вся исколота) и быстрым движением вонзил шприц ему в тело.

Молодой человек дрогнул, и чуть слышный стон вырвался у него.

Трофимов вытащил шприц, наполненный уже кровью несчастного, сидевшего в кресле, и сделал этой кровью впрыскивание Авакумову.

В это время за дверью слышались шум, борьба, дверь распахнулась, и в комнату ворвался как бы обезумевший, в неистовом иступлении человек; другой напрасно силился удержать его.

Ворвавшийся был Варгин, а тот, который силился удержать, лакей Станислав.

Трофимов выпрямился, глаза его блеснули гневом и, вспыхнув, остановились на появившихся.

— Это преступление! — задыхаясь, пытался говорить Варгин. — Я видел все, вы... на каторгу...

Но он не договорил. Трофимов протянул к нему обе руки и сказал одно только слово:

— Спи!

Варгин пошатнулся, прислонился к притолоке и так и остался, замолкнув на полуслове.

Сзади него виднелось бледное лицо Станислава, который в ужасе глядел на Трофимова.

Тот, опустив одну руку, но другую держа вытянутою, подошел к Станиславу и тронул его за голову.

Станислав закрыл глаза.

— Ступай, очнись! — сказал ему Трофи-

мов. — И забудь все, что ты видел и слышал здесь.

Станислав покорно повернулся и неспешными шагами удалился по коридору.

— А ты, — обратился Трофимов к Варгину, — останься здесь, смотри, слушай и запомни, что произойдет сейчас.

Безвольно прислонившийся к притолоке Варгин сначала было так же покорно, как и Станислав, подчинился приказанию и оглянулся кругом. Трофимов в это время запирает дверь на ключ.

Но, взглянув на Авакумова и молодого человека в кресле, Варгин задрожал весь, лицо его исказилось судорогой, все тело его затряслось и стало дергаться в конвульсиях.

Трофимов, сдвинув брови, глянул на Варгина, быстро пригнулся к нему и дунул ему в лицо.

Этим дуновением он пробудил Варгина от гипноза, потому что дольше оставлять того в гипнозе было невыносимо — положение вышло слишком сложным, и натура Варгина не могла вынести.

Художник, загипнотизированный, должен был как будто наяву видеть и чувствовать, что происходило кругом и против чего возмущалось все существо его. Это было чудесно, с ним сделались конвульсии, которые могли бы иметь ужасные для него последствия, если

бы его не разбудили в тот же миг.

Но разбуженный Варгин помнил то, что видел сейчас, потому что ему приказано было помнить.

Трофимов подхватил его и усадил на стул.

— Подлец! Негодяй! Преступник! Что ты делаешь тут? — заговорил Варгин.

Он хотел эти слова крикнуть во весь голос, но крик не вышел, потому что не хватило сил, и он произнес их чуть внятно.

— Тише! Помолчи, потерпи! Сейчас все узнаешь! — старался удержать и успокоить художника Трофимов.

Но выведенный из гипноза Варгин не был уже во власти Степана Гавриловича и потому не подчинялся ему.

— Не замолчу! Не потерплю! — возмущался Варгин. — Я закричу...

Тогда Трофимов нагнулся к самому его уху и шепотом, едва слышно, сказал ему несколько слов.

Варгин вдруг отшатнулся от Степана Гавриловича, глянул и замолк.

Трофимов, в свою очередь, поглядел на художника и улыбнулся.

— Теперь веришь? — спросил он.

— Не знаю! — смущенно произнес Варгин. — Не может быть!

— Так подожди! И прежде чем судить о чем-нибудь, имей терпение наблюсти до конца, а потом суди, что хорошо, что дурно!

Слова, сказанные шепотом Трофимовым Варгину, произвели на того все-таки желаемое действие. Он уже имел вид сильно пораженного чем-то человека, ошеломленного и как будто готового в эту минуту сдать.

Трофимов воспользовался этой минутой и подошел к Авакумову.

Тот явно чувствовал теперь прилив бодрости и возвратившихся сил.

— Я вам давно говорил, — сказал он Трофимову довольно твердым голосом, — что мне нужна кровь свежего человека, что это тщедушное, изнуренное существо больше уже не годится для меня; я оттого и заболел, что нельзя было сделать более здоровое впрыскивание.

— Вы оттого заболели, — перебил его Трофимов, — что этот молодой человек, — он показал на лежавшего в кресле, — теперь благо-

даря вам выздоровел. Вы хотели, для того чтобы поддержать свою жизнь, подвергнуть его медленному умиранию...

— Так ведь вы же сами помогали мне в этом! — воскликнул Авакумов.

— Я помогал, но не вам, а ему, и способствовал его выздоровлению. Вы же сами шли на смерть и сами приготовили ее себе.

Авакумов моргал глазами и надвигал морщины на лбу, желая сообразить, что ему говорят.

Это было и ново, и неожиданно для старика. Его доктор, его сообщник до сих пор, Трофимов, которого он считал своим единомышленником, помогающим ему в страшном деле поддержания жизни чужой кровью, вдруг повел с ним совсем иные, странные и новые речи.

— Почему вы говорите о смерти? Какая смерть? — испуганно стал спрашивать Авакумов. — Я не смерти хочу, я хочу жить!.. И я жил бы, если б мне достали свежей крови... Тогда я привел себе человека, но его высвободили от меня... Он был молодой, сильный... Я снова ожил бы, и, конечно, этот уже исто-

щен...

— Он истощен, — снова подтвердил Трофимов, — но постоянные кровопускания дали ему выздоровление... Кровь его была отравлена болезнью...

Авакумов вдруг привстал.

— Как, отравлена?! — воскликнул он. — Значит, я вливал в себя и вы вливали в меня отравленную кровь?

— Вы сами хотели этого...

— Я не хотел отравленной крови, это ложь! Вы уморили меня...

Трофимов близко подошел к постели Авакумова.

— Теперь поздно, — заговорил он, — и напрасно жаловаться и упрекать. Теперь пришла минута, когда вы должны свести счеты со своим прошлым и со всем содеянным вами... Если кого вы можете упрекать, так только самого себя... Вспомните свою жену, которую вы замучили, вспомните, сколько страданий вы причинили людям, и вспомните, наконец, что вы хотели поддержать свою жизнь кровью другого человека и для этого держали его взаперти и безжалостно обходились с

ним. Одного было мало вам, и вы завлекли к себе другого, а чтобы разделаться с этим, который был, по вашему мнению, уже не годен, вы хотели отравить его, думая, что соблазните деньгами молодого доктора... Но судьба не допустила ужасного преступления, и доктор не взял с вас денег и не дал вам яда; а завлеченный вами молодой человек был освобожден, а тот, который был в ваших руках, вместо того, чтобы продлить вашу жизнь, как вы воображали, получил сам исцеление... Зло обратилось в добро и принесло вред одному лишь вам...

Долго говорил еще Трофимов, но слова его дубеждения не трогали старика Авакумова. Напрасно Степан Гаврилович призывал его к покаянию, напрасно убеждал его, чтоб он одумался, чтоб он признал свои прошлые грехи, ничего не действовало на злобного старика. Он не хотел верить, что близится его смертный час, что минуты его сочтены, требовал, чтоб его вернули к жизни, клял изменника, как называл Трофимова, и богохульствовал...

Варгин, присутствовавший при этой сцене, присмирел и наблюдал молча.

Теперь он видел, что правда как будто на стороне Трофимова и что в самом деле преждевременно было выводить заключение не в его пользу. Но в чем еще состояла эта правда и каким путем мог выздороветь молодой человек, обессиленный кровопусканиями, этого понять Варгин не мог.

Одно было несомненно, что злой старик Авакумов терпел наказание за прошлую свою жизнь, и наказание это было страшное.

Мало-помалу слова отчаяния, злобы и

ненависти, произносимые Авакумовым, потеряли связь, речь его перестала быть последовательною, он снова впал в бред и заметался по постели...

— Кончено, — проговорил Трофимов, — он умрет, не примирившись и не раскаявшись!.. Такова, видно, воля судьбы!..

Авакумов захрипел, и в горле у него слышалось бульканье, душившее его...

— Разве он умрет? — с некоторым ужасом спросил Варгин.

— У него началась уже предсмертная агония, — ответил Трофимов, — теперь уж ничто не спасет его... Ничем нельзя даже облегчить его страдания... Теперь за дело, Варгин!..

— За какое дело? — удивленно спросил тот, несколько, однако, не возражая против того, что Степан Гаврилович так попросту называет его по фамилии.

— Нужно как можно скорее, — пояснил Трофимов, — перевезти этого молодого человека ко мне, чтоб не оставлять его здесь... Кати кресло, помоги мне!

Они выкатили кресло в столовую, и здесь Трофимов начал распоряжаться...

Явился Крохин и стал отдавать приказания, какие требовал от него Степан Гаврилович.

Была сейчас же заложена карета, больного вынесли на тюфяке, уложили его в карету, в нее сел Трофисов с Варгиным, и они поехали...

Тут только на свежем воздухе Варгин свободно вздохнул и пришел в себя.

— Так это ты? Ах, чтоб тебя! — обратился он к Трофимову, дружески и, насколько позволяли обстоятельства, радостно взглядывая на него. — Теперь я вижу, что это действительно ты... но как же я не узнавал тебя до тех пор, пока ты сам не сказал мне?..

— Времени много ушло! — усмехнулся Трофимов, или, вернее, тот, кто называл себя этим именем.

— Да откуда же много? — возразил Варгин. — Напротив, все это, мне кажется, было так недавно!..

— Может быть. Но теперь узнать меня могут лишь тогда, когда я захочу... И я не открылся бы тебе, если бы это не было необходимо... Как ты попал к Авакумову?

Варгин сморщил лоб, припоминая.

— Не знаю... — проговорил он. — В самом деле, как я попал?.. Подожди — мне нужно куда-то еще пойти... Впрочем, успею... Нет, но я не ожидал никак, что вдруг Трофимов — ты!.. Да ты теперь гораздо старше своих лет на вид... у тебя морщины...

— Искусственные, мой друг!

— Ведь ты как в воду канул. И не писал ничего, и совсем не было слышно о тебе... И вдруг... Да еще при таких обстоятельствах!..

— Только благодаря этим обстоятельствам я и открылся тебе, чтоб убедить, что я не злодей и если делаю что-нибудь, то потому лишь, что уверен, что оно хорошо и нужно!

— Все-таки, знаешь, мне этот обескровленный молодой человек сомнителен...

— Вот приедешь домой и узнаешь, в чем дело...

— Ну, хорошо, я верю тебе, я должен верить! — согласился Варгин.

Теперь он имел основание верить человеку, называвшемуся Трофимовым; после того как тот шепнул ему несколько слов, чтоб остановить его горячность и неистовство, он

узнал в нем своего старого приятеля, Кирша...

Это был Кирш, давнишний приятель Варгина, принужденный скрываться по совершенно особым и очень сложным обстоятельствам. Варгин настолько знал и любил Кирша, что, как только тот открылся ему и дал узнать себя, он присмирел и поверил тому...

Патер Грубер сидел с братом Иосифом, или Иосифом Антоновичем Пшебецким, за шоколадом.

Они уже сидели так добрых два часа, а ожидаемый ими Варгин, который, по уверению Пшебецкого, должен был явиться и рассказать все, не приходил.

— Будьте покойны, он придет! — с неослабной уверенностью повторил уже в сотый раз Иосиф Антонович.

— Да почему вы так уверены? — спросил Грубер, терпение которого, по-видимому, начало истощаться. — Мне кажется, вы ошибаетесь!

— Я могу ошибаться, — возразил Пшебецкий, — в чем угодно, но только не в этом!

— Однако?

— Дело в том, что я нашел в этом художнике Варгине удивительный субъект для гипноза... А вам известна, кажется, моя сила в этом отношении.

— В вашей силе я не сомневаюсь... — начал Грубер, но Иосиф Антонович перебил его:

— Если не сомневаетесь, тогда верьте!

— Но я желал бы знать, как вы распорядились в данном случае своей силой? Дело мне кажется довольно сложным.

— Напротив, ничуть! Я уже много раз пользовался этим приемом и всегда получал желаемые результаты, находя в загнипнотизированных рабски исполнительных помощников, которые с удивительной точностью без страха и колебаний исполняют приказания, причем для этого лишь нужно, чтобы субъект был достаточно впечатлителен, а большей впечатлительности, чем у этого художника, я не встречал. Он должен выполнить с математической точностью все, что я ему велю, и прийти сюда во что бы то ни стало, чтобы рассказать нам.

— А что же вы ему велели делать?

— Приехав к нему и найдя его дома, я сразу увидел, каков он, и мне достаточно было поглядеть на него и подумать, чтобы он впал в гипноз, как это уже случилось, и он был в полной моей власти. Тогда я сказал ему, чтобы он следовал за мною, отвез его в дом Авакумова, сдал Станиславу и поручил тому дать

возможность художнику наблюдать за Трофимовым...

— Отчего же вы не поручили это просто Станиславу?

— Во-первых, Станислав недостаточно развит, чтобы понять и запомнить подслушанный разговор, а во-вторых, не забывайте, что мне нужен тут загипнотизированный человек, который, как машина, воспримет все услышанное и, являсь сюда, повторит от слова до слова, хотя бы даже это было на языке, для него неизвестном.

— Неужели это возможно? — полюбопытствовал Грубер.

— Вполне и безусловно. Загипнотизированный не только может запомнить и повторить чужую речь на незнакомом ему языке, но даже сам говорить на нем, если он только когда-нибудь слышал разговор на этом языке.

На этот раз этой протянутой руки было достаточно, чтобы Варгин, как бы привыкший уже к гипнозу, немедленно впал в него.

"Поразительная впечатлительность!" — подумал Трофимов.

— О да! — сейчас же ответил ему Варгин,

недвижно растянувшийся в кресле, с открытыми, остановившимися, как у мертвого, глазами.

— Ты, значит, можешь читать мысли? — спросил Трофимов.

— Да.

— И видеть на расстоянии?

— Да, да!

— Тем лучше.

— Я знаю уж, что ты хочешь, чтобы я сказал тебе... О, я скажу, потому что этот человек хотел мне сделать вред... Ты хочешь знать, куда я должен идти? Вот я выхожу на улицу... постой, я забыл надеть плащ— холодно, сейчас! Вот так... теперь хорошо! Я иду прямо, поворачиваю налево... О! Я на Невском! И тут на Невском дом, куда я должен идти. Вот он!..

— Какой же это дом? — тихо сделал вопрос Трофимов.

— Да католической же церкви! Разве ты не знаешь? Какой ты непонятливый!.. Я поднимаюсь по лестнице, дверь не заперта... Вхожу... в прихожей никого... потом пустой зал... потом еще комната: тут сидят двое...

— Ты знаешь их?

— Знаю... Один — патер Грубер, а другой — тот, который велел мне прийти сюда. Его Грубер называет "брат Иосиф"...

— Довольно, знаю! — остановил его Трофимов. — Так это брат Иосиф велел тебе прийти к нему?

— Ну, да!.. Только мне при них разговаривать нельзя с тобой, они услышат.

— Значит, он и послал тебя к Авакумову, чтобы следить?

— За тобой... — досказал Варгин. — Только, право, они услышат: и тебе и мне будет худо тогда!

— Уйди от них!

— Не могу! Я должен ему рассказать все... Боже мой! Мне тяжело... ты велел уйти, я ухожу, а мне нужно рассказать ему... мне нужно! Нужно!

Варгин заметался на кресле, и снова конвульсии задергали было его тело.

Теперь он должен был испытать на себе два противоположных влияния двух различных людей, которые подчинили его своей воле. Эти два влияния боролись в нем и причиняли ему страдания, вызвавшие новые кон-

вильсии.

Надо было сразу освободить Варгина от обоих влияний, и для этого требовались, действительно, огромная сила, знание и умение. Но, по счастью, человек, в руках которого находился Варгин, обладал этой силой, знанием и умением.

Трофимов немедленно остановил его ясно-видение и внушил ему спокойный, укрепляющий сон, а сам в это время перенес его на диван, раздел и долго возился над своим приятелем. Он тщательно проводил рукою по тем местам обнаженного тела Варгина, где находятся нервные центры, и, по мере того как он делал эти пасы, лицо Варгина становилось спокойнее и спокойнее, и, наконец, он задышал ровно и безмятежно, совершенно освобожденный от всяких последствий приемов гипноза, проделанных над ним как Трофимовым, так и Иосифом Антоновичем Пшебецким.

Работа Трофимова стоила ему немало: он заметно побледнел, пот выступил у него на лбу, от него потребовалась огромная затрата сил, но он перенес ее и выполнил свое дело до

конца. Зато ему было известно теперь, что иезуиты, до сих пор не подозревавшие, что под скромным именем Трофимова скрывается один из могущественных деятелей противоборствующего им общества перфектибилистов, обратили на него свое внимание, и это было очень важно для него.

Трофимов чувствовал значительное утомление, но сегодня для него выдался такой день, что отдыхать ему было некогда.

Едва он кончил свои пасы над Варгиным и почти в изнеможении опустился на кресло, за ним прислала сиделка, потому что, по ее мнению, больному было худо.

— Сейчас, сию минуту! — сказал Трофимов, продолжая сидеть, но в тот же миг, как бы спохватившись, вскочил и произнес: — Что же это я?

Трофимов знал, однако, что сейчас для больного молодого человека опять потребуются все его силы, а этих сил у него почти не было. Он достал из кармана маленький хрустальный флакон, налил из стоявшего на окне в библиотеке графина воды в стакан, капнул из флакона туда две капли и выпил залпом.

Через секунду Степан Гаврилович выпрямился и пошел, бодрый и крепкий, к больному.

Сиделка встретила Трофимова одним

лишь словом:

— Нехорошо!

Это была не простая сиделка, а знавшая, по-видимому, больше обыкновенной и привыкшая ходить за больными под руководством Степана Гавриловича.

— Нехорошо? — переспросил ее Трофимов. — В чем же дело?

— Пульса почти не слышно, и холодеет! — ответила шепотом сиделка.

Трофимов подошел к больному и взял его за руку. Пульс был так слаб, что его с трудом можно было различить, и рука была холодна как лед.

Трофимов стал в ногах постели, на которой лежал больной, и, вытянув руки и выставив вперед большие пальцы, начал водить ими над больным от себя и потом назад к себе. Изредка Степан Гаврилович кивком показывал сиделке на больного, та трогала его за руку и отвечала утвердительным наклонением головы, показывая этим, что теперь все идет к лучшему.

Пульс больного забился, тело согрелось, угасающая жизнь как бы возвращалась к

нему.

— Если опять заметите, позовите меня! — сказал Трофимов и пошел в библиотеку к Варгину. — Господи! Только бы сил хватило! — прошептал он, взявшись за голову.

Две капли, принятые им из флакона, были крайним средством, повторение которого не могло уже принести пользы. Трофимову нужен был отдых.

В библиотеке он нашел Варгина очнувшимся.

Художник очнулся и, увидев себя лежащим на диване раздетым, удивился, что с ним, и поспешил надеть на себя платье.

— Что это? Отчего я тут лежал голый? — спросил он вошедшего Трофимова. — Ну, брат Кирш, дела!.. — произнес он затем и добавил: — А все-таки я очень рад, что нашел тебя и что Трофимов оказался тобой. Теперь я смотрю на тебя и дивлюсь: как это раньше не мог узнать?

Варгин, освобожденный уже от влияния гипноза, помнил, однако, все внешние факты, происходившие вокруг него во время гипноза, потому что ему было сказано "наблюдать

и запомнить".

— Позабудь Кирша, — остановил его Трофимов, — и никогда не произноси этого имени; теперь я для тебя, как и для всех, Степан Гаврилович Трофимов, но, кажется, мне скоро придется переменить и это имя: мы уже обратили на себя благосклонное внимание отцов-иезуитов...

— Опять они! — воскликнул Варгин, имевший уже прежде случай сталкиваться с представителями иезуитского ордена и испытать на себе их обхождение.

— Да, опять они! — подтвердил Трофимов. — Но в том и состоит мое дело, чтобы по возможности обращать в добро то зло, на которое они способны.

— Так что, — проговорил Варгин, — этот обескровленный молодой человек — это их работа?

— Нет, в данном случае иезуиты виноваты только косвенно, а главная вина лежит на этом безбожном старике Авакумове, который, впрочем, теперь, вероятно, уже покончил земные счета.

— Успокой ты меня, пожалуйста! — стал

просить Варгин. — Расскажи мне про этого несчастного молодого человека, над которым ты сам производил препротивную операцию.

— Для этого, то есть для того, чтобы ты понял все как следует, — начал объяснять Трофимов, — нужны были бы некоторые познания... Впрочем, я постараюсь втолковать тебе, что смогу... Старик Авакумов был один из тех безумцев, которые соблазняются учением так называемой "черной магии", или «чернокнижием». У этого отвратительного учения есть свой ритуал и своя практика, в которой человеческая кровь играет и играла с незапамятных времен первенствующую роль. Убийство, обставленное гнусными обрядами, составляет необходимую принадлежность ритуала этих безумцев. Между прочим, они верят, что человеческая кровь способствует продлению и поддержанию жизни. В Древнем Риме времен императоров были в ходу ванны из свежей человеческой крови, для чего убивали рабов. То же самое проделывали и в средние века, и даже сравнительно еще недавно во Франции, во времена регентства, когда сам регент пользовался этими ваннами. Также верят и в то,

что кровь, перелитая непосредственно из жил молодого человека к старому, дает этому старому молодость и долговечность. Старик Авакумов желал испытать на себе такой способ телесного возрождения и жертвою для этого обрел молодого человека, тайно помещенного в его доме иезуитами на его попечение.

LXIV

— Значит, Авакумов обрек его на смерть? — спросил Варгин.

— Да, но этим он не смущался! — сказал Трофимов.

— Но разве он не боялся ответственности?

— Молодой человек был поручен ему тайно, и он находился в полной его власти.

— Все-таки он был поручен иезуитами?

— Они мало заботились о нем и, может быть, ничего не имели бы против, если бы его не стало. С этой стороны Авакумов не тревожился и знал, что ему никаких хлопот не будет. Он действовал, вполне уверенный, что его дело останется безнаказанным... Но тут явился к нему я...

— А-а! — проговорил со вздохом облегчения Варгин. — Так он до тебя начал выбирать кровь из этого молодого человека?

— Да. Я явился к Авакумову под видом доктора, который готов помогать ему в его операциях, иначе я не мог бы иметь доступа к его жертве и спасти ее из рук Авакумова.

— И ты все-таки добровольно проделывал

впрыскивания старику кровью живого человека?

— Да, потому что это было не только полезно, но необходимо именно этому живому человеку. Слышал ты когда-нибудь о системе лечения доктора Месмера?

— Слышал! — ответил Варгин.

— А знаешь, в чем она состоит?

— В магнетизме.

— В магнетизме, это правда! Но есть много способов, чтобы применять его, и вот один из таких способов состоит в следующем: больного гипнотизируют, то есть заставляют его заснуть, внушая ему сон ясновидения, и в этом ясновидении он сам называет свою болезнь и сам указывает средства к ее излечению, так что врачу остается только тщательно и неуклонно применять эти средства. В парижской клинике был уже случай, когда больной чахоткою предписал себе кровопускания столь частые, что он находился в таком же состоянии, в каком находится теперь молодой человек, которого ты видел. Доктора-академики сильно сомневались в благополучном исходе, и только один молодой последователь

Месмера взял на себя всю ответственность и продолжал делать кровопускания, время от времени гипнотизируя больного и спрашивая его указаний. Больной ослабел до полного истощения, и, когда потребовал еще нового кровопускания, самый ярый последователь Месмера усомнился, хотя все-таки исполнил требования больного. И больной не только оправился от бессилия, но и выздоровел вполне от своей болезни. Этот факт засвидетельствован официальными врачами парижской клиники и удостоверен печатно.

Трофимов достал из шкафа книгу, перелистал ее и показал печатный протокол, подписанный парижскими врачами и подтверждающий его слова.

— Не будь этого свидетельства, — продолжал он, — я, может быть, не решился бы произвести такой рискованный опыт. Но случай в парижской клинике показал целесообразность такого лечения. Когда старик Авакумов, приняв меня в свои сообщники, допустил меня к молодому человеку, я попросил оставить меня с ним и, легко вызвав у него сон, спросил, чем мне лечить его от кровопусканий,

которые делал ему Авакумов до меня. Больной отвечал, что от кровопусканий ничем лечить его не нужно, но что они сами составляют для него лечение, и только они могут спасти ему жизнь. Больной потребовал, чтобы они продолжались. Тогда, вместо того чтобы тем или другим способом вырвать молодого человека из рук Авакумова, я оставил его в заключении и, вспомнив парижский случай, смело продолжал делать кровопускания, наполняя свежую кровью шприц и впуская ее Авакумову, как он сам требовал этого. Я знал, что Авакумов отравляется зараженной кровью, уговаривал его перестать, но тот настаивал, вместе с тем ища для себя другой жертвы, то есть сильного и крепкого молодого человека. В безумстве своем Авакумов заманил к себе в подвал...

— Молодого Силина? — подсказал Варгин. — Так вот для чего запер его Авакумов? Вот подлец!

— Но Силин был выпущен согласно моим указаниям, — сказал Трофимов.

— Так это ты послал молодую девушку, чтобы она освободила его?

Теперь Варгин, освобожденный от гипноза, восстановил в своей памяти всю историю с молодой девушкой и все, что относилось к ней.

— Да, я ее послал, — подтвердил Трофимов. — Старик был страшно взбешен этим, но волей-неволей должен был довольствоваться "пациентом доктора Герье", как он называл молодого человека, после того как показывал его доктору Герье с целью купить у того яд. Когда Герье был у Авакумова, молодой Силин сидел в подвале. Сегодня больной назначил себе последнее кровопускание, и как раз оно совпало с последним требованием безумного старика. Я исполнял здесь волю судьбы, и не в моей власти было изменить ее. У старика Авакумова началась агония, с ним уже кончено, и теперь надо употребить все старания, чтобы поддержать угасающую жизнь молодого человека и дать его природе возможность повернуть на полное выздоровление. Сегодня целый день мне нужно не отходя следить за больным, но не знаю, хватит ли у меня на это сил... Если же я ослабею, тот не выживет.

— Может быть, я могу помочь? — наивно

предложил Варгин.

— Нет, милый! — улыбнулся Трофимов. — Ни тебе, ни кому другому не помочь! Тут нужны долгая подготовка и особенная сноровка!

— Так что тебе заменить себя некем?

— В том-то и дело что нет! — сказал Трофимов. — И вся ответственность лежит на мне одном.

Грубер с Пшебецким просидели до позднего вечера, и, наконец, Иосиф Антонович уехал, стараясь казаться как можно спокойнее, но на самом деле порядочно-таки встревоженный; он положительно недоумевал, что могло случиться с Варгиным и отчего тот не пришел.

Конечно, Пшебецкий прямо от Грубера отправился в дом к Авакумову.

Там входные двери на подъезде были отперты настежь, и у крыльца стояли несколько чуек, а впереди них купеческий кафтан в картузе.

— Что это такое? Кто это? — спросил Пшебецкий, слезая с извозчика.

— Гробовщик! — ответил кафтан.

— Гробовщик? — удивился Иосиф Антонович. — Кто же умер здесь?

— Сам хозяин этого дома, — ответил гробовщик, — изволили преставиться в Царствие Небесное.

Пшебецкий быстро взбежал на крыльцо.

Большой зал авакумовского дома, обычно-

венно и прежде мрачный, теперь принял неприглядно тяжелый вид.

Шторы были спущены, зеркала завешены простынями, а посреди, на покрытом белой скатертью столе, лежало тело старика Авакумова, освещенное четырьмя восковыми свечами, стоявшими вокруг стола.

Пшебецкий только заглянул в зал и повернул в столовую, ища кого-нибудь, потому что, кроме двух лакеев в сенях, ему не попало ни живой души.

Казалось, весь верхний этаж этого дома был пуст и люди разбежались отсюда, и только мертвый отвратительный старик лежал на столе в огромном зале.

Пшебецкий прошел коридор, осмотрел несколько комнат, заглянул в официантскую — никого!

Ему стало жутко. Когда он шел назад по коридору, ему послышалось, что кто-то идет за ним сзади, и было мгновение, что он не решился обернуться — такой внезапный панический страх безотчетно овладел им. И, ускорив шаги и не оглядываясь, он вернулся в столовую, не сомневаясь уже теперь, что за ним

шли.

В столовой Пшебецкий обернулся наконец и увидел сзади себя Крохина, который, склонив голову набок, спокойно и просто глядел на иезуита.

— Это вы? — вздрогнув, воскликнул Пшебецкий, узнав Крохина. — Отчего тут нет никого?

— Как нет? Я все время за вами хожу, — ответил Крохин, — это вы бежите из комнаты в комнату, так что и не остановишь вас.

— Немудрено! Побежишь! — отрывисто заговорил Пшебецкий. — Эта смерть совершенно неожиданна... я никак не думал найти его на столе, и вдруг...

— Он несколько дней уже был болен! — пояснил Крохин. — Смерть совсем не неожиданная.

— А кто его лечил?

— Доктор.

— Какой?

— Доктор Трофимов.

— Отчего же он умер?

— Не знаю! — пожал плечами Крохин. — Это дело доктора...

— Вот именно, — подхватил Пшебецкий, — мне желательно было бы повидать этого доктора!

— Поезжайте к нему или пригласите его к себе.

— А как его адрес?

Крохин подробно объяснил, где находится дом, в котором живет Трофимов.

— Как же он умер? — продолжал спрашивать Пшебецкий.

— Как умер? Отдал Богу душу, да и все тут.

— Ну, а теперь Трофимов был сегодня здесь?

— Был.

— Задолго до смерти?

— Нет, не очень... часа за два, пожалуй. При докторе началась агония, причем он сказал, что все кончено, и уехал.

— И тут ничего не случилось?

— То есть что случилось? Когда?

— А вот когда был тут доктор Трофимов?

— Нет, кажется, ничего.

Иосиф Антонович двинул рукой, должно быть, в знак выражения своего нетерпения. Он глянул прямо в глаза Крохину, и взгляд

Иосифа Антоновича красноречивее слов сказал: "Не верю, тут должно было что-нибудь произойти, только ты сказать мне не хочешь".

Крохин, не сморгнув, выдержал его взгляд и потом скромно опустил голову.

"Я заставлю тебя говорить", — думал Пшебецкий и протянул к Крохину руки.

Но тот улыбнулся, покачал головой и сказал:

— Напрасно, брат Иосиф, со мной ничего не выйдет, я не подчинюсь вашему влиянию.

— Как не подчинишься? Как не выйдет? — запальчиво почти крикнул Пшебецкий, с силой потрянул руками и всем существом своим сказал повелительно: — Спи!

В ответ раздался сдержанный, насмешливый хохот, словно эхо, прозвучавший в устах Крохина.

— Я вам говорю, напрасно! — повторил он. — Пойдите лучше попробуйте на ком другом свою силу, а для меня она не страшна!

Пшебецкий почувствовал себя смущенным.

В первый раз ему приходилось встретиться-

ся с человеком, который давал ему такой бесспорный отпор.

Простой, обыкновенный человек не мог дать ему этого отпора, и для него стало ясно, что Крохин, по-видимому, совсем не такой ничтожный приживальщик в доме Авакумова, каким он казался до сих пор.

"Очевидно, это перфектибилист!" — сообразил Пшебецкий и решил немедленно же сыграть на отступление.

— Я сам не знаю, что говорю! — стал извиняться он. — Меня так взволновала эта смерть и потом испугало ваше появление, что я сам хочу успокоить себя, а говорю вам «спи»! Это бывает, почтеннейший господин Крохин, не правда ли, а?

— Бывает! — согласился Крохин.

— А когда будет завтра панихида? — спросил Иосиф Антонович.

— В час дня.

— Так, хорошо, я завтра приеду на панихиду, а пока до свиданья!

И, повертевшись, Пшебецкий направился к лестнице, прося не провожать его и уверяя, что он уйдет один.

Крохин поклонился ему в знак согласия.

На лестнице Иосиф Антонович встретил Станислава и спросил у него:

— Что случилось?

— Барин умер! — ответил Станислав.

— Я не про то спрашиваю! Что случилось с тем человеком, которого я поручил тебе?

Станислав вытаращил удивленные глаза на Пшебецкого.

— С каким человеком?

— Ты разве не помнишь? Сегодня.

— Ничего не помню.

— Так! — протянул Иосиф Антонович.

Больше он Станислава не спрашивал: брат Иосиф сразу понял, в чем дело, и теперь уже не сомневался, что тут вмешались недруги иезуитского ордена.

Пшебецкий надел шляпу и вышел, а на верхней площадке на лестнице стоял Крохин, который слышал его короткий разговор со Станиславом, и, улыбаясь, поглядел брату Иосифу вслед.

LXVI

В течение дня несколько раз призывала сиделка Трофимова к больному, лишь только тот начинал холодеть. Степан Гаврилович возобновлял свои пасы, и больному становилось лучше.

Наступил вечер. Трофимов не отпустил Варгина и оставил его, уговорив ночевать у себя.

Вечером, после значительного промежутка времени, сиделка опять потребовала Трофимова, потому что больному снова сделалось худо.

Степан Гаврилович пошел, но едва держался на ногах от усталости; он был заметно бледен, и эта усталость лишила его уверенности в своих силах. Подходя к постели больного, он уже чувствовал эту неуверенность, но преодолел ее и, собрав всю, что оставалась у него, энергию, вытянул руки и стал двигать ими.

Сиделка, привыкшая уже к тому, что сейчас больной начнет согреваться, держала его за пульс, чтобы дать знать Трофимову кив-

КОМ ГОЛОВЫ, КОГДА ПОЯВИТСЯ ДЕЙСТВИЕ МАГНЕТИЗМА.

Трофимов добросовестно водил руками, сиделка, однако, была неподвижна.

Степан Гаврилович так и ожидал этого. Он ослабел и с ужасом должен был признать, что слабость его может быть губительна для больного.

— Неужели ничего? — шепотом спросил он у сиделки.

Та покачала головой и прошептала:

— Ничего... холодеет по-прежнему...

Трофимов сделал последнее усилие, на-пряг все свое существо, но это не помогло.

Делать было нечего. Степан Гаврилович подошел к больному, взял его руку и не мог различить пульса. Он приложил ухо к груди молодого человека, и ему показалось, что сердце не бьется. Больной — бледный, холодный — лежал недвижимый, как мертвец.

Трофимов опустил голову.

— Ослабел! — прошептал он. — Слишком многое взял на себя! Кажется, все кончено! — обратился он к сиделке, и в его голосе послышалась такая скорбь, такая тоска, что сиделка

с искренним сожалением поглядела на Трофимова.

— Вы передохните немного! — посоветовала она. — Может быть, силы вернутся к вам.

Трофимов отрицательно покачал головой.

— Нельзя ли послать за другим доктором? — предложила сиделка.

Трофимов улыбнулся.

— В Петербурге нет доктора... мало того, я думаю, нет человека, — проговорил он, — который заменил бы меня в данном случае. Смерть этого больного на моей душе, и некому помочь, разве если совершится чудо и будет оказана помощь свыше, потому что человеку не дано воскрешать мертвых.

— Так он мертв, по-вашему?

— Кажется мне! Я боюсь этого!

— Чего вы боитесь? — раздался в это время голос в дверях, и фигура Крохина показалась на пороге.

Трофимов кивнул ему и показал глазами на больного.

— У меня не хватило сил поддержать его! — проговорил он. — И молодой человек умирает, если уже не умер!

Скромный, почтительный и, скорее, робкий Крохин вдруг, к удивлению Трофимова, преобразился весь: стан его выпрямился, и он быстро шагнул к постели, положил руку на сердце больного, выждал немного, затем поспешно обнажил ему левый бок и стал проводить над ним рукой.

Крохин одними глазами показал Трофимову на руку больного, и тот понял, что должен взять ее, чтобы следить за пульсом.

Взяв руку больного, Степан Гаврилович с радостным изумлением сейчас же заметил, что слышит, как бьется пульс.

Трофимов и не подозревал до сих пор, что Крохин обладает силой в той степени, в какой она нужна была тут. Но результаты были налицо, пульс поднимался и рука согревалась.

Крохин дотронулся до лба больного и спросил его по-французски:

— Ты будешь жить?

— Да! — ответил больной.

— Что для этого нужно сделать?

— Дать мне вина...

— Скорее вина! — сказал Крохин.

— Оно готово, здесь! — ответил Трофимов, а сиделка в это время налила уже в рюмку вина и подала ее Крохину.

Тот осторожно по капле стал вливать вино между стиснутых зубов больного и, влив ему полрюмки, отдал рюмку назад сиделке, проговорив:

— Довольно!

Прошло минут десять, показавшихся всем присутствующим целою вечностью. Они стояли, затаив дыхание, и следили, какое действие произведет вино на больного.

Степан Гаврилович видел, как бледные веки сначала начали дрожать, потом открылись, чуть приподнявшись, опустились снова, но этого было достаточно.

Затем на щеках больного явился как бы признак румянца, легкий, чуть заметный розовый налет, и грудь его стала подыматься, сначала редко, потом все чаще и чаще.

— Слава Богу, он спасен! — вырвалось у Трофимова. — Я не подозревал, — обратился он к Крохину, — что могу в вас найти помощника, иначе я давно обратился бы к вам.

Тот только наклонил голову.

— Больше уж нечего опасаться, — сказал Крохин. — Мы можем оставить этого молодого человека, теперь он нуждается лишь в покое, а вам самим, Степан Гаврилович, необходимо восстановить свои силы, они вам понадобятся!

— О, обо мне не беспокойтесь! — возразил Трофимов. — Сон подкрепит меня, и к завтрашнему утру я буду как ни в чем не бывало.

— К завтрашнему утру, может быть!.. Но вам еще сегодня, вероятно, придется вынести борьбу, для которой нужно быть готовым.

— Неужели еще сегодня? — спросил Трофимов.

— По всей вероятности. Пойдемте!

И они вышли из комнаты, где лежал больной.

Варгин сидел в библиотеке и читал трактат Во теории Месмера и о лечении по его способу.

Трофимов с Крохиным остановились в гостиной.

— Что же мне еще предстоит сегодня? — спросил Трофимов, опускаясь в кресло.

— Дело в том, — стал объяснять Крохин, — что теперь среди иезуитов в Петербурге один из самых сильных тайных сочленов этого ордена!

— Иосиф Пшебецкий? — сказал Трофимов. — Я знаю это!

— Но и он, кажется, знает и, во всяком случае, подозревает, что именно мы стоим здесь поперек дороги отцов-иезуитов. Сейчас он был у нас, видел мертвого Авакумова...

— Он умер?

— Да. Пшебецкий приезжал, спросил, кто лечил старика, и спросил ваш адрес. Он, вероятно, сегодня же вечером либо приедет сам к вам, либо пришлет за вами, как за доктором.

— Я его могу не принять, если он приедет,

и не поехать к нему, если он пришлет за мной.

— Это будет похоже на то, что вы скрываетесь, как будто боитесь его, а этого не должно быть.

— Ваша правда! — согласился Трофимов. — Лучше мне увидеться с ним сегодня же, если он будет искать этого.

— В таком случае вам надо подготовиться; необходимо, чтобы в случае чего вы оказались сильнее его и чтобы он не мог никаким внушением оказать на вас влияние.

— Но для этого мне нужен отдых; я сегодня днем принял уже последние две капли эликсира, которые поддержали меня, новый прием будет для меня губителен.

— Надо обойтись, значит, без эликсира.

— Да, но как?

— Сейчас вы увидите. Вы знаете, что человек может воспринимать электричество, как самый обыкновенный аппарат, потому что сам он представляет собой один из совершеннейших аппаратов в этом смысле. Из одного аппарата в другой могут быть переданы, значит, лучи электричества, и человек может пе-

передать их другому человеку.

— В этом я не сомневаюсь...

— Ну, тогда я вам послужу передатчиком.

— Но... — начал было Трофимов.

— Вы сомневаетесь, достаточно ли я сам буду силен?

— Скажу откровенно, отчасти я сомневаюсь и в этом, но, главное, на самих вас может нехорошо подействовать этот опыт.

— Не беспокойтесь... Сидите смирно!

Крохин подошел к Трофимову, одну руку положил ему на грудь, другую на голову и замер на время в таком положении.

Трофимов сейчас же почувствовал тот особый, неизвестный обыкновенным людям ток, различать который и владеть которым научился, будучи посвящен в сокровенные знания природы, а следовательно, и человека, потому что человек есть вся природа в уменьшенном, концентрированном, так сказать, виде.

Мало того, Степан Гаврилович поразился силой этого тока. Он никак не мог ожидать, что такой человек, как Крохин, обладает этою силой.

— Да вы действительно сильнее меня, я чувствую это! — удивился Трофимов.

— Тише, погодите! — остановил его Крохин, проводя теперь руками у его висков.

Вскоре Трофимов ощутил такую бодрость в себе, что как будто никогда и не было у него усталости.

— Ну, что? — спросил Крохин.

— Отлично. Теперь я не боюсь не только одного Иосифа Пшебецкого, но десятерых таких, как он...

— В добрый час, — сказал Крохин, — это тем более кстати, что вот, кажется, идут уже за вами.

В самом деле, в это время входил лакей, который доложил, что прислан человек за Трофимовым: он-де нужен больному для немедленной помощи.

Больной, просивший этой помощи, был Иосиф Антонович Пшебецкий.

— Хорошо, — сказал Трофимов, — велите передать, что я сейчас приеду...

— За вами прислана карета, — возразил лакей, — просят ехать немедленно...

Трофимов взглянул на Крохина. Тот смот-

рел на Степана Трофимовича, как бы ожидая, что он скажет.

— Я поеду в его карете! — решил Трофимов. — А вы останьтесь здесь до моего возвращения, чтобы, если понадобится, дать помощь нашему больному молодому человеку.

— Будьте уверены, что все будет сделано, — успокоил его Крохин. — Поезжайте и будьте осторожны...

Трофимов быстро собрался и уехал.

Часа через два, уже за полночь, он вернулся.

— Ну, что? — спросил его Крохин.

— Все хорошо! — ответил Трофимов. — Брат Иосиф в моих руках теперь.

— Уверены ли вы в этом?

— Вполне. Настолько уверен, что сейчас же сяду писать об этом в Германию подробный отчет...

LXVIII

На другой день рано утром к Груберу вошел Иосиф Антонович Пшебецкий, торжествующий, и на вопрос патера ответил теми же самыми словами, как и Трофимов на вопрос Крохина:

— Все хорошо!

— Неужели? — недоверчиво переспросил Грубер. — А я боюсь, не сделали ли вы промаха с этим художником? Он не появлялся... А если он в руках этих людей, то вы знаете, что и они владеют знанием тайн природы, а также и тою силою, которою пользуетесь вы сами. Смотрите, как бы они не перехитрили нас...

— Это невозможно! — с самодовольною улыбкою убедительно произнес Пшебецкий. — Пусть они владеют силой, но я сильнее...

Брат Иосиф понял, что Грубер говорит о перфектибилистах, которых иезуиты прозвали иллюминатами.

— Итак, значит, мы снова и здесь, — проговорил Грубер, — столкнулись с этими

людьми?

— Иллюминатами?

— Да. Опять они на нашей дороге!

— Но на этот раз против нас выступают слишком слабые силы с их стороны. Я вам говорю, что могу, не хвастая, сказать, что я сильнее их...

— Так рассказывайте по порядку.

— Хорошо, я расскажу по порядку. Прежде всего я вчера отправился прямо от вас к Авакумову, чтобы узнать, что там произошло, потому что непоявление художника все-таки беспокоило меня...

— И меня тоже, да и беспокоит посейчас, — вставил Грубер.

— Все отлично, я вам говорю, — продолжал Иосиф Антонович, — беспокоиться нечего. Радоваться нужно... Итак, я отправился к Авакумову и нашел его мертвым.

— Как, мертвым?

— Да, на столе. Он скончался вчера днем от болезни, которую страдал в последние дни...

— Что же это за болезнь?

— Заражение крови...

— И что же, теперь местопребывание мо-

лодой девушки осталось неизвестным?

— Не торопитесь. Все известно и все хорошо. Несомненно, однако, что живший при Авакумове Крохин принадлежит к иллюминатам...

— Ну, вот видите, а вы говорите, что все хорошо...

— Я и еще скажу вам. Несомненно также, что молодая девушка, дочь приближенного французского короля, в настоящее время в руках иллюминатов...

— Я и в этом не вижу ничего хорошего...

— Совершенно верно, и оно было бы очень нехорошо, если бы нам не было известно, где она находится...

— Да мне и неизвестно!

— Но мне-то известно и я сейчас расскажу вам... Дело в том, что находившийся при Авакумове Крохин не поддался силе гипноза, он противостоял ей...

— Может быть, он загипнотизировал вас самих?

В тоне Грубера слышалась уже почти насмешка.

— Нет! — воскликнул Пшебецкий. — Заве-

ряю вас честью, что не родился еще человек, который был бы в состоянии привести меня в гипноз. Крохин не поддался мне — правда, и из этого я заключил, что он должен принадлежать к иллюминатам, которым, к несчастью, открыты знания гипноза, а иначе он поддался бы мне. Убедившись, что это за человек, я, разумеется, заинтересовался другим, то есть этим Трофимовым, который в качестве доктора лечил умершего старика Авакумова...

— Ну, и что ж этот Трофимов?

— Вероятно, тоже иллюминат. Лакей Станислав, преданный нам католик, ничего не помнил: как будто я ему и не поручал никогда художника Варгина — ясно было, что ему приказали это в гипнозе.

— Кто же? Чьих это рук дело? — нетерпеливо спросил Грубер.

— Трофимова.

— Странная фамилия! Она слишком проста, чтобы быть настоящей. Я уверен, что под ней скрывается кто-нибудь...

— Из ранее известных нам?..

— Может быть.

— Это мы выясним.

— Может быть, под именем Трофимова скрывается сам Альбус: он несколько раз уже приезжал в Россию.

— В таком случае тем лучше. Если это Альбус, то сам Альбус, значит, в наших руках, — самодовольно улыбаясь, сказал Пшебецкий.

Альбус было мистическое, известное иезуитам имя одного из самых опасных врагов их — иллюминатов.

— Amen![2] — сказал Грубер. — Пусть вашими устами говорит правда! Хотя я, как хотите, не поверю, что сам Альбус в руках у нас, до тех пор пока не буду иметь к тому самые правдоподобные доказательства...

— В этом я и не уверяю вас! — сейчас же поспешил возразить Иосиф Антонович. — Я вам могу поручиться только за того, который носит имя Трофимова, а Альбус он или нет — этого я не знаю...

В дверях раздался стук.

Грубер, остановив рукой Пшебецкого, чтобы тот перестал говорить, сказал:

— Войдите!

Вошел молодой иезуит, в сутане; он внес записку на серебряном подносе и подал ее Груберу.

— Ответа не ждут! — проговорил он, поклонился и, отпущенный кивком головы Грубера, вышел.

Грубер прочел записку и протянул ее Пшебецкому. Там было написано по-латыни: "Известное лицо просит аудиенции, и ему будет отказано".

— Это относится к графу Рене! — пояснил Грубер. — Так как он явился в Петербург частным образом, то и не имеет основания представляться, а потому ему и будет отказано в аудиенции.

Иосиф Антонович поклоном показал, что все это очень хорошо.

— Но вернемся к вашему рассказу, — проговорил Грубер.

Пшебецкий опять поклонился.

— Вернувшись домой от Авакумова, — начал он опять, — я сейчас же велел заложить карету и послал за доктором Трофимовым под предлогом, что якобы нуждаюсь в медицинской помощи.

— Это называется действовать быстро! Я это люблю! — одобрил Грубер.

— У меня был, — подхватил Пшебецкий, — отличный предлог, чтобы пригласить этого господина к себе, несмотря на поздний час: он называет себя доктором, а доктора можно звать к себе в какое угодно время, даже и незнакомого.

— Ну, и что же, он приехал к вам?

— Представьте себе, приехал... и попался в ловушку!

— Каким образом?

— Я его велел провести в свою приемную комнату и велел сказать, что сейчас выйду к нему и прошу его подождать немного. Лампа на столе и кресло у стола были у меня заранее так поставлены, что можно было сесть не иначе, как спиною к двери; и он сел. Этого мне было достаточно... Я стоял за дверью и

следил за ним через слегка раздвинутую гардину. Трофимов, разумеется, не мог подозревать это. Когда он сел, я потихоньку сделал шаг вперед и протянул к нему руки, потом стал приближаться к нему. Трофимов был захвачен мною врасплох, и, когда я к нему подошел, он спал в несомненном состоянии гипноза. Я торжествовал. Для нас это важно, потому что теперь один из иллюминатов поддался наконец моему гипнозу и уже стал в моих руках послушным орудием. Загипнотизировать трудно в первый раз, но впоследствии не требуется никаких усилий, и человек, однажды загипнотизированный, уже не может противиться силе. Таким образом, этот Трофимов, когда бы я ни пожелал, впадет в новый транс и будет послушен мне.

— Прекрасно! Это в будущем, а в настоящем-то что же?

— В настоящем вот что! — продолжал Пшебецкий. — Я приказал Трофимову говорить, и он мне все сказал: сказал, что он принадлежит к обществу перфектибилистов, то есть иллюминатов, и что ему поручено наблюдать за дочерью графа Рене и вырвать ее

из наших рук... то есть это он так сказал: "Вырвать ее из наших рук..."

— Все равно, дело не в выражениях... Продолжайте!

— Ему было указано, что она помещена нами у старика Авакумова...

— Кем указано?

— Из Германии. Глава их братства находится там, и оттуда идут все распоряжения...

— В каком городе? — с живостью спросил Грубер.

— Разве вам это не известно?

— Нет. Мы знаем, что иллюминаты появляются то там, то тут, часто мешают нам; в их действиях видна одна общая руководящая нить, но где начало этой нити, мы до сих пор распознать не могли.

— А я не догадался спросить у Трофимова название города; меня интересовало другое.

— Напрасно! Название города очень интересно и важно для нас.

— Теперь нет ничего легче узнать его. Лишний гипноз Трофимова, и я ручаюсь вам за получение всех сведений об иллюминатах, какие вы только пожелаете! Вы мне дайте

только вопросный листочек, и я заставлю его отвечать по пунктам.

— Хорошо! — согласился Грубер. — Что ж вам рассказал Трофимов?

— Он вошел к Авакумову в доверие в качестве доктора и делал ему впрыскивание из свежей человеческой крови.

— Это для возвращения молодости?

— Да, есть мнение, которое рекомендует этот способ.

— И неужели он помогает? — с видимым любопытством спросил Грубер.

Пшебецкий пожал плечами.

— Говорят! Впрочем, что касается Авакумова, то он умер от этих впрыскиваний.

— Но дочь графа Рене он отправил куда-то еще до того, как слег в постель?

— В ее отправке участвовал сам Трофимов, и он в своем гипнозе сказал мне, где она находится. Она отправлена на север, в Финляндию, в небольшую деревушку, где живет со старухой немкой, которой она поручена.

— Вы знаете название деревушки?

— Ну, конечно! Знаю и название, и подробное описание дороги до нее!

— Хорошо! Что же вы намерены делать?

— Я заставлю Трофимова написать старухе, чтобы она немедленно возвращалась в Петербург, сам сяду в экипаж, поеду с этой запиской и привезу сюда молодую девушку.

— План прост и недурен.

— Только то и хорошо, что просто.

— Во всяком случае, — заключил Грубер, — от временного исчезновения молодой девушки мы ничего не потеряли, а, напротив, как будто выиграли...

— Еще бы не выиграли! — воскликнул Пшебецкий. — Теперь мы разведаем всю подноготную иллюминатов и сумеем ударить в самое гнездо их.

— Amen! — сказал опять Грубер, сложив на груди руки и подняв глаза кверху.

Госпожа Драйпегова получила в Митаве известие о смерти отца с нарочным, который скакал без устали и без отдыха на почтовых и в двое с половиной суток добрался до Митавы.

Она сейчас же собралась и объявила доктору Герье, что они уезжают в Петербург.

Герье был очень рад этому. Он обещал графу Рене следить за Драйпеговой, явившейся в Митаву к французскому королю под видом преданной ему женщины, но на самом деле желавшей предать его, короля.

Такая задача оказалась очень трудною для доктора. Драйпегова ничего не говорила с ним о своих делах. Она была принята королем в аудиенции, но в чем состояла эта аудиенция и что говорилось на ней, доктор не знал. Сам же он ни выпытывать, ни разузнавать не был в состоянии, потому что чувствовал себя совсем не способным к этому. Отъезд из Митавы развязывал ему в таком случае руки и освобождал от принятой на себя обязанности.

Доктор Герье с удовольствием узнал о возвращении в Петербург, тем более что это дало ему надежду поскорее увидеть дочь графа Рене и, если нужно будет, помочь последнему вернуть ее.

Одно было не совсем по душе и не совсем приятно доктору: Драйпегова посадила его на обратный путь к себе в карету, рядом с собою, и это соседство очень стесняло доктора. Он с гораздо большим удовольствием поместился бы в следовавшем за каретой возке, где ехала прислуга.

В первый день пути было еще ничего. Драйпегова старалась занять доктора разговорами и надоедала лишь требованием мелких услуг, желая во что бы то ни стало заставить его ухаживать за собою. Она беспрестанно и обиняком, и прямо говорила о своем богатстве, которое теперь, после смерти отца, должно достаться ей, говорила, что с таким состоянием она может делать что угодно, что можно поехать за границу или жить на широкую барскую ногу в Петербурге.

Об отце Драйпегова вовсе не жалела. Видно было, что она давно ждала его смерти и

давно мечтала о том, как получит от отца наследство и войдет полной хозяйкой в роскошный дом на Фонтанке.

Сначала доктор Герье думал, что его спутнице лестно говорить о своем богатстве только ради того, чтобы похвастать, но потом, по некоторым намекам, он должен был убедиться, что Драйпегова имела еще и другую цель, распространяясь о своих деньгах перед ним, молодым доктором. Было очень похоже на то, что она хочет произвести впечатление именно на него самого и ввести его в соблазн всеми способами, не пренебрегая даже расчетом на корысть.

Вечером второго дня их пути, когда сумерки начали спускаться и в карете воцарился таинственный, прозрачный полумрак, Драйпегова, долго молча смотревшая в окно на алевшее вдали небо, перерезанное темно-лиловыми облаками, за которыми пряталось солнце, вдруг обернулась к доктору и спросила:

— Вы любите, доктор, природу? Скажите откровенно...

Доктор Герье любил природу, и ему даже

не требовалось особенной откровенности, чтобы сказать это.

— Конечно, люблю, — ответил он, тоже глядя на потухавшую зарю.

В эту минуту Герье своими мыслями был далеко от Драйпеговой.

— Я была в этом уверена, — продолжала та певучим голосом, — наслаждение красотами природы одно из высших, и для возвышенной, понимающей прелесть этого наслаждения натуры лучшего ничего не может быть. Одна любовь разве сравнится с этим наслаждением. А вы, доктор, любили когда-нибудь?

Доктор Герье поморщился. Но Драйпегова не могла заметить в полутьме кареты его гримасы.

— Что же вы молчите? — переспросила она. — Скажите мне, вы любили когда-нибудь?

— На такой вопрос трудно ответить, — уклончиво проговорил Герье.

— Отчего, отчего трудно? — подхватила Драйпегова. — Боже мой! Какое счастье испытывать любовь и даже говорить о ней! Вот вы хотели бы ехать так в карете, в сумерки, с лю-

бимым существом... ехать и ехать... и чтоб неизвестно куда, и чтоб все равно куда бы ни было, потому что везде счастье и всюду хорошо!..

Доктор Герье, конечно, хотел бы ехать так, только не с госпожою Драйпеговой. Он готов был бы, пожалуй, отдать всю остальную жизнь свою за то, чтобы хоть на несколько минут теперь рядом с ним в карете на месте Драйпеговой была дочь графа Рене. Но доктор не сказал этого своей спутнице...

А она не унималась:

— Вы, должно быть, были очень несчастны, доктор, в прошлой своей жизни, вы много перестрадали!

Герье промычал что-то неопределенное.

— Ну, скажите, пожалуйста, ведь вы одиноки, одиноки как перст!.. А между тем такой человек, как вы, если б захотел только... если б только захотел...

И она, будто случайно, будто размягченная своим поэтическим настроением и будто сама того не замечая, что делает, откинулась на спинку кареты, склонилась набок и прижалась к плечу доктора.

Доктору оставалось лишь обнять ее, и голова ее склонилась бы к нему. Драйпегова только и желала этого, но доктор-то вовсе не желал...

В первую минуту Герье не знал, что ему делать. Он отстранился, но это не помогло, потому что отстраниться ему было некуда: он оказался прижат в мягкий угол кареты.

Все, что Герье мог сделать, — выпрямиться! И он выпрямился, крикнув и двинув плечами, что ясно показывало, что он вовсе не расположен отвечать госпоже Драйпеговой на ее слишком выразительную нежность.

Движение Герье было настолько резко, что его спутница отшатнулась и, закусив губу, отвернулась от него к окошку...

Они долго ехали так молча.

Дорога в этот переезд испортилась, и они запоздали. Заря потухла, стало уже совсем темно, а они все еще ехали.

"Ну, теперь она возненавидит меня, — думал доктор Герье, — и тем лучше. Приедем в Петербург и расстанемся навсегда. Лишь бы

приехать поскорее..."

И Герье инстинктивно жался в угол, по-
дальше от госпожи Драйпеговой.

— Знаете, — вдруг раздался в темноте ее
голос, — то, что вы сделали, ни одна женщи-
на не простила бы мужчине!..

Герье слышал только, как говорила Драй-
пегова, но выражения лица ее не видел.

— Да, ни одна женщина, — повторила
она. — Но вы меня не знаете... я не похожа на
других. Если я пожелаю чего-нибудь, то до-
бьюсь — слышите ли? — добьюсь во что бы то
ни стало!..

Драйпегова сказала это с решимостью, в
которой слышалась угроза.

— Да я вовсе не хотел обижать вас, — про-
изнес скромно и даже робко доктор.

— Еще бы вы хотели обидеть меня! За что?
За то, что я несчастная женщина и страдала
всю свою жизнь, за то, что вся моя жизнь —
ряд страданий!.. — со слезами в голосе вос-
кликнула Драйпегова.

Доктор Герье не мог разобрать, искренне
ли было у нее это восклицание, но, зная уже
Драйпегову, он не сомневался в одном, что ес-

ли она и страдала в жизни, то, во всяком случае, не осталась в долгу за это перед людьми и также на своем веку досадила им порядочно. У Драйпеговой была уж такая складка, что трудно было поверить, чтоб она являлась в самом деле обиженным, а не обижающим существом!

— Вы мне вот что скажите лучше, — продолжала Драйпегова. — Что у вас течет в жилах: кровь, парное молоко или просто вода? И как вы можете быть наедине с женщиной, которой вы нравитесь, и оставаться вполне равнодушным?

Доктор Герье не знал, что ответить. Ему почему-то хотелось быть в эту минуту ужасно вежливым с госпожой Драйпеговой, хотелось сказать, что он очень благодарен, но он чувствовал, что это будет совсем уж насмешкою.

— Что же вы молчите? — снова пристала она.

— Да, право, я не знаю, что ответить, — заговорил было доктор.

Но Драйпегова перебила его.

— Я вам не нравлюсь? — подхватила она. — Я вам не нравлюсь? Так и скажите пря-

мо!

И она близко нагнулась к Герье, желая в темноте кареты заглянуть ему в лицо.

— Нет... отчего же... — несвязно залепетал доктор, не имея решимости прямо ответить на так резко поставленный вопрос.

Драйпегова вдруг охватила его шею руками и как бы в отчаянии прижала к себе.

— И все-таки рано или поздно ты будешь мой во что бы то ни стало! — зашептала она в самое его ухо так, что он чувствовал ее горячее дыхание. — Ты будешь мой, несмотря ни на что!

Доктору Герье было и досадно, и неприятно, и неловко. Он решительно недоумевал, каким образом выйти из неудобного положения, и готов был остановить карету, отворить дверцы, выпрыгнуть на дорогу и идти пешком.

Герье и сделал бы это непременно, если бы вокруг кареты не раздался звонкий лай собак. В окне замелькали огоньки, и карета застучала колесами по бревенчатому настилу.

Они приехали на ночевку, и Герье был освобожден из объятий госпожи Драйпего-

вой.

На этой ночевке доктор Герье долго не ложился спать и долго ходил по крошечной, отведенной ему комнатке, и странное состояние было у него. Он знал отлично, что сам он не виноват, что госпожа Драйпегова вела себя так с ним, но все-таки ему почему-то казалось, что как будто он совершил дурной поступок.

Воспоминание было одно из самых неприятных. По мнению Герье, дурно было, что он недостаточно определенно ответил этой барыне, что не любит и не может любить ее, дурно было, что он поехал с ней в карете, и вообще все было дурно, даже и самый приезд его в Митаву.

Он слишком поспешно отправился сюда, ничего не разузнал, не обдумал и попался впросак.

Решив действовать вперед обдуманнее и осторожнее, доктор Герье на другой день, когда они рано утром уехали с ночевки, наотрез отказался сесть в карету с Драйпеговой.

В Петербурге карета подвезла Драйпегову к дому ее отца, теперь, после его смерти, перешедшему в ее владение.

Доктор Герье не только не вошел в этот дом, но даже не подошел к Драйпеговой, чтобы проститься, издали поклонился ей и, захватив свои вещи, сел на извозчика и уехал на прежнюю свою квартиру к Августе Карловне. Он даже расчета не попросил у Драйпеговой и махнул рукой на те деньги, которые она должна была ему в виде жалованья за время, проведенное у нее.

Дома доктор узнал, что Августа Карловна уехала по каким-то делам в Финляндию и еще не возвращалась.

Комната Герье не была сдана, и он снова поселился в ней, надеясь, что Августа Карловна ничего не будет иметь против этого, когда вернется.

Варгин был на работе в Михайловском замке и, когда пришел оттуда и увидел доктора, очень обрадовался ему.

Ко всему, что случилось, Варгин относил-

ся теперь как-то чрезвычайно спокойно. Впрочем, он очень смеялся, когда Герье рассказывал ему о своем путешествии в Митаву и о том, как встретил там вместо красивой девушки госпожу Драйпегову.

Варгин не удивился, когда Герье рассказал ему, что эта молодая девушка оказалась дочерью приближенного к королю Людовику XVIII графа Рене, а не старика Авакумова.

Варгин имел такой вид, что будто ему известно уже больше, чем Герье может сказать. Однако на расспросы Герье он давал уклончивые ответы и твердил одно, чтоб тот не беспокоился, что все обстоит благополучно и что молодая девушка находится теперь в безопасном месте.

— В безопасном? — переспросил Герье. — Разве ей грозят какие-нибудь опасности? Ведь ее отец теперь здесь, в Петербурге, и если вы знаете, где она находится теперь, то всего лучше сообщить об этом как можно скорее отцу.

Это было более чем справедливо, и Варгину, казалось, не приходилось возражать, но он помолчал, подумал и проговорил:

— Мне известно лишь, что молодая девушка теперь вместе с нашей хозяйкой, Августой Карловной, находится в Финляндии, но где именно — не знаю.

Доктор Герье не расспрашивал особенно подробно Варгина, потому что торопился к графу Рене, адрес которого узнал от Варгина же.

Доктору было достаточно, что он имеет указание на след молодой девушки и что с нею не кто другой, как почтенная Августа Карловна, а почему и как она уехала с ней, Варгин объяснить не мог.

Герье, решивший поступать теперь обдуманно и как можно расчетливее, счел за лучшее прежде всего повидаться с графом Рене, который, вероятно, уже принял должные меры и успел сделать что-нибудь во время своего пребывания в Петербурге. Можно было предполагать, что графу все уже было известно в подробностях, и то, что знал Варгин, не представляло никакой для него новости.

Поэтому Герье, переодевшись и вовсе не думая об отдыхе после дороги, сейчас же поехал в гостиницу Вартота, к графу.

Граф принял его немедленно и с распротертыми объятиями.

Оказалось, граф решительно ничего не знал и решительно ничего не сделал еще в Петербурге. Он рассказал доктору Герье, что в доме Авакумова никому не было известно, куда уехала молодая девушка, что об этом знал только сам старик Авакумов, который умер.

Кроме этого, граф Рене не мог добиться ничего и даже не мог устроить себе аудиенцию у государя, на которую он главным образом рассчитывал, так как ему отказали на том-де основании, что граф явился в Петербург как частное лицо.

Сведения, полученные доктором Герье от Варгина, что молодая девушка в Финляндии, были для графа откровением и радостною вестью.

— Разве художник Варгин, — спросил доктор Герье у графа, — не сообщил вам этого?

— Да нет же! — ответил граф. — Ваш приятель вел себя со мною более чем странно: он не только не сообщил мне того, что вы говорите, но сделал вид, что совсем никогда не видел моей дочери и не слыхал ничего о ней. Я

не знаю, чем и объяснить такое поведение его.

Доктор Герье тоже не мог найти никакого объяснения, почему Варгин, только что разговаривавший с ним о молодой девушке, вовсе отрекся от нее перед графом.

Оставалось как можно скорее отправиться за художником, привезти его к графу и выпытать от него все, потому что Варгин был единственный человек, который знал хоть что-нибудь. Но каково же было удивление доктора Герье, когда, вернувшись домой, он не застал там Варгина, а служанка сказала, что художник уложил вещи и уехал, приказав говорить всем, кто будет его спрашивать, что он уехал на неопределенное время из Петербурга, а куда именно, про то умолчал.

Сначала Герье верить не хотел этому.

— Неужели он мне ничего не оставил — ни письма, ни записки? — в сотый раз спрашивал он у служанки.

— Ничего, — отвечала та, видя, что доктор очень обеспокоен, и жалея его по этому поводу.

— И не велел сказать мне ничего?

— Ничего!

"Тут что-нибудь да есть, — повторял себе Герье, — тут, должно быть, кто-нибудь влияет... Трофимов!" — вспомнил он наконец, и для него вдруг стало несомненным, что непременно здесь действует Трофимов...

И Герье не долго думая отправился к Трофимову.

LXXIII

Дом, где жил Трофимов, был очень хорошо известен доктору Герье, который помнил, как он был тут с Варгиным в тот знаменательный для него день, когда он увидел в первый раз молодую девушку.

Герье, идя к Трофимову, не выяснил себе хорошенько, как он, собственно, относится к этому человеку. Сам Трофимов, в особенности в разговоре, скорее, нравился Герье, даже положительно нравился, но подозрительны были его сношения с Авакумовым, и это было единственное, что, казалось, можно было сказать против Трофимова...

Вообще по дороге к Трофимову Герье, вспомнив и взвесив все, опять почувствовал расположение и приязнь к нему и уже думал и даже мечтал о том, как прямо и задушевно поговорит с Трофимовым и как тот мягко и ласково станет вести свою речь...

Но мечтам этим не суждено было осуществиться. Дом Трофимова был заколочен наглухо. Ворота были заперты, и две доски прибиты к ним накрепко гвоздями. Дверь закры-

вал деревянный щит, каким обыкновенно защищают парадный ход, когда намереваются оставить дом надолго запертым. В нижнем этаже ставни были затворены и заперты и задвинуты железными болтами...

Этот заколоченный, словно ставший «слепым» дом был похож на дряхлого старика, о времени молодости которого уже забыто; казалось, будто здесь и не жили никогда, и дом вечно стоял таким пустым и погруженным в тишину и безмолвие.

Доктор Герье сначала было подумал, что ошибся, но дома нельзя было не признать.

Однако ни спросить, ни вызвать никого нельзя было. Герье походил, постучал... Только сухой деревянный отзвук ответил на его стук. Дом был по всем признакам необитаем...

Грустно и как-то томительно печально стало бедному доктору, будто в этом безмолвном доме было схоронено что-то для него близкое, родное, с чем приходится ему расстаться навеки, и он остановился, поникнув головою и опустив руки.

Извозчик, привезший доктора Герье, с лю-

бопытством смотрел, как барин ломится в заколоченный дом. Несколько прохожих оглянулись на него. Остановился мальчик с корзинкой, невесть откуда всегда появляющийся в таких случаях...

Доктор Герье, видя, что у дома нечего ему делать, потому что все равно ничего не добьешься тут, решил все-таки узнать хотя что-нибудь.

В те времена в Петербурге, как, впрочем, и до сих пор еще у нас в провинциальных городах, все интересные новости в околотке узнавались в ближайших лавочках и магазинах, которые служили сборным местом, куда приходили вестовщики, передавали свои сведения и сами узнавали, что случалось кругом любопытного... Здесь обсуждались семейные дела почти всех живущих кругом, здесь узнавалось раньше, чем где-нибудь, кто женится, кто выходит за кого замуж, кто умер и сколько оставил наследства, кто обеднел, кто разбогател, кто приехал и кто уехал, словом, лавочка заменяла газету и служила источником всех новостей.

Как раз напротив дома Трофимова была

лавочка часовщика, и Герье решился обратиться туда.

Часовщик, почтенный человек, в больших синих очках и в парике, по-старинному, с косичкой, очень охотно отвечал на все вопросы и постарался удовлетворить любопытство доктора, но он лишь знал, что Трофимов, получив внезапное известие о смерти какого-то своего родственника, уехал внутрь России по делам наследства, которое должен был оставить ему этот родственник.

Больше ничего не знал часовщик, а для доктора Герье это было все равно что не получить никаких сведений. Где же ему было разыскивать Трофимова по всей внутренней России!..

Так и вернулся бедный доктор к графу Рене в гостиницу, не разузнав ничего...

Несмотря на то что граф ждал доктора, исполнительный и точный в своих обязанностях дворецкого Баптист не пустил Герье сразу, но проделал всю процедуру доклада и только после этого ввел его в номер, где сидел граф.

Рене сидел с книгою в руках, но не читал

ее. Мысли его были далеки и от книги, и от номера гостиницы, и даже от Петербурга...

— Ну, что? — с живостью спросил он при входе доктора, возвращаясь к действительности от своей задумчивости.

Доктор пожал плечами.

— Представьте себе, граф, ничего... То есть ничего нового не мог узнать. Мой приятель Варгин уехал, Трофимов тоже уехал, и дом его стоит заколоченным...

— Я так и думал! — безнадежно произнес граф и опустил голову. — Я так и думал, — повторил он. — Найти мою дочь было бы слишком большое счастье для меня, а оно, видно, не суждено мне на земле... Все прошло, все погибло...

— Полноте, граф, — начал было доктор.

Ему хотелось утешить, хотелось сказать что-нибудь, но он и сам был расстроен, и слова не вязались у него.

— Ужасно, — продолжал граф, перебивая его, — что ведь судьба дала надежду, словно как будто улыбнулась, и снова, как завесу, задернула и скрыла все. Я не знаю, что тяжелее — прежде ли было, когда я считал мою

дочь погибшею, или теперь, когда я знаю, что она жива, но не знаю, где мне найти ее!..

В голосе графа звучало такое неподдельное и искреннее горе, что Герье забыл уже свою печаль и стал утешать его.

Герье говорил, что, правда, обманутая надежда всегда очень больна вначале, но что все-таки лучше, что они знают о молодой графине: она в Финляндии со старухой Августой Карловной; Августа Карловна рано или поздно должна вернуться в Петербург, и тогда они узнают от нее все.

Герье ручался, что сделает все возможное и все невозможное, чтобы разыскать графиню, и уверял, что нужно лишь, чтобы сделать это, подождать возвращения Августы Карловны или Варгина!..

Горячность, с которой говорил доктор, подействовала на графа, и он протянул Герье руку и сказал:

— Спасибо вам за сочувствие! Вы говорите с таким пылом, что кажется, будто это дело так же близко вам, как и мне. Теперь, под свежим впечатлением, вы выказываете горячность, но, я знаю, пройдет несколько дней, и

она остынет. Однако спасибо и за это...

Герье вдруг вспыхнул.

— Никогда не пройдет, граф, горячность моя! — воскликнул он. — Вы ошибаетесь! Ручаюсь вам, что я сделаю, что сказал вам, то есть найду вашу дочь, хотя бы это стоило мне жизни!..

Граф удивленно поглядел на Герье.

— Вы сомневаетесь? — продолжал доктор. — Ну, так я вам скажу... или нет, я не могу произнести словами, но только... граф... кто хоть раз видел вашу дочь... тот ее не позабудет и за счастье сочтет положить жизнь свою за нее!

— Вот оно что! — пробурчал граф и ниже опустил голову.

Признание Герье не доставило графу удовольствия, и у него невольно мелькнуло в голове, что вот до чего дожил он: какой-то неизвестный доктор, женевец, смеет признаваться ему в любви к его дочери!..

Патер Грубер сидел ужасно недовольный, даже сердитый, и выговаривал Иосифу Антоновичу Пшебецкому, который, скорчившись, поместился против него на стуле, поджал ноги и имел вид в достаточной мере сконфуженный.

Дело было в том, что Пшебецкий отправился к Трофимову, чтобы дополнительным расспросом под гипнозом узнать самые важные сведения про перфектибилистов, и нашел, как и доктор Герье, дом, в котором жил Трофимов, заколоченным.

Пшебецкий, поняв, что сделал промах, не сообщил об этом патеру Груберу, а хотел было поправить тем, что стал отыскивать Трофимова. Потратив напрасно время, Иосиф Антонович явился к Груберу и, наконец, рассказал тому все.

— Для меня ясно, — говорил Грубер, — что они убрали его и что теперь вы никогда не наткнетесь на этого Трофимова. Упущен такой великолепный случай, который, пожалуй, не повторится никогда! Я удивляюсь, как

вы, имея в руках Трофимова, не расспросили его тут же обо всем!..

— Я думал, что успею в другой раз, — оправдывался Иосиф Антонович, — и потом, меня интересовала главным образом молодая девушка...

— Вас должно интересовать все, что касается пользы и выгоды нашего ордена!

— Но я и так ведь стараюсь...

— Стараетесь? Однако дело это сорвалось... именно сорвалось, а оно могло бы дать такие блестящие результаты!..

— Я не нахожу, — осмелился все-таки возразить Пшебецкий после некоторого молчания, — я не нахожу, чтобы дело сорвалось, как вы говорите, окончательно...

— А я его считаю погибшим, — воскликнул Грубер, — исчезновение Трофимова служит прямым указанием, что перфектибилисты уже осведомлены о том, что вы проделали над ним, и, несомненно, примут свои меры.

— Но самое главное, что нам важно в настоящее время знать, мы знаем: нам известно в точности местопребывание дочери графа Рене...

— Во-первых, перфектибилисты могут увезти ее оттуда и спрятать в другое место, а во-вторых, если они и не успеют сделать это, каким образом мы теперь достанем ее оттуда?

— Вы забываете одно...

— Что?

— Что сила моего гипноза осталась при мне и что я ею владею по-прежнему...

— Ваша сила, — усмехнулся Грубер, — слишком груба, и надо руководить ею, чтобы она принесла пользу...

И дальше он не договорил, но подумал: "Если бы ты умел распоряжаться своей силой и имел такой же ум, какова эта сила, — страшный был бы ты человек... Но природа, вероятно, нарочно не дает все сразу одному, и хорошо делает!"

— Так и распоряжайтесь мною, отец! — покорно сказал Пшебецкий.

Эта покорность, казалось, умилоствовала Грубера.

— Хорошо, — проговорил он, — обещайте только мне в дальнейшем исполнять все в точности, что я посоветую вам.

— Разве я не исполняю?

— Исполняете, но вместе с тем и решаетесь действовать по собственной инициативе, как в настоящем, например, деле...

— Но ведь это случай...

— Положим, не совсем случай, потому что вы сами позвали к себе Трофимова. Надо было посоветоваться со мной, что именно выспросить у него...

— Я жалею, что не сделал этого...

— Амен, — сказал патер.

— Теперь я буду советоваться с вами во всем и на первый раз докажу вам это, объяснив подробно мой план, как привезти нам из Финляндии молодую девушку... Я думаю, что я поеду и силой своего гипноза заставлю...

— Ничего вы силой своего гипноза не сделаете, — перебил его Грубер, — тут нужны другой человек и другая движущая сила...

— Какая же?

— Страсть человеческая... Поверьте, если играть на ней умеючи, можно властвовать не меньше, чем силой, которой владеете вы... Мне нужен здесь человек...

— Какой человек?

— Менее сильный, чем вы, и более подверженный страсти...

— Он у вас есть?

— Если нужно, случай укажет мне его. Я верю в случай...

— В перст Провидения, — поправил Пшебецкий.

— Если хотите, в перст Провидения, — согласился Грубер. — Так вот что: дело с дочерью графа Рене пока оставьте, я возьмусь за него сам. Для вас у меня уже есть более важное поручение...

— Рад исполнить его! — не без удовольствия поспешил подхватить Иосиф Антонович, польщенный тем, что не потерял доверия важного иезуита, каким был Грубер.

— Из Митавы, — заговорил тот, — вернулась дочь умершего Авакумова, госпожа Драйпегова.

— Разве она исполнила данное ей поручение?

— Не совсем, а, впрочем, может быть, и исполнила. Во всяком случае, ей нужно было вернуться по поводу смерти отца: отец для всякой дочери один раз умирает!

— Но данное ей поручение?

— По возможности скомпрометировать короля Людовика, чтобы иметь против него улику в глазах русского императора... я говорю вам, она, может быть, и добилась этого...

— Неужели?

— Она привезла с собой письмо от короля к графу Рене...

— И передала это письмо по адресу?

— Разумеется, нет! Она передала его мне, и оно в моих руках.

— И в этом письме?

— Король рассыпается в комплиментах по отношению к императору и высказывает графу всякие пожелания относительно успеха в деле, по которому он приехал в Петербург...

— Значит, это письмо ничуть не компрометирует короля и для нас не имеет никакой цены?

— Но в нем есть приписка и она шифрованная...

— А-а! В письме есть шифрованная приписка?

— Да! И я на нее рассчитываю.

— Значит, нужно прочесть ее? — с нетер-

пением спросил Пшебецкий.

— Вот в этом и состоит поручение, которое я хочу дать вам. Разумеется, я это письмо не могу доверить ни почте, ни простому посланному: его нужно отвезти к нашим братьям в Варшаву и объяснить, какая работа требуется от них. Я рассчитываю на вас, что вы поедете туда.

— Но позвольте! — сказал Иосиф Антонович. — Может быть, мы обойдемся и без поездки в Варшаву.

— Каким образом?

— Ведь нам нужно дешифровать, то есть прочесть приписку в королевском письме? А это можно и здесь сделать, и я это сделаю завтра же силой своего гипноза: стоит мне внушить ясновидение первому попавшемуся нервному субъекту, и он прочтет все, что находится в письме.

Грубер улыбнулся, и в этой улыбке была заметна нескрываемая насмешка.

Он пригнулся к Пшебецкому и тронул его за руку:

— Оставьте, брат Иосиф, силу вашего гипноза в покое, мы уже условились, что, когда

она понадобится, я вам скажу и буду руководить ею... Нам вовсе не нужно знать, что содержится в зашифрованной приписке королевского письма...

— Как же так? — спросил, не поняв, Иосиф Антонович.

— Нам нужно, — пояснил Грубер, — чтобы эта приписка содержала в себе не тот смысл, какой она имеет на самом деле, а тот, который необходим нам, и для этого надо сделать следующее. Есть много способов зашифровать письма, и один из самых сложных и трудных для дешифрирования состоит в том, что корреспонденты условливаются относительно какой-нибудь книги, берут каждый себе по экземпляру ее и зашифруют по этой книге, то есть отыскивают в ней нужное слово и затем ставят в шифре номер страницы, строчки и номер слова в этой строчке. Получающий такой шифр берет книгу, легко отыскивает в ней слова и читает написанное. Приписка короля зашифрована именно таким способом, и прочесть ее может только тот, кто знает ключ, то есть по какой именно книге сделан шифр.

— Но ведь это же невозможно узнать, — горячо возразил Иосиф Антонович, — или если и можно, то опять-таки с помощью гипноза.

— Оставьте гипноз! Сколько раз я уже говорил вам о бесполезности его в данном случае! — несколько раздраженно перебил Грубер. — Неужели вы все еще не понимаете, к чему я веду речь?

— Нет, не понимаю! — откровенно сознался Пшебецкий.

— Да нам вовсе не важна настоящая книга, по которой переписываются король с графом Рене, нам необходимо сделать другую книгу, которая явилась бы фиктивным ключом для дешифрирования сделанной королем Людовиком приписки и скомпрометировала бы короля.

— Как же это сделать?

— Очень просто. Надо составить несколько фраз, неприятных русскому императору, а затем составить и напечатать книгу, в которой слова этих фраз были бы помещены на местах, указанных цифрами приписки. Этого будет достаточно, и это сделают наши братья в Варшаве в своей типографии. Год издания на

книге нужно поставить старый и напечатать ее на старой бумаге... Теперь поняли?

— Понял и убедился! — с восторгом и даже живо, встав со своего места, подтвердил Иосиф Антонович.

— В чем вы убедились?

— В том, что можно обходиться иногда и без гипноза... Но ведь печатание книги требует много времени.

— Ничего! Мы подождем! Хотя все-таки вам нужно торопиться.

— Я готов ехать в Варшаву хоть завтра же! — сказал Пшебецкий.

— Хорошо! Если так, уезжайте завтра! — согласился Грубер.

Случай, на который рассчитывал патер Грубер, слишком опытный в делах всякой интриги, как будто не замедлил явиться, согласно его ожиданиям. Только что он отпустил от себя брата Иосифа, как пришел содержатель гостиницы Вартот, которому было поручено, как верному католику, тщательно следить за графом Рене.

Вартот проделал дырку в двери соседнего с помещением графа номера и находился на этом наблюдательном посту, когда граф разговаривал с доктором Герье. Благодаря этому ни одно из слов беседы графа не ускользнуло от него.

Теперь он явился к Груберу, чтобы донести обо всем, что слышал.

Для Грубера полученные от Вартота сведения были настолько важны, что он, когда Вартот, передав все подробно, удалился, почти вслух произнес сам себе:

— Нет, мне кажется, я даже уверен, что не все еще потеряно!

Со слов Вартота патер узнал, что доктор Ге-

рье влюблен в дочь графа и что она находится в Финляндии под надзором Августы Карловны, хозяйки доктора Герье, а для Грубера это было более чем достаточно.

Адрес квартиры доктора он также узнал от Вартота.

Получив все эти сведения, Грубер прошел к себе в кабинет и позвонил.

— Надо посмотреть, — приказал он явившемуся на звонок прислужнику, — нет ли у нас в алфавитах чего-нибудь о докторе Герье, проживающем в Петербурге у немки Августы Карловны!

Прислужник поклонился, вышел и минут через десять вернулся опять и доложил, что о докторе Герье нет никаких сведений в алфавитах, а немка Августа Карловна значитса хорошо известной в Петербурге гадалкой, и что возле ее имени стоит розовый крест.

Розовый крест, поставленный возле имени, занесенного в алфавиты иезуитов, обозначал, что лицо, носящее это имя, заподозрено в сношениях с перфектибилистами.

Грубер кивнул головой в знак того, что все идет как следует, и велел подать себе шляпу,

трость и плащ.

Ровно через столько времени, сколько было необходимо для переезда от дома католической церкви до домика, снимаемого Августой Карловной, отец Грубер входил в этот домик и ласково спросил у служанки, не может ли он видеть Августу Карловну.

Он сунул в руку служанке монету, и та словоохотливо рассказала ему, что Августа Карловна уехала и неизвестно, когда приедет.

— Да нет ли еще кого-нибудь тут? — полюбопытствовал Грубер и, узнав, что есть жилец, французский доктор, пожелал его увидеть.

Служанка впустила щедрого гостя в приемную Августы Карловны, а сама немедленно пошла звать доктора Герье.

Тот вышел в приемную, познакомился с Грубером и в душе очень удивился, что духовное лицо имеет дело к гадалке, словно невеста, желающая ворожить о своей судьбе.

— Вы не думайте, однако, — поспешил сказать ему Грубер, как бы угадывая его мысли, — что я пришел к Августе Карловне, чтобы гадать у нее... У меня к ней есть совсем

другое дело. А вы, сын мой, француз?

— Нет, я родился в Швейцарии... Я — женевец! — ответил доктор Герье.

— Католик?

— Нет, кальвинист.

Грубер вздохнул и поднял глаза кверху, как будто жалея о молодом женевце, что он кальвинист.

— И надолго уехала Августа Карловна? — спросил Грубер.

Герье ответил, что он только снимает комнату у хозяйки и решительно не знает ее дел, так что не может сказать не только, надолго ли уехала она, но и куда.

— Да уехала-то она в Финляндию! — перебил Грубер и назвал подробно место, куда уехала Августа Карловна.

Патер ясно видел, как при этом вздрогнул доктор Герье, но, разумеется, не показал, что заметил это.

— Вы наверное знаете, что она уехала именно туда? — вырвалось у доктора Герье.

— Ну, да! Наверное! — спокойно и как ни в чем не бывало сказал Грубер.

— Вы мне позвольте записать название

этой местности? — попросил Герье, чрезвычайно обрадованный узнанной вестью и вместе с тем боявшийся, что забудет это название.

— Пожалуйста! — предложил Грубер вполне равнодушным голосом, в душе очень довольный, что разговор его с доктором идет так, как он желал этого. — А вы хотите написать ей? — добавил он. — Но письма туда едва ли доходят. Я вот тоже не знаю, как быть: пожалуй, придется самому туда поехать.

Доктор Герье насторожился.

— А как туда проехать? — проговорил он, уверенный, что искусно выпытывает драгоценные для себя сведения.

Доктор знал, что Августа Карловна, как сказал ему Варгин, находится при дочери графа Рене, и потому был уверен, что найти ее значило найти молодую графиню.

— На почтовых, — стал объяснять патер Грубер, разыгрывая роль добродушного болтливого священника, — туда ехать нельзя, потому что нет тракта. Нужно отправляться либо на своих, либо на наемных. А нанять лошадей для этого самое лучшее у содержателя ка-

кой-нибудь гостиницы, хотя бы у господина Vartot, француза, честного человека, на которого можно положиться. Он даст отличный экипаж, хоть карету, и берет недорого... Да, очень, очень жаль мне, что я не захватил Августы Карловны! — заключил Грубер.

И поговорив еще немного с доктором Герье о пустяках, о погоде и о житье в Петербурге, Грубер расстался с ним по-приятельски.

Расчет Грубера был понятен: он не сомневался, что влюбленный женевец немедленно же отправится во взятом у Вартота и оплаченном графом Рене экипаже за молодой графиней, сделает все возможное, чтобы увезти ее, и увезет, а экипаж Вартота доставит их не в Петербург, а туда, куда будет угодно отцу Груберу.

Вартот получил немедленно соответствующее приказание.

Доктор Герье отправился в Финляндию, получив в денежном отношении самые широкие полномочия от графа Рене, который готов был отдать все, что у него имелось, за возвращение дочери.

Было у него, правда, немного — всего несколько тысяч, но этого, по мнению Герье, было достаточно, чтобы соблазнить Августу Карловну, любившую, как знал это Герье, деньги.

Кроме того, доктор еще рассчитывал, что дело его правое и что он сумеет подействовать на благородные чувства немки, подкрепив свои убеждения деньгами.

Герье отправился в карете и на лошадях Вартога, оказавшегося в самом деле, как говорил Грубер, очень честным человеком и спросившего весьма умеренную цену.

Однако приехать к Августе Карловне специально за молодой девушкой Герье не решился, и они с графом составили не лишенный хитрости и остроумия план.

Заключался он в том, что в том месте, где

необходимо было остановиться доктору, у него якобы сломается экипаж, так что доктор должен будет искать себе пристанища, якобы застигнутый несчастьем на пути, а путь его как будто лежит дальше.

Все это было выполнено очень хорошо и вполне удачно.

Герье оставил Петербург ранним утром, а к вечеру уже был на месте, в Финляндии, в небольшом русском поселке, окруженном сосновым лесом.

Поселок этот лежал немного в стороне от большой дороги на Выборг и казался довольно зажиточным.

Крестьянские избы поселка примыкали тут к парку, в котором находился небольшой каменный дом, выстроенный в виде средневекового замка, с остроконечной крышей, стрельчатыми окнами и высокой, круглой башней.

Перед этим-то домом и была разыграна комедия с экипажем доктора, и он, вылезши из кареты, направился на крыльцо к дверям и стал стучать, сильно волнуясь, отворят ли ему или нет, и если отворят, то впустят ли.

Однако волнение доктора оказалось напрасным.

Дом отворили и впустили его.

В доме он нашел свою хозяйку Августу Карловну.

Все, значит, до сих пор шло как по писаному, а дальше пошло еще лучше.

Герье прикинулся очень удивленным, что нашел тут Августу Карловну, и очень неумело и поспешно стал рассказывать ей о случае, который заставил его просить приюта.

Однако роль свою он разыгрывал довольно плохо, потому что совсем не обладал способностью притворяться.

Августа Карловна, в свою очередь, выражала изумление, что видит доктора.

Однако, если бы Герье был в эту минуту не так взволнован и был в состоянии наблюдать, он заметил бы, что и Августа Карловна тоже разыгрывает роль и тоже не особенно искусно.

Она предложила доктору чаю, от чего тот не отказался.

Он надеялся за столом разговориться с Августой Карловной и, если будет возможно,

немедленно вступить с ней в переговоры.

Во время чая пришла с подносом горничная, и Августа Карловна послала с нею чашку, положив на поднос несколько кусков хлеба и поставив молочник со сливками.

— Кому это вы посылаете? — спросил доктор Герье.

— Я тут не одна! — охотно пояснила Августа Карловна.

"Она даже не находит нужным скрывать, что она не одна! Тем лучше для меня!" — подумал доктор Герье.

— А с кем же? — спросил он опять.

— Я нахожусь при одной госпоже.

— При госпоже ли? — остановил ее доктор. — А что если это не госпожа, а молодая и красивая девушка?

Августа Карловна с усмешкой глянула на него, покачала головой и ответила:

— Не знаю!

— Ну, так я знаю! — подхватил доктор Герье. — С вами тут молодая девушка, но вы, вероятно, не знаете, кто она?

— Не знаю! — прямо смотря на доктора, снова сказала Августа Карловна.

— Ну, так я вам скажу! Это дочь одного из приближенных короля Людовика XVIII, проживающего теперь в Митаве. Она была разлучена с отцом, и я приехал сюда для того, чтобы вернуть ее отцу. Попал я сюда не случайно, как сказал вам сначала, и если вы будете препятствовать мне, то за это ответите, потому что в этой девушке принимает участие сам государь.

Герье выговорил все это залпом, думая поразить Августу Карловну и захватить ее врасплох. Но Августа Карловна несколько не поразилась и спокойно ответила:

— Я от себя не завишу и не имею никакого права распоряжаться тут, а поэтому не могу делать никаких препятствий. Я нахожусь при особе, которая тут сама хозяйкой, и я должна повиноваться ей.

— Так вы мне позволите переговорить с этой особой? — произнес доктор Герье, не скрывая своего нетерпения.

— Если она пожелает принять вас... — начала было Августа Карловна.

Но Герье перебил ее:

— Августа Карловна, милая, добрая! Сде-

лайте так, чтобы она приняла меня, если это возможно, сейчас же, сию минуту! Пойдите к ней и скажите, что я привез ей радостное известие, что я приехал от ее отца.

— Но ее отец умер!

— Да нет, не умер! — воскликнул Герье. — Он жив и ждет ее, и тем радостнее будет узнать ей, что он жив, что она считает его умершим. Если вы будете способствовать тому, что она встретится с отцом, вы получите тысячу рублей! Понимаете ли? Тысячу рублей!..

Августа Карловна пошла передавать просьбу Герье и, вернувшись после некоторого времени, сказала, что особа, при которой она состоит, не желает никого видеть и ни с кем разговаривать.

LXXVII

Доктор Герье был уверен, что Августа Карловна ни словом не заикнулась о нем и проделала всю комедию для того лишь, чтобы показать, что молодая девушка содержится тут не насильно, а якобы по собственному желанию и сама не пускает никого к себе.

В душе его вспыхнуло чувство неудовольствия, и он готов был резко выразить его Августе Карловне, но вовремя спохватился и подавил свое волнение.

Для Герье была отведена комната, и он остался в ней ночевать, надеясь, что "утро вечера мудренее" и что завтра он ближе познакомится со всей обстановкой дома и тогда решит, что ему делать для достижения цели.

На другой день выяснилось, что в доме жила, кроме Августы Карловны и ее узницы, одна только служанка, исполнявшая обязанности горничной и кухарки, да был еще старик сторож, помещавшийся в особом строеньице, предназначавшемся когда-то для бани.

Такой штат был весьма немногочислен и не мог оказать серьезное сопротивление в

случае, если бы Герье даже понадобилось действовать силой.

Главное, нужно было устранить Августу Карловну, так как ясно было, что ни горничная, ни сторож не будут противодействовать, если со стороны немки не будет оказано препятствие.

Для этого Герье решился на крайнее средство, применять которое он, как врач, собственно, не имел права, но он решился, так как другого выхода у него не было, или, вернее, не было выхода более мирного, тихого и спокойного.

В походной аптечке, которую всегда возил с собой Герье, у него были всякие средства, между прочим, и сонные порошки, и этими-то порошками он и решил воспользоваться.

За обедом Герье подсыпал порошок Августе Карловне в воду.

Она спокойно выпила и через некоторое время заявила, что у нее темнеет в глазах и кружится голова.

Доктор Герье отвел ее в ее комнату, уложил на постель и был свидетелем того, что

Августа Карловна погрузилась в глубокий сон. Таким образом, Герье оставался полным хозяином в доме. Он уже заранее сговорился со своим кучером, и тот обещал, что выедет, если нужно будет, даже в темноту.

Уложив Августу Карловну, Герье выбежал на крыльцо и крикнул кучеру, чтобы тот закладывал как можно скорее.

Сумерки уже спускались на землю, и поднявшийся с утра туман усиливал их.

Тогда Герье, отдав приказание кучеру, кинулся в дом, чтобы найти ту, помочь которой так страстно желал.

Комната Августы Карловны была в верхнем этаже и, по всем вероятностям, там же была комната, в которой находилась молодая девушка. Вдоль всего верхнего этажа тянулся коридор, по бокам которого были комнаты.

В одной из них была, очевидно, она!

Доктор Герье попеременно брался за ручку каждой двери, выходящей в коридор, но все двери были заперты на ключ и ключей не было в замочных скважинах.

Герье стучал, подавал голос, но ни из-за одной двери не было ответа.

Казалось, все запертые комнаты верхнего этажа были пусты.

Герье остановился в недоумении. Затем он вспомнил, что вчера за чаем, внизу, горничная уносила чашку совсем не в том направлении, где была лестница наверх, и он побежал в нижний этаж.

Возился он наверху довольно долго. Уже совсем стемнело, когда он, наткнувшись в нижнем этаже на запертую дверь и постучав в нее, услышал тихий вопрос:

— Кто там?

— Друг! — ответил он. — Я пришел спасти вас отсюда... Умоляю вас, доверьтесь мне!

— Кто бы вы ни были, — ответили ему, — я готова идти за вами, если вы меня выведете отсюда и увезете!

— Так отворите поскорее дверь, карета готова, и вы уедете немедленно!

— Дверь заперта! — послышался ответ.

— Где же ключ?

— Не знаю.

— Есть у вас верхнее платье? — произнес, волнуясь, Герье. — Одевайтесь и будьте готовы, я сейчас достану ключ, — и он побежал

опять наверх и, дрожа всем телом, стал обыскивать карманы Августы Карловны, не сомневаясь, что ключ был у нее.

Было что-то очень неприятное, унижительное и скверное в том, что делал Герье. Он чувствовал это и торопился, как вор, который боится, что его сейчас поймают.

Руки у него тряслись и не слушались, но он все-таки нашел ключ у Августы Карловны, схватил его и спустился по лестнице.

Была минута, когда совсем не замысловатый по своему расположению дом показался ему вдруг безвыходным лабиринтом, в котором он не может разобраться, и вследствие этого он, скорее, инстинктивно, чем сознательно, снова нашел запертую дверь, вложил в замок ключ. Замок звонко щелкнул, и дверь тотчас же отворилась.

Она, в бурнуса и большом шелковом капоре, отороченном широкой оборкой, ниспадавшей ей на лицо, стояла у двери.

Герье схватил ее за руку и вывел на крыльцо, на ходу накинув плащ и захватив шапку в передней.

Кучер успел уже заложить, и они сели в

карету.

Никто не препятствовал им.

Когда карета тронулась, было уже так темно, как ночью. Звезды на небе были скрыты густым пологом облаков, и два зажженных фонаря по сторонам каретных козел, бросавших свет вперед на дорогу, увеличивали только темноту, царившую внутри кареты.

LXXVIII

Граф Рене, принадлежа к числу членов общества перфектибилистов, не знал никого из них в Петербурге. От перфектибилистов он различными путями получал сведения и из Петербурга, и из других городов, но сам мог сноситься только с Кенигсбергом, куда ему сказано было направлять свою переписку на имя старика книгопродавца, торговавшего в небольшой, скромной лавочке.

Граф был одним из покровительствуемых, а не деятельных членов общества, и потому не был посвящен в тайны и открыто ему было весьма немногое.

Поэтому-то, явясь в Петербург, граф и решился действовать самостоятельно, не обращаясь за помощью к братьям общества, обещавшим ему найти его дочь по лозунгу: "Ищите и найдете".

Уехав из Митавы совершенно неожиданно для себя, граф не дал знать в Кенигсберг, что отправляется в Петербург.

Ему так страстно хотелось скорее найти свою дочь, он так искренне огорчался, когда

ничего не мог сделать в этом отношении в Петербурге, что при появлении доктора Герье он поверил, что при помощи этого доктора найдется его дочь. Притом доктор Герье являлся для него не первым встречным, а человеком, произнесшим перед ним условленную фразу: "Ищите и найдете", мистический смысл которой был известен графу Рене: перфектибилисты разъяснили ему этот смысл. Доктор Герье, очевидно, принадлежал к перфектибилистам и, очень может быть, был послан ими, чтобы оказать ему помощь.

Так думал граф Рене и надеялся, что поездка доктора в Финляндию увенчается успехом и что он привезет ему его дочь.

Вследствие этого графу после отъезда Герье оставалось только терпеливо ждать его возвращения, и он действительно ждал, стараясь по возможности так провести свое время, чтобы оно прошло для него незаметно.

Лучшим средством к тому, разумеется, оказывалось чтение, и граф Рене проводил целый день за книгой, выходя из дому только для прогулки, которую делал ради моциона.

Обыкновенно граф шел на набережную по-

дышать там свежим воздухом и возвращался домой всегда по бойким улицам Петербурга.

Как ни разнился Петербург от Парижа, но все-таки этот город был больше похож на него, чем Митава, где Рене сидел почти безвыходно в стенах замка. Тут, в Петербурге, все-таки чувствовался город, с движением на улицах и с магазинами, из которых несколько было французских. И графу Рене было приятно это движение города и приятно было смотреть на магазины.

Между прочим, его заинтересовало окно небольшой лавки часовщика, где были выставлены старинные часы превосходной и хитрой работы.

Граф издавна чувствовал некоторую страсть к часам, и в прежнее время у него была недурная коллекция их.

Выставленные в лавке часы до того ему нравились, что граф готов был зайти и спросить, сколько они стоят, и купить их, если цена окажется хоть сколько-нибудь подходящей.

На другой день после отъезда Герье граф Рене гулял и снова остановился у окна часов-

щика; он полюбовался на интересные часы и хотел было зайти в лавку, чтобы узнать их стоимость, как вдруг поднял голову и увидел, что в окне, по ту сторону стекла, стоит молодая девушка, как двойник, похожая на его дочь.

В первую минуту он счел это видением или галлюцинацией, провел рукой по глазам, встряхнул головой.

Но видение не исчезало, галлюцинация не прекращалась.

Девушка стояла у окна, глядела на него и улыбалась, как будто тоже узнавая его, как он узнавал ее.

Граф Рене бросился к двери лавки, с шумом растворил ее и вбежал в лавку...

Однако там, у окна, уже вовсе не было никакой молодой девушки, а стоял и задумчиво смотрел на улицу лишь какой-то старичок, по-видимому, хозяин лавки.

— Что вам угодно? — обернулся он к вошедшему слишком шумно и стремительно графу.

Тот, смущенный, остановился, оглядываясь и не зная, что сказать, и удивляясь, как

мог он принять этого старика в синих очках и парике с косичкой за дочь.

"Впрочем, немудрено! — сообразил он. — Я все время думаю о ней, вот мне и показалось".

И, успокоившись на этом соображении, граф извинился перед стариком на французском языке и спросил его, говорит ли он по-французски.

— Кажется, могу не затрудняясь поддерживать разговор, — ответил часовщик, прекрасно произнося звуки французского языка.

— Тем лучше! — подхватил граф и сказал, что заинтересовался выставленными в окне старинными часами.

Часы были бронзовые, в виде готической башни, с большим металлическим циферблатом.

Часовщик по просьбе графа Рене достал часы с окна и поставил перед графом на прилавок.

— Они стоят? — спросил граф. — Механизм у них испорчен или действует?

— Нет, действует! — возразил старик и, нажав пружинку, пустил в ход часы, а затем, переведя стрелки, поставил их на двенадцать

часов.

Часы заиграли, и на циферблате выдвинулась дощечка с надписью.

— Часы играют каждый час! — пояснил часовщик. — И каждый час выдвигается новая дощечка с новой надписью.

Надпись, которая выдвинулась, была сделана по-французски и гласила: "Ищите и найдете".

Граф Рене прочел ее вслух и закрыл глаза, желая вызвать снова то милое для себя видение, которое только что явилось ему.

— Что с вами? — участливо осведомился старик часовщик.

— Ничего! — произнес граф, открывая глаза. — Странный случай: сейчас, когда я стоял на улице и смотрел в окно вашего магазина, мне показалось, что...

"К чему я говорю ему это? — остановил себя Рене. — Какое ему дело до моей дочери?"

— Говорите, граф, продолжайте! — проговорил вдруг старик, очевидно читая в его мыслях. — Может быть, мне есть дело до вашей дочери!

Такая фраза, вдруг произнесенная совер-

шенно незнакомым человеком, могла бы смутить неподготовленного, но надпись на дощечке в часах и прежнее знакомство графа с перфектибилистами дали ему возможность понять, что он опять встретился с одним из их представителей, для которых, как граф мог убедиться уже раньше, как будто не было на свете ничего невозможного, так как они знали и могли все.

Граф сделал рукой условленный знак, по которому узнавали друг друга члены общества, и часовщик сейчас же сделал ему ответный знак, который показывал, что он имеет высшую степень посвящения.

О знаке этой высшей степени граф Рене слышал только, но не видел еще никого, кто бы пользовался им.

Теперь, узнав в часовщике посвященного в высшую степень, граф обрадовался этому и, слегка наклонив голову, произнес почтительно:

— Я желал бы с вами поговорить, брат мой!

— Я тоже желаю этого! — ответил часовщик. — Пройдемте сюда!

Он отворил дверь во внутреннее помещение лавки и, позвав оттуда другого человека, по-видимому, его помощника или подмастерья, оставил его в лавке, а сам провел графа в находившуюся за лавкой комнату.

— Часы на окно не ставь, — приказал он подмастерью, — они уже не нужны там больше!

Комната, в которую ввел графа часовщик, была маленькая, с окном, выходящим во двор, и была мало похожа на жилище мастерового человека. Тут не было ни инструментов, ни приспособлений для работы, ни разобранных часов, зато на столе лежало несколько книг в толстых кожаных, пергаментных переплетах.

— Итак, вы решились отыскивать вашу дочь, — начал часовщик, — по собственной инициативе и собственными средствами?

— Вам известно это? — спросил граф.

— Как видите! — ответил старик. — Мне известно даже более: я могу сказать вам — усилия ваши останутся напрасными.

— Как напрасными? — упавшим голосом переспросил граф.

— Доктор Герье не привезет вам вашей дочери из Финляндии!

— Вам известны, значит, все подробности моих поисков? — с живым удивлением и даже недоумением воскликнул граф.

— Мне известны все подробности, — по-

вторил часовщик, — и отсюда вы можете заключить, что мне, может быть, известно и остальное, то есть что доктор, как я вам говорю, не привезет вашу дочь из Финляндии.

— Но отчего же это? Почему? — нетерпеливо спросил Рене.

— Оттого, что вы пожелали упредить события и сделали ряд промахов, на исправление которых необходимо время.

— Ряд промахов?.. Я сделал ряд промахов?.. Но каких же? в чем?

— Прежде всего, вы приехали в Петербург, не испросив на то разрешения братства и даже не сообщив ему об этом.

— Но это мне казалось весьма естественным! — возразил Рене. — Я понял так, что известие о моей дочери, пришедшее ко мне через доктора Герье, исходило от братьев, потому что Герье произнес передо мной "Ищите и найдете".

— Совершенно верно! — подтвердил старик. — Доктор Герье, хотя еще не посвященный, но готовящийся быть посвященным, сам того не подозревая, был отправлен в Митаву нашими друзьями, между прочим, и для того,

чтобы дать вам знать о вашей дочери!

— Ну, вот видите ли! Как же мне было оставаться на месте и не уехать в Петербург?! — с упреком воскликнул граф.

— Но, уехав, вы оставили в Митаве короля, оберегать которого вам было поручено братьями, и оставили его без ведома братьев, не сменный никем, кто бы мог заместить вас!

— Но я думал, что важность случая... — начал было граф.

— Важнее всего, — перебил старик, — для членов нашего братства повиновение и исполнение своего долга! Нарушение же его влечет само по себе последствия, которые служат немедленным воздействием! Так вышло и в данном случае! Тем, что вы самовольно уехали из Митавы и оставили короля без заместителя, который мог бы исполнять при нем обязанности, возложенные на вас нашим братством, вы отдали возможность передать вам вашу дочь.

— Значит, по-вашему, я сделал проступок и должен быть, как школьник, тяжело наказан за него?

— Никто не говорит ни о проступке, ни о

наказании! Поймите же наконец причинную связь явлений, их последовательность и зависимость друг от друга! Все в жизни вытекает одно из другого, и настоящее есть математический вывод из прошлого, содеянного вами, а будущее не что иное, как результат настоящего и прошлого. Обыкновенные люди видят в этом возмездие или наказание, как вы говорите, но на самом деле это простая логическая последовательность, которую вы должны понимать. Вот, видите ли, вследствие того, что вы уехали из Митавы, произошли обстоятельства, которые могут поколебать не только ваше теперешнее положение, но и положение самого короля!

— Неужели это так серьезно?

— Да! Это серьезно. Ваша дочь до сих пор находилась в руках иезуитов и под охраной их. Они весьма справедливо видят в ней орудие, которым в случае надобности они могут воспользоваться для того, чтобы или привлечь вас, как одного из приближенных к Людовику XVIII лиц, в число своих друзей и поборников, или же отомстить вам в случае, если вы окажетесь в числе их врагов. Дочь ва-

ша была привезена ими в Россию, и здешний представитель, патер Грубер, должен был повести на вас атаку, имея в виду главную цель, которую занят его орден.

— То есть примирение русского императора с консулом Бонапартом?

— Да, и для этого ссора императора с королем Людовиком.

— Но я никогда не допущу этого! Хотя должен признаться, что отцы иезуиты владеют сильным орудием против меня! И если они заставят меня выбирать между дочерью и верностью королю... — горячо вымолвил граф.

— То что вы ответите им?

— Я ничего не отвечу, потому что ни пожертвовать дочерью, ни предать короля я не в состоянии. Мне останется одно: перестать жить!

— И вместе с тем вы, поступая необдуманно и с горячностью своеволия, чуть было уже не предали короля и не пожертвовали своей дочерью!

— Каким образом? — удивленно, как бы не понимая собеседника, спросил Рене.

— Вам сказал доктор Герье, от кого он узнал точное указание, где находится ваша дочь в Финляндии?

— Да, он узнал это случайно от почтенного священника, который имел дело к хозяйке квартиры, где живет доктор, и знал, куда уехала эта хозяйка. А нам уже было известно, что эта женщина уехала с моей дочерью.

— Этот почтенный священник был сам патер Грубер.

— Сам патер Грубер?!

— Да. И он подсказал доктору Герье, куда ехать и даже где взять экипаж.

— Экипаж взят у хозяина той гостиницы, где я живу.

— Верного католика и клеветника иезуитов, который шпионит за вами и передает им все, что вы делаете.

— Но почему же Груберу нужно было умышленно подсказывать доктору Герье, где моя дочь?

— Потому что в Финляндии дочь ваша находилась уже под охраной наших братьев и была увезена от иезуитов. Чтобы завладеть ею снова, они придумали план, который дол-

жен был быть приведен в исполнение при вашем же собственном, мой милый граф, содействии; вы послали доктора Герье в Финляндию...

— Я не мог поехать сам, потому что не знаю русского языка!

— Ну да! Вы послали доктора Герье, надеюсь, что он вам привезет вашу дочь, а на самом деле благодаря именно этому она должна снова попасть в руки иезуитов, потому что кучер кареты послушен их приказаниям и привезет своих седоков не к вам в гостиницу, а туда, куда приказано ему отцом Грубером. Таким образом, вы чуть не отдали вашей дочери иезуитам и как бы пожертвовали ею. А относительно короля ваш поступок еще неосторожнее: госпожа, которая явилась в Митаву вместе с доктором Герье и относительно которой вместе же с нею под видом рекомендательного письма вам было послано предостережение, была принята королем Людовиком без вас в аудиенции и привезла в Петербург к вам письмо от него.

— Я не получал никакого письма!

— И не получите его, так как оно передано

этой госпожой иезуитам, и они воспользуются им по-своему. Отсюда и грозит опасность королю и вам самим. Может быть, эта опасность поставит вас в такое положение, что вы не будете в состоянии сбересть вашу дочь, если бы ее и вернуть теперь вам. Иезуиты слишком сильны. Вот каким образом вы сами отдали свое свиданье с дочерью...

— Что же мне делать теперь? — почти с отчаянием спросил граф.

— Пока ждать и все-таки не отчаиваться тому, что доктор Герье не привезет вам вашей дочери, и верить, что она находится под охраной нашего братства.

— Так вы не допустите, чтобы она вновь попала к иезуитам?

— На этот раз, может быть, удастся сделать что-нибудь, но не испытывайте судьбы вторично и не пытайтесь в дальнейшем выказывать безрассудную самостоятельность. Завтра, вероятно, вернется доктор Герье, расскажет вам, что произошло с ним, и тогда опять приходите ко мне; вероятно, я вам дам более подробные и утешительные сведения... Итак, до завтра, граф!

Доктор Герье со своей спутницей ехали некоторое время молча; он сдерживал себя, хотя ему хотелось говорить и высказать все, чем было полно его сильно бившееся сердце. Но Герье молчал, потому что находил неудобным пользоваться обстоятельствами, приведшими его и молодую девушку к случайной близости, в которой он являлся покровителем и защитником.

Как покровитель и защитник доктор Герье считал своим долгом оберегать девушку и вместе с тем предоставить ей всю возможную в ее положении свободу.

Он решил, что не заговорит с нею до тех пор, пока она сама не обратится к нему... И вдруг он почувствовал, что она своею рукой нашла его руку и проговорила:

— Благодарю вас!

Это было искрою, упавшею в порох.

Герье не мог долее совладать с собой; сдержанность его исчезла в тот же миг, и бурный поток страстной речи понесся из его уст неудержимо и восторженно.

В этом восторге доктор Герье забыл все и не помнил, что и как они говорили потом. Он чувствовал себя счастливым, радостным, и счастье ему казалось вечным, но вместе с тем летело быстро, и сколько прошло времени, он не мог дать себе отчета.

Карета все ехала.

Наконец, край неба осветился первым, еще слабым отблеском зари, и ночные сумерки стали с минуты на минуту редеть.

Доктор Герье очнулся от счастливого забытья, в которое погрузился, как в сон.

Это было именно только забытье, а не сон, потому что Герье, как ему казалось, ни на минуту не переставал сознавать, что возле него рядом была «она», любимая им девушка, только что отвечавшая на его страстные речи.

"Она" как будто заснула, прислонившись в угол кареты, и лицо ее, защищенное пышной оборкою капора, было обращено в противоположную от доктора сторону.

Заря разгоралась, и рассвет становился яснее и яснее.

Герье ждал не дыша, боясь двинуться, чтоб

не обеспокоить своей спутницы, ждал, пока она обернется к нему...

И она обернулась, наконец, пожившись от утреннего холодка, — обернулась, и Герье увидел ее лицо...

Но велико было его изумление, когда он увидел это лицо. С ним была вовсе не та, о которой мечтал он и за которую с радостью положил бы жизнь... Доктор увез и спас не дочь графа Рене, а все ту же старую свою знакомую — госпожу Драйпегову!..

С доктором в карете была госпожа Драйпегова, и перед нею он почти всю ночь изливался в страстных выражениях, описывая любовь свою...

Как это вышло, как случилось, Герье не мог понять, но видел теперь при свете бледного утра, что спутницей его была госпожа Драйпегова, накрашенная и с подведенными глазами.

Никогда Драйпегова не казалась ему такой отталкивающей, как в это утро! Герье уже думал, что навсегда отделался от нее, что никогда больше не увидит ее, а тут — на, поди! — опять они вместе в карете, и он, принимая ее

за другую, изъяснялся ей в своих чувствах...

— Да неужели это вы? — воскликнул несчастный, уничтоженный доктор, чувствуя себя обиженным и оскорбленным до того, что готов был наговорить ей дерзостей.

— Да, это я, — открывая глаза и стараясь улыбнуться, томно произнесла Драйпегова.

Она заслонила от доктора рукою, выглянула на него из-под руки и, манерничая и жеманясь, произнесла, пытаясь сделать это, как дети, когда они будто бы прячутся:

— Вири-вири-бум!..

Драйпегова была убеждена, что была в этот момент очень мила.

"О, чтоб тебя, противная! — мелькнуло у доктора Герье. — Нет, ведь бывают же такие обстоятельства", — стал рассуждать он и тут же сообразил, что тут не могло быть простой случайности, что все это было, несомненно, подстроено и не без участия, разумеется, самой Драйпеговой.

В докторе поднялась такая злоба обиды и досады, что он не сразу мог произнести слово, да и слова как будто исчезли у него с языка...

Ах, какого обидного, досадного дурака сва-

лял он!..

И чтоб отомстить Драйпеговой и обидеть ее, Герье, справившись с собою, нарочно грубо сказал ей:

— Я вас принимал за другую, и все, что я говорил, относилось не к вам, а к другой, а вы мне ненавистны — слышите ли? — ненавистны!.. Я терпеть вас не могу!

— Говорите что угодно, — вдруг рассмеявшись, громко ответила Драйпегова, — а я вас предупреждала, что вы будете мой, и вот добилась этого... захотела и добилась. Я вам говорила, что непохожа на остальных женщин и что если захочу чего-нибудь, то добьюсь этого непременно... Вот и вышло по-моему... и ты был мой!..

— Так вся эта мистификация произошла при вашем участии? — грозно спросил взбешенный вконец Герье.

— Какая мистификация?

— Да вот, что вы попали сюда... Как вы попали в Финляндию, к Августе Карловне? Ведь вы только что приехали в Петербург?

— Да сами-то вы ведь приехали вместе со мною и тем не менее попали в Финляндию!..

— Я — дело другое! Я явился сюда, чтобы вернуть дочь отцу...

— И изъясниться ей в любви, провожая ее? Нечего сказать — хорошее возвращение дочери к отцу подготовили вы!..

Доктор Герье почувствовал, как краска стыда заливает ему лицо. Упрек был вполне справедлив, и ответить на него было нечего; поэтому и он должен был смолчать на этот раз.

Драйпегова пригнулась к нему.

— Неужели, — заговорила она, — вы действительно сожалеете, что вместо меня не было рядом с вами молодой девушки, о которой вы говорите? Разве она сумела бы ответить, как я, на ваши страстные речи? Но знаете, доктор, вы, когда захотите, можете быть красноречивы...

— Нет, — проговорил молодой доктор, не вдруг прерывая свое молчание, — теперь, когда угар прошел, когда явился такой странный и неожиданный конец моему опьянению, я должен признаться, что не жалею, что вместо молодой девушки оказались вы. Я был недостоин сопровождать ее, и, скажи я ей все,

что говорил здесь в карете, я, наверное, рассказывался бы потом...

— Мы становимся благоразумными! — одобрительно протянула Драйпегова.

В ее тоне чувствовалась неизмеримо дерзкая насмешка. Она мстила доктору по-своему, почти издеваясь теперь над ним...

Злоба к спутнице снова стала душить Герье.

Неизвестно, чем бы кончилось это объяснение их, если бы мчавшаяся до сих пор карета не остановилась вдруг...

Карета остановилась.

Обе дверцы ее растворились, и в них показалось несколько человек в масках, вооруженных пистолетами.

— Если вы двинетесь, я спущу курок, и вы будете мертвы, — проговорил, выставляя пистолет, человек, который появился в дверце со стороны доктора.

Драйпегова вскрикнула и упала в обморок. Но доктор Герье знал, что на свежем воздухе, да еще на довольно прохладном, обморока не бывает, и потому не встревожился этим.

Пока с ним разговаривал замаскирован-

ный, направивший на него свой пистолет, двое других из противоположной дверцы вытаскивали госпожу Драйпегову, и та, почувствовав, что ее тащат, заблагорассудила очнуться от обморока и стала отбиваться и кричать...

Однако с ней мигом справились, вытащили ее, дверцы захлопнулись, и карета покати-лась дальше вскачь...

Герье слышал крик Драйпеговой, высунул-ся в окно, но не мог уже увидеть, что делалось сзади, потому что дорога шла через лес и де-лала заворот, благодаря которому и замаски-рованные люди с госпожою Драйпеговой остались скрытыми за деревьями.

Герье попробовал было крикнуть кучеру, чтоб тот вернулся, но испуганный кучер гнал лошадей что есть мочи...

"А, да ну ее! — в ожесточении решил Герье, откинулся на подушки, закрыл глаза и сказал про себя: — Пусть будет, что будет!"

В Петербурге карета подвезла доктора Герье прямо к гостинице.

Герье был уверен, что граф Рене нетерпеливо ждет его, и заранее волновался, как он станет рассказывать о своем путешествии, кончившемся таким удивительным недоразумением.

Доктор был крайне недоволен собой. Ему неприятно было воспоминание о своем поведении в карете, а также и то, что он оставил на произвол судьбы хотя и противную, но все-таки женщину, не попытавшись сделать хоть что-нибудь, чтобы освободить ее от напавших людей. Хотя Герье и оправдывал себя тем, что напавших было много и он один все равно ничего не мог бы сделать против них, но все-таки впечатление у него оставалось такое, как будто он совершил дурной поступок.

Путешествие его было неудачно, и эта неудача, разумеется, должна была повергнуть графа Рене в полное отчаяние.

Герье думал, что граф ждет его и что Баптист прямо проведет его к графу, но Баптист и

на этот раз ни за что не хотел изменить своим привычкам и пошел докладывать и только после доклада ввел доктора к графу.

Несмотря на ранний час утра, граф Рене был одет.

По обстановке комнаты и по измученному, усталому виду графа можно было заключить, что он вовсе не ложился спать.

Граф не кинулся навстречу доктору, не привстал даже с кресла, а только поглядел на него и безнадежно махнул рукой.

— Вы один? Я знал это! — проговорил он, глубоко вздохнув.

— Я не виноват! — сейчас же начал оправдываться Герье. — Уверяю вас, что я не виноват; я действовал превосходно, и мне удалось увезти ее...

Граф дрогнул и поднялся со своего места.

— Вам удалось увезти ее? — в ужасе воскликнул он, и голос его показался доктору страшным. — Где же она?

— Мне удалось увезти не ее... на ее месте, в Финляндии, под охраной Августы Карловны, была та самая госпожа Драйпегова, на которой я уже однажды обманулся, проследовав

для нее в Митаву. И вы знаете, что впоследствии оказалось хорошо, что я не увез вашей дочери, потому что на пути мою карету остановили и выхватили ту, которая была со мной. Хорошо, что это была госпожа Драйпегова!

Граф облегченно вздохнул, опустился в кресло и, как ни было тяжело у него на сердце, не мог удержаться от улыбки.

— Так вместо моей дочери, — проговорил он, улыбаясь, — господа иезуиты похитили из вашей кареты эту госпожу, свою же сообщницу? Боже! Благодарю Тебя!

— Откуда вы знаете, что это — дело иезуитов? — спросил Герье.

Граф поглядел на него, как бы не слыша вопроса и как будто думая о другом.

— Откуда? — переспросил он наконец. — От тех людей, которые и мне и вам сказали "Ищите и найдете".

— Однако мы ищем и не находим! — с досадой и сердцем в голосе возразил Герье.

— Должно быть, мы не так ищем! — снова вздохнул граф и опять поднялся со своего места. — Ну, до свиданья! — сказал он, отклани-

ваясь доктору. — Мне надо сейчас торопиться, так что вы извините меня!

— Но мне надо, — начал было говорить Герье, — вернуть вам, граф, оставшиеся от тех денег, что вы дали мне, и отдать вам отчет в произведенных мною расходах.

— Некогда! Некогда! — повторил граф несколько раз. — Потом как-нибудь! — И, поклонившись еще раз доктору, он ушел в соседнюю комнату.

Герье остался один, обиженный отношением к нему графа, но вместе с тем готовый сознаться, что другого отношения к себе он своим поведением и не заслужил.

Доктор вынул деньги, положил их на стол и сказал появившемуся в дверях Баптисту:

— Передайте это графу, а счет расходов я ему пришлю сегодня же, — и удалился, стараясь сделать это как можно с большим достоинством.

Герье был уверен, что граф делал только вид, что торопится, чтобы только отделаться от него поскорее, но он был неправ, потому что граф торопился на самом деле. Ему хотелось поскорее пойти к старому часовщику,

который сказал графу, чтобы он пришел, когда доктор вернется из своей поездки и расскажет обо всем, что случилось с ним во время нее.

Теперь граф знал, что случилось с доктором, знал, что его дочь не попала в руки к иезуитам, и, значительно ободренный этим, поспешил в лавку часовщика.

Тот встретил графа Рене очень ласково и приветливо.

— Что же, граф? Все очень хорошо! — сказал ему часовщик. — Надеюсь, вы убедились теперь, что было бы хуже, если бы доктору Герье удалось увезти вашу дочь!

— Но где же она? Где, наконец? — воскликнул граф. — И когда же я увижу ее?

— Она теперь в совершенно безопасном месте и должна остаться там, пока отцы иезуиты перестанут искать ее. Иначе ей грозит, может быть, даже гибель; ни здесь, в Петербурге, ни у вас, в Митаве, оставить ее нельзя, потому что и тут, и в Митаве они найдут ее и погубят, хотя бы просто для того, чтобы выместить на ней свою злобу. Для блага вашего ребенка подождите еще немного и будьте увере-

ны, что увидите с нею. А пока вернитесь в Митаву к королю, будьте при нем. Так повелевает вам братство!

Графу Рене сильно хотелось сказать в первую минуту, что он знать ничего не хочет и чтобы ему отдали его дочь сейчас же, но он быстро одумался и решил, что все-таки подчиниться решению братства будет лучше.

— Могу я надеяться, — только проговорил он, — что все-таки мое ожидание не будет долгим?

— Для вас, граф, всякое ожидание покажется долгим! — сказал часовщик. — Надо потерпеть! Таково неременное условие!

— Тяжелое условие! — заключил граф и, поникнув головой, покорно сказал: — Хорошо! Я вернусь в Митаву к королю и буду ждать!

Отец Грубер с самого утра ходил по своим апартаментам, часто останавливаясь и заглядывая в окна.

Наконец, он увидел, как дорожная карета с опущенными шторами подъехала к дому и завернула в ворота.

Через несколько времени в тихих апартаментах иезуитского жилища послышались шаги, говор и женский визгливый крик, такой крик, на который едва ли была способна молодая робкая девушка, а Грубер знал, что дочь графа Рене, которую должны были привезти к нему, именно тихая и робкая девушка.

— Я буду жаловаться! — кричал визгливый женский голос. — Разве можно обходиться так с женщиной?

Грубер поспешил на этот голос и, выйдя в зал, увидел там госпожу Драйпегову в сопровождении вооруженных людей, посланных им для захвата дочери графа Рене.

При виде Грубера Драйпегова смолкла, но сейчас же подступила к нему — впрочем, с

весьма понятными в ее положении распросами.

— Отец мой! — заговорила она. — Что это значит? Меня захватили эти люди среди дороги и обошлись со мной, как с пленницей, и, наконец, почему насильно привезли меня к вам?

Она говорила, а Грубер, вытаращив глаза, слушал ее, сам ничего не понимая.

Привезшие ее вооруженные люди чувствовали, что вышло что-то неладное и что они сделали какую-то непоправимую глупость, а потому боязливо пятились к дверям.

— Ступайте! — махнул им рукой Грубер.

Они вышли, а патер обратился к Драйпеговой и, склонив голову набок, участливо стал расспрашивать ее, что случилось, в чем, собственно, дело и как она попала в Финляндию.

Грубер расспрашивал таким тоном, как будто не он был виноват тут, а провинилась сама госпожа Драйпегова, и он желал лишь утешить ее.

Драйпегова снова и очень подробно рассказала Груберу, как была вытащена из кареты и приведена сюда.

— Да из какой кареты? — переспрашивал Грубер. — Вы одни ехали или с кем-нибудь?

— Разве это важно? — проговорила она.

— Очень важно для расследования этого неприятного дела.

Грубер произнес это с такой уверенностью, что Драйпеговой даже не пришло в голову, что если он действительно хотел расследовать это дело, то лучше всего ему было бы обратиться к вооруженным людям, привезшим ее сюда.

— Нет, я была не одна! — опуская глаза под взором патера и краснея, с трудом процедила сквозь зубы Драйпегова.

— С кем же? — продолжал настаивать патер.

Драйпегова молчала.

— Вы не хотите отвечать?

Апломб у этого человека был удивительный. Вместо того чтобы смутиться самому неожиданным захватом госпожи Драйпеговой, он как будто ее еще приводил в смущение.

Драйпегова молчала.

— Может быть, вы ехали с молодым же-

невцем, доктором Герье? — снова произнес Грубер.

Драйпегова вздрогнула и почти с благоговейным трепетом взглянула на патера.

— Отец мой! — удивилась она. — Для вас нет ничего сокровенного... вы все знаете... Да, я была с ним...

Это первое, что необходимо было выяснить отцу Груберу. Если Драйпегова ехала в карете с доктором Герье, значит, эта карета была Вартота и посланные им люди исполнили в точности, что им было приказано, и не были виноваты: им было велено захватить лишь женщину, которая будет ехать в карете Вартота, для чего и был посажен кучером один из своих же.

— Хорошо, — словно следователь, продолжал допрашивать Грубер, — но как же вы попали в эту карету?

— Это, отец, довольно сложная и романтическая история...

— Расскажите!

— Я затрудняюсь.

— Расскажите мне, как вашему духовнику. Я вижу, что это необходимо, потому что для

меня ясно, что тут кроется какой-то грех. Вы были вовлечены в грех?..

Старик Авакумов, несмотря на свою русскую фамилию, был католик, происходивший от давно переселившихся в Польшу и перешедших там в католичество предков. Он был женат тоже на католичке, и потому дочь его принадлежала к римской церкви и была одною из самых послушных овец стада, пасомого отцом Грубером.

— Ваша правда, — согласилась Драйпегова, — я была вовлечена в грех. Вы все знаете, отец. Этот доктор сопровождал меня в Митаву и обворожил меня... и вот, по возвращении оттуда, он, обворожив меня и не ответив мне на мое чувство, преступно отверг меня. Ведь это преступно с его стороны, отец?

— Преступно, конечно, преступно! — успокоил ее Грубер. — Дальше?

— Дальше я была в отчаянии. Я не знала, что мне делать... я была как в бреду...

— Нужно было прийти ко мне за советом; я не отказал бы вам в нем.

— Я стеснялась говорить с вами о таком деле, как любовь. Я решилась открыться старо-

му, преданному моему отцу человеку...

— Кому?

— Старику Крохину...

— А-а! И что ж он?

— Он обещал устроить для меня свидание с доктором Герье и, надо отдать ему справедливость, устроил. Крохин убедил меня, что нынешние молодые люди — большие романтики и что надо на их воображение действовать романтизмом, а для этого разыграть так, будто я похищена и томлюсь в заключении. Из заключения же меня должен спасти доктор...

— Так вас отвез в Финляндию сам Крохин?

— Да. Он же сделал так, что доктор приехал туда...

— Неужели он?

До сих пор Грубер был уверен, что доктор Герье приехал по его, Грубера, наущению.

— Да, по крайней мере, он мне сам сказал так, — подтвердила Драйпегова.

— Та-ак! — протянул Грубер, поняв наконец, но поздно, что одурачен.

Для него не было сомнения, чья это была проделка. Кроме того, Грубер знал уже из рас-

сказов Иосифа Антоновича о том, что живший у Авакумова Крохин принадлежит к перфектибилистам... Это было их рук дело.

И отец Грубер должен был убедиться, что дочь графа Рене навсегда ускользнула от того, чтобы попасть во власть иезуитов.

Доктор Герье вернулся домой от графа в Дугнетенном, униженном состоянии духа. Он не чувствовал никогда так, как теперь, своего одиночества. Никого у него не было на свете, никого! Даже последний случайный, по совместному житью, приятель, художник Варгин, и тот исчез куда-то, почти бесследно. Доброй немки-хозяйки, Августы Карловны, и той не было...

Вспомнив про Августу Карловну, Герье невольно подумал о том, как же он встретится теперь с нею и какими глазами посмотрит на нее? С нею он поступил совсем неладно, украв у нее из кармана ключ, именно «украв» — другого слова нельзя было употребить тут. И потом, или, вернее, раньше, он подсыпал ей сонных порошков...

И вдруг доктора взяло сомнение: а какую дозу он всыпал ей и не слишком ли сильна была эта доза? Он был взволнован тогда и в волнении мог сделать промах.

Чтобы проверить себя, Герье поспешно схватился за свою аптечку и достал коробку с

сонным порошком. Она оказалась полна, наравне с краями.

"Что ж это?" — ужаснулся Герье и взял другую коробку, с другим порошком.

Эта коробка с другим порошком была неполная: желая дать Августе Карловне снотворного, Герье ошибся коробкой и дал ей из другой, а в этой другой был не безвредный усыпляющий порошок, а яд — и яд, действовавший на организм человека очень сильно!..

— Господи, что я сделал, что я сделал! — стоном вырвалось у несчастного доктора, и он, схватившись за виски, опустил голову...

Злополучная поездка его имела, кроме неудачи, и более серьезные последствия теперь. Он, доктор, пал до того низко, что собственными руками отравил ни в чем, в сущности, не повинную старушку и сделал это преступление ради разыгравшейся в нем страсти!

Это было непростительно, чудовищно, ужасно...

Первое время после сделанного открытия Герье сидел как безумный, ничего не понимая. Отрывочные, беспорядочные мысли но-

сились в его голове. Мелькали какие-то несуразные воспоминания, но потом все это рассеялось, и, как черной тучей, все покрылось одним отчаянным сознанием: он вынимал ключи из кармана Августы Карловны, а в это время она уже не спала, а была мертва. Она должна была быть мертва, судя по количеству отсыпанного из коробки порошка...

— Что же, если так, — проговорил вслух Герье, подняв голову и глядя перед собой безумными глазами и не видя ими ничего, — тогда и мне жить дольше нельзя! Все кончено!

Как нарочно, под руку ему попался стоявший на столе графин с водой и стакан. Герье налил воды, всыпал в нее все содержимое коробки с ядом, взболтнул и взял стакан, чтобы поднести его к губам...

Но кто-то сзади остановил его руку и встряхнул ее так сильно, что стакан выпал, ударился об пол и разбился.

Герье оглянулся и увидел, что сзади его стоит, крепко держа его за руку, тот, кто был известен ему под именем Трофимова.

Герье дрогнул и, обесиленный, поник всем телом на стул, а Трофимов обошел, стал про-

тив него и положил ему руку на плечо.

— Что, доктор, дошли?

Доктор Герье выпрямился и злобно глянул на говорившего с ним.

— Дошел! — произнес он. — Вот до чего дошел, и благодаря вам... вы, вы во всем виноваты! Я жил спокойно, вы возбудили во мне несуразную надежду своими словами: "Ищите и найдете". Я искал ее, и что же вышло?

— Вы искали, — спокойно возразил Трофимов, — но не то, о чем я говорил вам! Вы искали удовлетворения своей телесной, человеческой страсти, которая, как самопожирающая змея, вечно возникает вновь. Вы влюбились в незнакомую вам девушку только потому, что лицо ее понравилось вам, и искали эту девушку, думая, что я буду наталкивать вас на низменную человеческую страсть. Но я говорил вам не о том и не к тому относились мудрые слова "Ищите и найдете". Благодаря вашему уму, знаниям и развитию вы не предначинены быть в числе тех простых смертных, которые могут довольствоваться мелкими благами этой жизни. Вам предначинен другой, более высокий жребий, вы должны по-

лучить власть направлять людей к добру и правде, и вы должны искать это добро и правду и найти его по тем словам, которые я сказал вам. Теперь пришла минута, когда вы должны опомниться и перестать безумствовать, как делали это до сих пор, потому что человек, вступивший на путь мудрых и со-
вратившийся с него, безумец!

Доктор Герье в ответ покачал головой и слабо проговорил:

— Теперь уже поздно, минута эта прошла, и, если вы не дали мне принять яд сегодня, я завтра возобновлю свою попытку.

— Попытку чего?

— Умереть!

— Умереть для прежней жизни; я первый помогу вам в этом и буду способствовать вам, чтобы вы возродились к новой, в которой пусть не смущает вас ничто, ни даже женская прелесть, но единая страсть руководит вами, благородная страсть к добру и правде.

— Если б это было так, — вырвалось у доктора Герье, — но это невозможно, злое дело совершилось, и оно навсегда будет тяготеть надо мною!

— Не надо отчаиваться никогда и надо уметь сносить посылаемые судьбой испытания и понимать их, если дана человеку мудрость. Вам было дано тяжелое испытание, но не сказано ли было: "Ищите и найдете", не значило ли это, что за вас бодрствуют и руководят вами...

— Как, руководят? — воскликнул доктор Герье. — Значит, то, что я сделал...

— Подсыпали вместо сонного порошка яд ни в чем не повинной старухе...

— Вы знаете это? Вам известно? — с изумлением спросил доктор.

— Я вам говорю, что за вас бодрствовали и на самом деле не допустили совершиться злому делу. Порошок, который вы всыпали старухе и остаток которого только что смешали с водой, чтобы отравиться им, не был ядом и совершенно безвреден! Яд, хранившийся в вашей аптечке, был заменен безвредным порошком потихоньку от вас, еще тогда, когда старик Авакумов желал соблазнить вас деньгами, чтобы приобрести от вас отраву. Это было сделано на тот случай, если бы вы соблазнились и решились продать ему яд.

— Так, значит, Августа Карловна жива? —
обрадовался доктор.

— Жива и здорова.

— А ее внезапный сон?

— Был притворный, потому что ей было
указано, как она должна была поступать.

Герье мог только выговорить одно, но зато
от всей души:

— Слава Богу!

LXXXIV

Силины, отец с сыном, приехали к себе в деревню после долгого пути. Они должны были задержаться в Москве, потому что весна стала ранняя, дороги испортились и реки разлились, так что не было переправы. Только в конце весны, почти к самому лету, добрались они до своего имения и очутились снова на вольном воздухе, в родной деревне.

Старик Силин ожил, принялся с усиленным рвением хозяйничать, а молодой стал тосковать по Петербургу, откуда сторяча уехал.

Он с самого утра уходил в поле или лес и бродил без цели, часто также приказывал оседлать себе лошадь, вскакивал на нее и уезжал, пропадая на целый день.

Здесь был не Петербург, и отец не беспокоился за Александра, предоставляя ему делать, что он хочет.

Места были знакомые, свои, и Силиных знали по всей губернии.

Одно смущало старика, что не проходила задумчивость Александра, он был скучен на

вид, как и в Петербурге, и ничто, казалось, не интересовало и не было мило ему.

На работы, в помощь отцу, он не хотел ездить и вообще не хотел ничем заняться.

Раз как-то Александр приехал вдруг радостный и сияющий, улыбался весь вечер и за ужином спросил вдруг отца:

— А что, батюшка, вы не думаете познакомиться с новым нашим соседом?

— С кем это? — спросил старик Силин, накладывая себе в тарелку простоквашу. — С этим, как его, Елчаниновым?

Во время их отсутствия в соседнее с ним большое имение с превосходным барским домом, принадлежащее прежде князю Верхотурову, приехал из Орловской губернии, где тоже у него было имение, новый помещик, Елчанинов, женатый на узаконенной дочери князя Верхотурова и получивший за ней в приданое все огромное состояние князя.

— Да, с ним! — радостно подтвердил Александр.

— Что ж? Я познакомиться рад! — сказал старик Силин. — Но только первый к нему не поеду; он моложе меня, а то, что он по жене

богаче, так это мне все равно! У меня и своего богатства довольно. Хочет быть знакомым, так пусть пожалует ко мне.

— А вы мне позволите съездить к нему? — просительно вымолвил молодой Силин.

— Это зачем?

Александр замялся и не знал, как ответить.

— Да так... — произнес он улыбаясь. — Мне хочется!

— Что так вдруг? По-моему, и тебе ехать не след, а то подумают, что мы заискиваем.

Молодой Силин не возражал, потому что знал, что с отцом, в особенности в деревне, всякие возражения и споры были совершенно напрасны. Но на другой день он с самого утра велел оседлать себе лошадь и ускакал.

Он направился в сторону елчаниновской усадьбы, которая отстояла от их дома в сравнительно недалеком расстоянии. Подскакав к усадьбе со стороны парка, Александр задержал лошадь и стал ездить вдоль подстриженной изгороди великолепно расчищенного, богатого английского парка.

Дело было в том, что вчера, проезжая тут

случайно, он заметил на дорожке парка красивую молодую женщину и рядом с нею девушку, которую сейчас же признал.

Это была та самая девушка, которая в Петербурге спасла его из подвала таинственного дома на Фонтанке.

Он не ошибся, увидев ее; это была, несомненно, она, из тысячи Александр узнал бы ее... Потому-то он так и радовался накануне, и заговорил с отцом о знакомстве с соседом.

С час времени ездил молодой Силин вдоль изгороди, всматриваясь в прилегавшие к ней дорожки парка. Вдруг он заметил, что прямо на него, с поля, едет всадник, молодцеватый и блестящий вид которого сразу дал возможность догадаться молодому Силину, что это должен быть не кто иной, как сам новый помещик Елчанинов.

Силин приподнял шляпу, поклонился всаднику, тот вежливо ответил на поклон, и они разговорились.

Елчанинов, узнав, что перед ним сын его соседа, сказал, что очень рад, что они вернулись наконец и что он давно хотел проехать к его отцу, чтобы познакомиться.

— Так поедemте сейчас! — радостно предложил Силин. — До нас тут рукой подать, а отец будет страшно рад.

— А в самом деле, поедemте, — согласился Елчанинов, и они поехали.

Таким образом состоялось знакомство.

На другой день Александр потащил отца к Елчанинову, а потом стал бывать у них каждый день.

Молодую девушку звали у Елчаниновых графиней.

Александр узнал, что она была родом французенка, по-русски она говорила с большим затруднением, но самые ошибки ее были очень милы и сообщали ее разговору особенную прелесть.

Когда она увидела в первый раз молодого Силина, она сделала чуть заметное движение, выдавшее, что она узнала его, но сказать это она почему-то не сочла нужным, и Силин не осмелился напомнить ей об их встрече в Петербурге.

Потом графиня держалась с ним как ни в чем не бывало. Они катались всем обществом, ездили на рыбную ловлю, но никогда

молодая графиня не оставалась с Александром наедине, а заговорить с ней о Петербурге при всех у него не хватало духу. Однако она была очень мила с ним, называла его "русский медвежонок", всегда с одинаковым трудом произнося это слово.

Елчаниновы оказались премилые люди. Молодой Силин привязался к ним и самоотверженно возился с их детьми, которых у них было двое — оба мальчика.

У Елчаниновых жил еще двоюродный брат самой Елчаниновой, маркиз де Трамвиль.

По его фамилии Силин решил, что у Елчаниновой родственники — французы и что графиня тоже должна быть родственница ей.

Был тихий теплый вечер... Полный диск луны стоял над заснувшим парком, тишина в воздухе была такая, что был слышен полет ночной бабочки.

Молодой Силин сидел на балконе с маркизом Трамвилем и играл в шахматы. Елчанинов был у себя в кабинете; ему только что привезли почту, и он разбирал ее. Жена его пошла наверх к детям, чтобы укладывать их. Графиня, вероятно, сидела у себя, что делала она очень часто.

Силин, проиграв маркизу две партии, чем тот остался очень доволен, стал было расставлять фигуры для третьей, но маркиз поднялся и сказал, что он пройдет к Елчанинову, чтобы спросить, что есть интересного в сегодняшней почте.

Силин его не удерживал, спустился с балкона в парк и пошел по первой попавшейся дорожке.

Он шел и слышал, как хрустит под его ногами песок, и сейчас же также услышал, что впереди можно было различить легкий ше-

лест платья.

Навстречу ему шла графиня. Обыкновенно серьезное и даже строгое лицо ее улыбалось, глаза блестели при свете ясного месяца.

— Какой хороший вечер! — сказала она.

— Ах, какой хороший! — подхватил Силин, чувствуя, как забилося его сердце.

Она повернула и пошла с ним рядом. Они сделали несколько шагов молча.

— Можно мне у вас спросить одну вещь? — с трудом проговорил Силин, сам не зная, как и откуда берется у него храбрость.

Графиня ничего не ответила и продолжала идти. Но для Силина и не надо было ответа, он почувствовал, что спросить можно.

— Помните ли вы меня в Петербурге? — чуть слышно прошептал Силин, хотя ему показалось, что он все-таки говорит громче, чем это было нужно.

— Да, я помню! — сказала графиня, и в эту минуту Силин желал только одного: тут же на месте умереть от счастья.

— Ведь это были вы? — несвязно лепетал он. — Я... знаете ли... простите... с тех самых пор все думаю о вас, то есть не то что думаю, а

понимаете... впрочем, я не знаю, что я говорю.

— А я знаю и понимаю! — ответила она, причем у нее выходило глагольное «ю» больше похожим на «й». — Я потому и говорить с вами нашла нужным... Вы не знаете, но я давно уже невеста!

Силин остановился. Все померкло и потухло в его душе — и глупые, ненужные слезы подступили к горлу. Должно быть, он был очень жалок в эту минуту, потому что графиня с участием и состраданием, глядя на него, стала рассказывать ему свою историю.

Ей не хватало русских слов, рассказывать подробности ей было трудно, и Силин узнал только, что графиня много терпела на своем веку после ужасов революции и что постоянно ее спасал и был ее хранителем молодой француз, которого она называла виконтом Гастоном.

Виконт был ее хранителем, ему она была обязана всем, и с ним она обручилась.

В последнее время монахи перевезли графиню в Польшу, но виконт нашел ее и там и сообщил ей, что ее отец в Митаве с королем

Людovicом.

Они бежали, но их захватили на дороге, разлучили, и ее привезли в Петербург и поместили к старику, который был злой и которого она боялась.

Здесь она снова увидела виконта — он явился к старику с требованием, чтобы тот отпустил ее, но затем виконт исчез, и через некоторое время она узнала от горничной, доброй девушки, что в подвале их дома заключен молодой человек.

Она думала, что это ее жених, и решилась освободить его. Это ей удалось. Но она освободила не своего жениха, а его, Александра Силина. Жениха же она не видела с тех пор и не знает, что с ним случилось.

Но добрые люди, принявшие затем в ней участие и привезшие ее сюда, в этот деревенский дворец, где ей очень хорошо, уверили ее, что она увидит вновь своего виконта и своего отца и что нужно только подождать.

Силин слушал и чувствовал, как будто с каждым словом девушки отрывалось по ключку от сердца его, и тихая грусть наполняла все его существо, но вместе с тем ему было

жалъ ее и были минуты, что он желал, чтобы графиня поскорее нашла своего жениха и была счастлива.

Молодая девушка еще говорила, когда вдали, в стороне, где была большая дорога, зазвучал колокольчик; сначала он гудел неясно, но потом становился все ближе и ближе; слышно было, как копыта лошадей простучали по мосту и прогремел по нем экипаж, наконец, колокольчик резко задрезжал по ту сторону дома, где был главный подъезд, и вдруг оборвался.

— К вам приехал кто-то дальний, — сказал Силин.

Графиня вдруг повернулась и так быстро побежала в дом, что Силин, который счел неприличным также бежать за нею, не мог поспеть простым шагом. Он видел, как девушка вбежала по ступенькам балкона, вошла в столовую, куда вела балконная дверь, и, когда она вошла, услышал громкий крик, заставивший его приостановиться.

Тогда он кинулся уже со всех ног в дом и увидел в столовой Елчанинова, жену его, маркиза Трамвиля и покрытого пылью художни-

ка Варгина, с которым все здоровались и приветствовали его. А сзади Варгина стоял стройный, цветущий, красивый молодой человек, и молодая графиня держала его за руки и, смеясь и вместе с тем плача, смотрела на него.

Для Силина без всяких пояснений стало ясно, что этот приехавший вместе с Варгиным молодой человек был виконт Гастон.

Нетрудно, конечно, догадаться, что привезенный Варгиным к Елчанинову покровитель и защитник молодой графини, виконт Гастон, был тот молодой человек, которого содержал у себя Авакумов в отдельной комнате и который был спасен и извлечен перфектибилистами, чему явился свидетелем Варгин.

Один из главных перфектибилистов в то время в Петербурге был человек, носивший имя Трофимова, которого когда-то знал Варгин под его настоящим именем Кирша.

Тогда они были близкими друзьями, и у них был еще третий приятель, молодой офицер Елчанинов, женившийся и уехавший в провинцию, в имения, взятые им за женой. Однако связь его с Киршем, очевидно, не порвалась, потому что Кирш, или Трофимов, прислал под его охрану к нему в деревню молодую графиню, за безопасность которой был уверен, раз она находилась на попечении его старого приятеля, Елчанинова, которого Кирш знал очень хорошо.

Сюда же он поручил Варгину привезти и

виконта, оправившегося и ставшего здоровее, чем был прежде.

Наконец, влюбленные были соединены, и им улыбнулось счастье, которое они заслужили целым рядом лишений и страданий, выпадающим в жизни не каждому на долю.

Молодой Силин понял, что он тут лишний, и уехал домой.

Елчанинова осталась с молодыми людьми, а муж ее увел Варгина к себе в кабинет и стал расспрашивать его о том, что делается теперь в Петербурге, о том, как действует там их общий приятель Кирш.

— В последнее время, — рассказывал Варгин, — он жил под именем Трофимова; я с ним встретился и не мог узнать его до тех пор, пока он мне сам не открылся. Кирш достиг необычной силы и положительно способен делать чудеса; по крайней мере, многое из того, что мне удалось самому видеть, положительно было чудесно!

И Варгин подробно передал своему другу все, что знал о Кирше-Трофимове.

Елчанинов слушал, изредка прерывая вопросы.

— Так он теперь стал богат? — спросил, между прочим, Елчанинов, когда Варгин описал ему, в каком доме жил Трофимов.

— Если хочешь, — ответил Варгин, — он и богат, и беден, смотря, как того требуют обстоятельства! Когда нужно, братство дает ему средства, но для своих личных выгод этими средствами он не пользуется. Он жил в хорошем доме под видом Трофимова и затем, когда это потребовалось, немедленно поместился в маленькой убогой лавочке, в качестве старика часовщика, довольствуясь более чем скромной обстановкой. А между тем, если бы он захотел действовать лично для себя, он мог бы достать себе все, что пожелает, не только богатство, но и почести, и власть. Благодаря своей силе он, впрочем, имеет уже неограниченную власть над людьми и может заставить их сделать все, что пожелает. Я знаю один из разительных примеров его почти сверхъестественной силы. Дело в том, что иезуитам стал известен гипноз...

— Он был им известен давно! — сказал Елчанинов.

— Может быть! — согласился Варгин. —

Но, во всяком случае, у них до сих пор не было человека, обладавшего такой силой гипноза, как теперь. У них выискался некий Иосиф Антонович Пшебецкий, и вот с ним-то пришлось померяться Киршу. Пшебецкий пригласил его к себе как доктора Трофимова и, зная, что он принадлежит к обществу перфектибилистов, хотел загипнотизировать его, чтобы под гипнозом заставить его говорить. Кирш противостоял этому, но прикинулся загипнотизированным и говорил Пшебецкому то, что хотел и что было, по его мнению, нужно. Пшебецкий попался на эту удочку, и иезуиты потерпели еще одно поражение в деле молодой графини. Затем Кирш сам загипнотизировал гипнотизера, то есть Пшебецкого, и заставил его говорить. Пшебецкий этого не подозревает и, напротив, уверен, что он имеет власть над Киршем.

Долго еще говорили приятели, пока их не позвали ужинать, и за ужином все соединились за общим столом.

Это был веселый, радостный ужин, пили за здоровье жениха и невесты и пожелали им всякого благополучия.

LXXXVII

Брат иезуит Иосиф Пшебецкий исполнил данное ему Грубером поручение, съездил в Варшаву, и там было сделано все, как желал этого патер Грубер.

Была составлена, набрана и напечатана в иезуитской типографии книга, которая явилась весьма искусно подделанным, ложным ключом к шифрованной приписке в письме короля к графу Рене.

Книга эта должна была погубить в глазах русского императора Людовика XVIII, и Пшебецкий вез ее в Петербург. Он ехал на почтовых и остановился на ночлег на одной из станций.

Брат Иосиф слишком утомился в пути и хотел отдохнуть, но ему жаль было проводить в комнате хороший летний вечер, и потому он велел себе устроить постель на сеновале, где было и мягче, и прохладнее.

Пока ему устраивали ночлег, почтенный иезуит сел на скамеечку у крыльца станции и видел, как подъехали двое в большой, поместительной, удобной берлине. Один был ста-

рик, другой молодой.

Пшебецкий не обратил внимания на проезжих, встал и пошел к себе на сеновал.

— Вот она, судьба! — сказал старик молодому так тихо, что тот только один мог это слышать. — Это тот самый Иосиф Пшебецкий, который служит гипнотизером у отцов иезуитов. Очевидно, он возвращается в Петербург не даром; с ним, наверное, есть какие-нибудь интересные данные.

Старик, сказавший это, был не кто иной, как все тот же Кирш-Трофимов, или старый часовщик, или перфектибилист, а спутник его — доктор Герье, излеченный уже от своей страсти и всецело отдавшийся делу самоусовершенствования.

Герье пожелал быть посвященным, приготовился к этому и ехал теперь вместе со своим руководителем в Германию, чтобы принять там посвящение.

Они заняли на станции свободную комнату и расположились тут на ночь.

Герье скоро заснул, но его товарищ не лег спать, а потихоньку вышел из комнаты и направился осторожными шагами на сеновал.

— Куда, барин? — остановил его проходивший по двору с ведром ямщик.

— Душно в комнатах, хочу на сеновал пройти! — спокойно отвечал Кирш.

В таком желании не было ничего удивительного, и ямщик охотно указал ему дорогу и помог даже взобраться по лестнице.

На сеновале, раскинувшись на разостланном на сене ковре, глубоким сном спал Иосиф Пшебецкий.

Кирш нагнулся над ним, протянул руку и властным голосом приказал:

— Говори!

Пшебецкий не изменил положения, в котором лежал, но полуоткрыл глаза и довольно внятно произнес:

— Я буду говорить!

— Зачем ты едешь в Петербург?

— Везу перехваченное письмо от короля Людовика к графу Рене и поддельный ключ в виде книги к шифру этого письма.

— Где это письмо?

— У меня на груди, в замшевой сумочке.

— Отдай его мне.

Пшебецкий сделал усилие, как будто хотел

противиться, но Кирш снова протянул над ним руку и повторил:

— Отдай его мне!

Пшебецкий судорожно задвигал руками, расстегнул камзол на груди, достал замшевую сумку, вынул письмо и протянул его.

Кирш взял письмо, спрятал в карман и постоял с минуту в раздумье... Случай доставил ему возможность уничтожить или, так сказать, вырвать один ядовитый зуб, каким готова была нанести укус змея, бороться с которой он положил до конца своей жизни. Но это отобранное письмо было еще ничем в сравнении с той силой, которая осталась в руках иезуитов в лице Иосифа Пшебецкого, и надо было уничтожить эту силу; но для этого необходимо было быть самому гораздо сильнее брата Иосифа.

Кирш задумался, не зная, сможет ли он исполнить это.

— Могу ли я, — наконец решительно спросил он, — уничтожить в тебе твою силу?

Пшебецкий молчал.

— Говори! — приказал опять Кирш. И снова он не услышал ответа.

— Говори же!

Кирш наклонился ближе и едва различил, что Пшебецкий чуть слышно прошептал:

— Трудно.

— Трудно, значит, можно! — произнес громко Кирш и стал водить над ним руками, изредка дотрагиваясь до него.

Пшебецкий вытягивался, как пласт, а Кирш не отрываясь продолжал свое дело и чувствовал, сколько энергии требовалось от него и как ослабляла его почти до полного истощения эта энергия.

Наконец, Пшебецкий задышал ровно и спокойно, и Кирш по известным ему признакам убедился, что работа его кончена.

Однако он сам едва держался на ногах от слабости и не только не был в состоянии слезть с сеновала и вернуться к себе в комнату, но не мог ступить ни шагу.

Вконец обессиленный, Кирш упал на сено рядом с Пшебецким и заснул.

В этом сне было для него подкрепление сил...

Наутро Пшебецкий проснулся и увидел лежавшего рядом с ним человека, — увидел,

пригляделся к нему и узнал в нем Трофимова. Брат Иосиф усмехнулся и только что хотел протянуть над ним руки, как в окне сеновала показался доктор Герье, пришедший отыскивать своего спутника.

Герье вошел на сеновал, Пшебецкий впустил его, но протянул ему навстречу обе руки и тем голосом, которому до сих пор все повиновались, приказал доктору:

— Спи!

На Герье, однако, это не произвело никакого действия; он даже не обратил никакого внимания на Пшебецкого, подошел к Киршу и стал будить его.

Тот проснулся и ушел вместе с доктором, оставив в полном недоумении Иосифа Пшебецкого, который не знал еще, что потерял свою силу навсегда, а думал только, что почему-нибудь случайно ему не удался гипноз.

Брат Иосиф не догадался посмотреть до приезда в Петербург в свою замшевую сумку и там только сделал страшное для себя открытие, что письмо исчезло и как будто вместе с ним исчезла его сила.

LXXXVIII

Король Людовик XVIII избежал искусно задуманной иезуитами клеветы перед императором Павлом Петровичем, но все-таки в непродолжительном времени между королем и императором произошло неудовольствие благодаря главным образом противникам консула Бонапарта и сторонникам короля, англичанам, которые завладели островом Мальтой, то есть угольями державного Мальтийского ордена, покровителем которого объявил себя император Павел.

Благодаря этому последовал разрыв с Англией, и император Павел примирился с Бонапартом и стал готовиться в союзе с ним к войне против Англии.

Король Людовик XVIII был удален из Митавы; выдававшаяся ему денежная субсидия от России была прекращена.

Покидая Россию, король, однако, успел доехать только до Варшавы, где его застало известие о кончине императора Павла Петровича.

Вступивший на престол император Алек-

сандр I вернул Людовика в Митаву, а впоследствии, после войн своих с Наполеоном, восстановил его на французском престоле.

Тогда наступили так долго и с такой уверенностью ожидаемые дни для графа Рене, и он явился, уже под своим именем герцога, приближенным возвращенного короля Франции.

Дочь вернулась к нему еще раньше, в Митаву, вместе со своим нареченным женихом, принадлежавшим к одной из древнейших фамилий Франции. Отец охотно благословил ее на брак с виконтом, и они зажили счастливо, особенно в Париже, где виконт тоже занял при короле одно из видных придворных мест.

Молодые переписывались с Елчаниновыми, и Елчаниновы приезжали к ним в Париж.

Молодой Силин довольно скоро утешился, подчинившись своей судьбе. Отец нашел ему хорошую невесту, он женился, имел детей и жил добрым русским помещиком, летом занимаясь покосами и посевами и отдыхая зимой в деревне, откуда не уезжал никогда.

Столичных городов, в особенности Петербурга, он терпеть не мог.

Кирш и Герье исчезли на некоторое время, так что никто из их друзей не знал о них ничего, но потом они снова появились и действовали, и эта деятельность их была настолько значительна, что в двух словах не передать о ней, а для этого нужно особое, обстоятельное описание.

Августа Карловна долго еще жила в Петербурге, пользуясь своей заслуженной репутацией превосходной гадалки.

Говорят, будто она предсказала Кутузову, что на него падет жребий спасти отечество.

Что же касается художника Варгина, то имя его не перешло в потомство, и даже главная работа его, роспись стен и потолков Михайловского замка, была замазана и заштукатурена, после того как замок перестал существовать в качестве дворца.

Примечания

См. роман М.Н. Волконского "Сирена".

[^^^]

АМИНЬ, ИСТИННО! (лат.)

[^^^]